

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1976

Л Е Н И Н Г Р А Д
«Н А У К А»
Ленинградское отделение
1979

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

В $\frac{70202-505}{042(02)-79}$ **424.79.4603010100**

© Издательство «Наука», 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (четырнадцатый по общему счету) ставит своей задачей подвести важнейшие итоги изучения и популяризации истории жизни и творческой деятельности Пушкина за 1976 г. и построен по тому же плану и принципам, как и все предыдущие выпуски данного издания. Следует, однако, иметь в виду, что литература о великом поэте за последние годы быстро увеличивается как в нашей стране, так и за ее рубежами: книги, статьи, заметки, рецензии, разнообразные и многочисленные материалы о нем и его произведениях появляются в периодической печати во все возрастающем количестве на всех языках мира. Заблаговременно учесть, описать или реферировать все указанные материалы становится все труднее, и для этого требуется более длительное время. Этим в известной мере объясняется то, что в последних выпусках «Временника» в некоторых разделах (это касается в первую очередь библиографических обзоров и хроникальных заметок) не всегда удавалось вместить весь набравшийся материал в заранее заданные хронологические пределы; постепенно увеличивалось расстояние между годом, которому посвящался очередной «Временник», и временем выхода его из печати; публикуемые в них исследования и статьи меньшего объема появлялись иногда со значительным опозданием, так как не могли быть напечатаны ранее из-за predeterminedенного для каждого выпуска сравнительно небольшого объема печатных листов. Поэтому стоящий на титуле настоящего выпуска год (1976) можно считать до известной степени условным: некоторые сделанные в этом году находки ряда рукописных текстов, часто имеющих отношение к пушкиниане, и относящиеся к этому году информационные сообщения и т. д. смогут быть обнародованы лишь в следующем выпуске «Временника».

В первом разделе настоящего выпуска («Материалы и сообщения») печатаются по неизвестным ранее рукописям отклики на смерть Пушкина его ближайших современников (В. Э. Вацуро); публикуется, также по неизданной рукописи, статья покойного искусствоведа А. М. Эфроса, в которой предлагается интересная

и правдоподобная догадка о происхождении и об авторе первого известного портрета Пушкина лицейских лет. В том же разделе печатаются статьи, написанные на основании изучения подлинных рукописей поэта, хранящихся в Пушкинском Доме, уточняются датировки некоторых его произведений или даются новые сообщения об их текстологической и творческой истории (статьи Н. Н. Петруниной и Р. М. Гороховой).

Второй раздел («Обзоры») содержит библиографическую работу В. В. Зайцевой «Пушкиниана 1976 года», являющуюся продолжением составленных ею аналогичных библиографических перечней, опубликованных во «Временниках» предшествующих лет. В этом же разделе помещено продолжение печатавшихся ранее критико-библиографических «Заметок на полях» (М. П. Алексеев).

В третьем разделе («Мелкие заметки») объединены, как обычно, статьи небольшого объема, посвященные самым разнообразным вопросам биографии и творчества Пушкина: уточнению дат некоторых писем (Л. А. Черейский), эпизодов из истории его жизни, оставшихся неизвестными исследователям (Л. М. Аришштейн), истолкованию его записей и цитат или заметкам об источниках его произведений (К. А. Бойко, Л. А. Черейский, С. А. Рейсер, Д. И. Белкин, А. А. Формозов, Л. В. Чхаидзе, Л. Г. Фришман, Н. М. Ботвинник). Все эти заметки, отличающиеся друг от друга по характеру изложения, окажут значительную помощь пушкиноведам в их последующих разысканиях.

Последний, четвертый раздел («Хроника») включает в себя различные хроникальные и отчетные материалы — о деятельности пушкинских музеев, обществ и организаций, о научных заседаниях, посвященных Пушкину, о новооткрытых памятниках поэта, о выбитых в его память медалях и др.

Как и во всех предыдущих выпусках «Временника Пушкинской комиссии», в четырнадцатом выпуске все цитаты из сочинений и писем Пушкина даются по «Полному собранию сочинений Пушкина» (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949); если цитированное издание не оговорено особо, в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.». Дополнительный, XVII том этого издания, вышедший в 1959 г., цитируется сокращенно: «Справочный том».

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. М. Э Ф Р О С

ПОРТРЕТ ПУШКИНА, РИСОВАННЫЙ К. Н. БАТЮШКОВЫМ

Настоящая статья представляет собой извлечение из большой работы А. М. Эфроса «Портреты А. С. Пушкина», подготовленной к печати в 1937 г., но не вышедшей в свет. Абрам Маркович Эфрос (1888—1954) — видный искусствовед, переводчик, литературный и художественный критик, первый исследователь рисунков Пушкина. Его перу принадлежат работы: «Рисунки поэта» (М., 1930; изд. 2-е. М., 1933), «Декабристы в рисунках Пушкина» (Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 923—946), «Автопортреты Пушкина» (М., 1945), «Пушкин-портретист. Два этюда» (М., 1946). Статья сопровождается редакционными комментариями. Текст в основном воспроизводится в первоначальном виде, в необходимых случаях внесена незначительная редакционная правка.

За предоставление рукописи статьи выражаем признательность вдове автора Н. Д. Эфрос.

До самого недавнего времени прижизненные портреты Пушкина начинались двумя апокрифами. Считалось, что молодого Пушкина еще в Лицее дважды рисовали художники и что такими первыми двумя портретами являются цветной рисунок Пушкина-лицеиста, принадлежавший якобы директору Лицея Е. А. Энгельгардту, и однотонный рисунок, гравированный в 1822 г. Е. Гейтманом. Энгельгардтовский рисунок входил в серию подобных же изображений лицеистов первого выпуска и естественно занимал в них основное место, соответственно значению Пушкина среди товарищей; гейтмановская гравюра была приложена к изданию «Кавказского пленника» 1822 г. в качестве портрета автора, «в молодости с него рисованного».

Однако новейшие исследования пришли к выводам, которые начисто изымают из разряда исторических документов энгельгардтовского Пушкина и сводят к минимуму свидетельскую ценность композиции Гейтмана. Те, кто изучали пушкинскую иконографию в последнее время, присоединились к положению, высказанному нами в книге «Рисунки поэта» (1930—1933), что цветной рисунок является простым сочинительством и сделан уже после смерти Пушкина, применительно к существовавшим

его портретам, но значительно омоложенным.¹ Вероятно, изготовление его было вызвано именно тем, что в серии портретов лицейстов первого выпуска не было Пушкина и это крайне обесценивало ее значение; не было в ней и других важных портретов, например Дельвига, для которого тоже было сочинено изображение, причем это было сделано еще более откровенно, чем в пушкинском случае: голова взрослого, тридцатидвухлетнего Дельвига с гравюры 1830 г. была попросту приставлена к лицейскому мундиру, без переработки.² Эти заполнения пробелов были произведены, по-видимому, в начале 1840-х годов. Скорее всего это было сделано по заказу или собственными трудами владелицы лицейской серии Т. Семечкиной,³ племянницы К. К. Данзаса, однокурсника и секунданта Пушкина. Апокрифичность энгельгардтовской реликвии бесспорна.

Намного сложнее случай с гравюрой Гейтмана. В издании «Кавказского пленника» 1822 г., выпущенном Н. И. Гнедичем, гейтмановский портрет Пушкина сопровождается следующим пояснением: «Издатели присовокупляют портрет автора, в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным».⁴ В этой пометке все до крайности неопределенно. Художник не назван. Годы не указаны. Нет пояснения и на самой гравюре. На ней есть лишь пометка Гейтмана о том, что гравером является он. Но кто делал рисунок, который Гейтман переводил в гравюру? Обыкновенно обозначались оба имени: «рисовал такой-то, гравировал такой-то», а если это было одно и то же лицо, то указывалось: «рисовал и гравировал такой-то». Вот пример с тем же Гейтманом: на известной иллюстрации к «Евгению Онегину» значится «рис. А. Нотбек, грав. Е. Гейтман»; на портрете Бурдалу — «рис. и грав. Е. Гейтман». В данном случае отсутствие имени рисовальщика уже одно свидетельствует, что придать этим именем авторитет портрету Пушкина было нельзя.

Между тем издатели в лице Н. И. Гнедича за известностями вообще не гнались. Гравёр был совсем молодой. Егор Гейтман лишь два года как кончил Академию (1820) и только начинал карьеру.⁵ Будь его соавтором такой же начинающий рисовальщик, его имя стояло бы рядом. Случай с Нотбеком подтверждает это: он был тоже малоизвестным выучеником Академии (1802—1824), когда с его оригиналов стали впервые делаться гравюры, но имя его на них все же обозначалось. Характерно, что сам Пушкин, получив от Гнедича свое детище и благодаря издателя за заботы, пишет (27 сентября 1822 г., из Кишинева): «Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли» (XIII, 48), т. е. Пушкин отдаёт должное техничности Гейтмана, но подвергает сомнению портретную достоверность рисунка, с которого копировал гравёр.⁶

Все это как будто указывает, что Н. И. Гнедич использовал нечто настолько случайное и дилетантское, что обозначить на

гравюре имя творца рисунка не представлялось возможным, даже по тем неприхотливым временам. Во всяком случае это должно было исключить из кандидатов любого мало-мальски значительного художника.

Однако законное любопытство к этому первому по времени изображению Пушкина, появившемуся в свет еще в молодости поэта, в пору его «кишиневского сиденья», выдвинуло два имени — одно значительное, другое очень скромное, но достаточно почтенное, — с которыми умолчание не вяжется и которые могли смело стоять рядом с Гейтманом. Первым кандидатом был назван не более и не менее как Карл Брюллов; вторым — лицейский учитель рисования С. Г. Чириков.

Кандидатура Брюллова восходит к пушкинскому времени и к пушкинскому современнику, но она сразу же сопровождается всяческими оговорками. Нестор Кукольник, брюлловский собутыльник в 1830-х годах, воспроизвел в № 1 «Художественной газеты» 1837 г. гравюру Гейтмана с примечанием, что она дается «не как портрет современный, а как воспоминание»; в № 9—10, в обзоре пушкинских портретов, Кукольник пишет еще точнее: «Портрет сей нарисован наизусть, без натуры, К. Б. и обличает руку художника, в нежной молодости уже обратившего на себя внимание всех того времени любителей». ⁷

Эта завеса из прозрачных инициалов странна; она ничего не скрывает, но все делает двусмысленным. Уже Сигизмунд Либрович в своей книжке (1890) «Пушкин в портретах» отметил, что «под буквами К. Б. здесь разумеется знаменитый К. Брюллов» и что на этом основании в первом же альбоме, посвященном реликвиям Московской пушкинской выставки 1880 г., гейтмановская гравюра прямо названа «копией с оригинала К. П. Брюллова». ⁸ В самом деле, для 1837 г., после триумфального возвращения Брюллова на родину и общественных экстазов перед «Гибелью Помпеи», никого другого, кроме «великого Карла», под такими инициалами подразумевать было нельзя. Но центр тяжести не в этом, а в первом утверждении Кукольника, что пушкинский портрет «нарисован наизусть, без натуры».

Это сразу решает вопрос о документальной ценности гейтмановской гравюры. Даже если бы буквы «К. Б.» означали не только в глазах читателей, но и были бы на самом деле инициалами Карла Брюллова, его роль сводилась и при этой версии к тому, что Брюллов использовал какой-то чужой материал, по которому сделал для гравюры Гейтмана карандашную подготовку. Однако если рисунок все же «обличает руку художника, в нежной молодости уже обратившего на себя внимание» и т. д., то почему Кукольник все-таки прибегнул к инициалам, когда мог открыто приписать именован Карла Брюллова блеск и ценность изображению, которое перепечатал в своей «Газете»? Это не способствует убедительности версии об авторстве Брюллова. Кукольник в чем-то сомневался или чего-то не договаривал.

Подобное положение дела, когда Брюллов, который даже в 1836 г., близко познакомившись с Пушкиным,⁹ не удосужился сделать не то что живописный портрет, но хотя бы карандашный рисунок поэта, побудило искать первоисточник гейтмановской гравюры по другому адресу. Племянник Пушкина Л. Н. Павлицев, а следом за ним еще несколько лиц утверждали, что рисунок был сделан С. Г. Чириковым, лицейским учителем рисования, и что подлинником его является карандашный портрет, который был на Пушкинской выставке 1880 г. и принадлежал П. Басистову, а затем пропал из виду.

Вообще говоря, чириковская кандидатура вполне возможна; она более возможна, чем брюлловская, и по существу и по времени. Брюллов в 1821 г. только кончал Академию, и для него, ровесника Пушкина, двадцатидвухлетнего исторического живописца, портретирование было делом сугубо побочным. Наоборот, сорокалетний Чириков (род. 1776) расстался с Академией двадцать лет назад, давно уже занимал по специальности преподавательское место в Лицее, обучал лицейстов рисовать, иногда сам делал их портреты, и среди его рисунков легко могло быть и изображение лицейста Пушкина.¹

Однако и это предположение встречает ряд затруднений. Во-первых, необъяснимо, почему Гнедич, издатель «Кавказского пленника», человек, близкий к лицейским кругам, не счел нужным упомянуть на гравюре чириковское имя, во всяком случае более почтенное, чем имя юнца Гейтмана, и представляющую собой немалое ручательство за сходство изображения. Во-вторых, чириковское авторство становится еще менее вероятным, когда мы знакомимся с подлинниками Чирикова. Нам известно, как он рисовал, какими навыками и при каких условиях. В «Рисунках поэта» нам пришлось специально заняться чириковским искусством, мы исчерпали всю сохранившуюся группу его портретных рисунков. Прежде всего ни в каких перерисовках для гравюры чириковские рисунки не нуждались. Все сообщение Кукольника рушится, ежели Гейтман работал по Чирикову. Чириков — художник небольшой, но имеющий достаточную академическую выучку, чтобы нужно было прибегать еще к посреднику между ним и гравером. Чириковский рисунок можно было прямым путем перевести в гравюру. Тройное, постепенное превращение — Чириков — К. Б.—Гейтман — исключено начисто; все соотношения тут становятся на голову: либо просто Чириков—Гейтман, либо же Икс—К. Б.—Гейтман.

Наконец, и по художественным данным рисунок совсем не чириковского склада. В гейтмановском прототипе есть известная артистичность, эlegantность приема, соединенная с романтизмом изображения. Рисовальщик стремится к эффектной композиции, к театральности деталей: к вольной растрепанности кудрей, к ритму складок одежды и плаща, к поэтической задумчивости взгляда и т. п. Чириков же рисовал иначе. Во всем ряду его

портретов, от изображения лицеиста С. Г. Ломоносова 1816 г., через мужской портрет (возможно, автопортрет) 1824 г. и портрет лицейского учителя чистописания, знаменитого «Фотия» — Ф. П. Калинин (1827), к двойному портрету лицейстов 1842 г., — всюду налицо упрощенный техницизм приема, сухая протокольность изображения и официозный строй портретов. Чириков исполнял в Лицее двойную должность: классного наставника и учителя рисования. Этого он никогда не забывает и в портретах. Его персонажи изображены в строго подтянутом виде и в сугубо благопристойной манере. Он ни в чем не вольничает. Его рисунки — своего рода изобразительный паспорт: все модели даны в официальных костюмах — фраках, мундирах, мундирчиках, с петлицами, выпушками, регалиями и т. п. Так нарисовал он даже одного из своих любимцев, лицеиста С. Г. Ломоносова, которого жаловал и который пользовался доверительностью учителя. Чириков не мог изобразить воспитанника в неглиже, или в байроническом плаще, или в поэтической позе. Это было вне его служебного долга и вне его художественных вкусов. Тем менее мог он изобразить в таком виде Пушкина, с которым у него никогда даже гувернерской близости не было, а была, скорее, наоборот, натянутость в отношениях, легко объяснимая трудным характером Пушкина, несдержанным, проказливым, порой прямо нестерпимым.

Вопросу о первом портрете Пушкина суждено было бы остаться в этом неопределенном положении, если бы очередная окаязия не принесла нового документа. В 1928 г. Пушкинский Дом приобрел у одного москвича рисунок, купленный в свою очередь у какой-то старушки на Сухаревском рынке, изображающий молодого Пушкина.¹⁰ Рисунок сделан карандашом на старой бумаге прошлого века и тронут акварелью. Первое, что бросается в глаза, — его чрезвычайная близость к гейтмановской гравюре в главных частях композиции; в то же время налицо определенная разница в деталях. Портрет изображает Пушкина отроком в той же позе, подпирающим щеку кулачком и смотрящим прямо перед собой. Но в сравнении с Гейтманом характер найденного рисунка определяют две основные черты: дилетантизм техники и реализм подробностей.

Изображение сделано человеком, у которого нет никакой профессиональной выучки. От природы он наблюдателен; у него есть способность передавать сходство; он старается рисовать легко и живо, но на деле водит карандашом и кисточкой неумело, как бог на душу положит, ошибаясь, искажая свой незаурядный замысел. Ни о каком Чирикове — не говоря уже о Брюллове — тут не может быть и речи: мы имеем дело с самоучкой чистейшей пробы. Однако этот самоучка обладает драгоценным для нас качеством: он видел живого Пушкина. В рисунке есть куски, говорящие, что это — свидетельство, а не сочинение, как в гейтмановской гравюре. Пушкин изображен совсем не эффектно, не

прибранно, а по-домашнему интимно: он в ночной рубашке, с раскрытой грудью, с распахнутым воротом, оголенной рукой, а поверх рубашки наброшено что-то вроде халата или ночной куртки. Так мог зарисовать его лишь кто-либо из друзей, видевший его в каждодневной лицейской обстановке, в вечерние часы, перед сном, или — еще правдоподобнее — во время болезни, приковавшей Пушкина к постели.

Знаменательно, что именно на устранение этих домашних деталей была направлена переработка гейтмановской гравюры. Рисовальщик-профессионал убрал ночную рубашку, открытую грудь, расстегнутый ворот, оголенную руку, ночной халат и придал одежде Пушкина иной вид: широкий, отложной кокетливый воротничок, манжеты на пуховках и романтические складки плаща. Остальное — позу, черты лица, прическу — он сохранил, но тоже выправил, сделав тоньше и отчетливее.

Все это объясняет, как должен был поступить издатель, получив от кого-то единственный по тому времени и притом дилетантский портрет Пушкина, бывшего в ссылке на юге. Гнедич дал портрет на перерисовку профессионалу, который убрал и дилетантизм, и «домашнюю интимность»; с этого второго варианта Гейтман и сделал свою окончательную гравюру. Возможно, что исправление было поручено молодому Карлу Брюллову; его мог рекомендовать Гнедичу близкий приятель и единомышленник художника — президент Академии художеств А. Н. Оленин, а участие Брюллова могло остаться не отмеченным на гравюре, поскольку он был лишь перерисовщиком чужого оригинала. Однако не исключен и другой вариант: сам Гейтман мог выправить рисунок применительно к потребностям издания, ибо рисовать Гейтман умел и делал портреты без чужой помощи. Тогда и сообщение Кукольника о «К. Б.» должно иметь иное толкование.

Однако не надо ли вообще ставить вопрос иначе: быть может, анонимный рисунок следует считать не прототипом, а копией гейтмановской гравюры? Другими словами, не было ли здесь обратного процесса переработки каким-то дилетантом — из официального портрета в домашний? Исторически и художественно такое предположение грешит соединением неправдоподобия с наивностью. Кто и ради чего в 1820—1830-х годах стал бы заниматься таким делом? В альбомах той поры подобных примеров мы не найдем. Творцы альбомных рисунков, как правило, дилетанты но они всегда светские люди; даже своих близких они не рисуют в домашнем виде. Зачем же молодому человеку, а тем более юной барышне, главной поставщице альбомных рисунков, изображать интимно знаменитого поэта, когда на гравюре он дан именно таким, каким это допускало элементарное приличие и как требовал вкус времени: романтически-небрежно, но светски-пристойно? Предположить обратное — значит ставить вопрос на голову и вводить огромную долю натяжек вместо естественного и прямого

хода: от анонимного рисунка к гейтмановской гравюре, а не на оборот.

Когда был сделан рисунок? На это можно ответить с достаточной мерой правдоподобия. Пушкин изображен не ребенком и не молодым человеком, а юношей; это выражено в рисунке еще более определенно, чем на гравюре. Пушкину примерно шестнадцать—восемнадцать лет, т. е. портрет сделан в 1815—1817 гг. Бумага и характер наброска это вполне допускают, и даже скорее, чем более позднюю датировку. Существуют данные, извлеченные Л. Б. Модзалевским из лицейского архива и свидетельствующие, что Пушкин часто болел в последние лицейские годы (простуда, мигрень, опухание шеи и т. п.): в 1815 г. — семь раз, в 1816 г. — четыре; он оставался на постельном положении по несколько дней подряд. Видимо, в один из таких больничных дней он и был зарисован кем-то, пришедшим навестить его.

Но кем? Сколько-нибудь определенного ответа дать нельзя. Все же в виде условного предположения позволительно высказать догадку, имеющую за собой несколько косвенных подтверждающих ее доводов. Мы имеем в виду К. Н. Батюшкова. Знаменитый поэт грешил по рисовальной части. Он был замечательным знатоком искусства и первым русским художественным критиком, однако сам рисовал как дилетант.¹¹ Но своих рисунков он не прятал. Они были гласным достоянием. Он не раз рисовал самого себя в разных видах. Так, в письмах к Гнедичу из-за границы, во время кампании против Наполеона в 1807 г., он изобразил себя дважды: один раз — верхом, другой раз — раненым, на костылях. Есть еще один его автопортрет, в полуфас, на листке бумаги, испещренном надписями друзей, в том числе молодого Пушкина, свидетельствующего, что это действительно батюшковский портрет, «ким самим нарисованный». Наконец, четвертый автопортрет, лучший из всех, переведенный даже в гравюру В. В. Матэ, сделан в профиль — видимо, по отражению в зеркале. Во всех его рисунках есть то сочетание артистизма и неумелости, художественного глаза и непослушной руки, какое сказывается в первой зарисовке Пушкина. Батюшков вообще задумывает намного лучше, чем исполняет, но в его дилетантизме все же сохраняется капля творческого вдохновения, а не беспомощная косность и натуга самоучки. Есть известное сходство и в манере растушевки (поздние рисунки Батюшкова после болезни), в нажиме (рисунки московского времени), в приемах, которыми он делает завитки волос, в ошибках, с какими он строит передачу черт лица. Будь это выражено резче, надо было бы и атрибуцию проводить решительнее; при данном же положении набросок с Пушкина наводит на мысль об авторстве Батюшкова, но не дает права на более категорическое утверждение.

Такие же косвенные указания дают и биографические факты. Батюшков познакомился с юным Пушкиным в конце 1814 г.¹² и стал его литературным покровителем наряду с Жуковским

и Карамзиным. Оба послания Пушкина к Батюшкову (1814—1815) говорят о настоящем дружеском чувстве, которое гениальный юнец встретил со стороны старшего поэта. Бывая в Петербурге, Батюшков навещал лицеиста. В письме 27 марта 1816 г. из Лицея Пушкин пишет Вяземскому: «Обнимите Батюшкова за того больного, у которого год тому назад завоевал он Бову-Королевича» (XIII, 3). Это свидетельствует, что Батюшков навещил захворавшего Пушкина в начале 1815 г. Пушкин в это время болел дважды: 3—5 февраля — простуда, 31 марта—2 апреля — ушиб руки. Батюшков сам оправился от болезни в конце января 1815 г., а в конце февраля, еще по санному пути, уже выехал к себе в имение. Таким образом, достоверна первая, февральская дата его встречи с больным Пушкиным. Снова увиделись оба поэта через два года, в 1817 г., когда Батюшков вернулся в Петербург. Пушкину было восемнадцать лет, он кончил Лицей и уже был членом «Арзамаса». Поэты встречались в этом году с конца августа по конец ноября, когда Батюшков уехал в Вологду. Экспромты, сочиненные ими, Жуковским и Плещеевым 1 сентября 1817 г., определяют одну из бесспорных дат встречи поэтов. Наконец, в 1818 г. оба встречались в Петербурге с января по половину июня и с середины сентября по середину ноября, когда Батюшков отправился в Италию; Пушкин был среди провожающих его и потом зачертил его профиль в ранней своей тетради. Больше они не встречались: Батюшков вернулся из Италии с тяжелой душевной болезнью, Пушкин же был в изгнании. Любопытно, что и больной Батюшков чувствовал старое влечение к портретизму. Д. В. Дашков осенью 1828 г. сообщает в письме со слов одного лица: «Между прочим сказывал он, что в Зоненштейне Батюшков любил рисовать; нарисовал несколько собственных своих портретов в зеркало, и один весьма похожий, который теперь у сестры его; рисовал Тасса в разных видах <...> нарисовал на стене голову Христа углем и часто оной молился. Вылепил также из воску Христа, Тасса и отца своего. . .».¹³

Наконец, есть третий ряд указаний, ведущих туда же: издатель «Кавказского пленника» Н. И. Гнедич был близким и долголетним другом Батюшкова, их дружба насчитывала к 1822 г. два десятилетия. Гнедич был издателем также и сочинений Батюшкова. Батюшковские письма к нему говорят о виньетах, портретах и других книгоукрашательских затеях. Если у Батюшкова был портрет Пушкина, то Гнедич не мог не видеть его, как не мог не знать и того, что портрет этот единственный, во-первых, и дилетантский, во-вторых. Задумав дать портретное приложение к «Кавказскому пленнику», он был вынужден использовать единственное изображение юного Пушкина, хотя оно и не соответствовало по возрасту времени создания «Кавказского пленника»; вместе с тем он должен был дать его в переработку. Не от него ли слышал Кукольник о том, что автором был некий «К. Б.» без

дальнейшей расшифровки, ибо болезнь Батюшкова в 1830-х годах была в апогее? И не истолковывал ли Кукольник навязанные ему две буквы по-своему, но осторожно, сохранив инициалы, тогда как в действительности набросок «К. Б.» пошел на перерисовку и гравирование непосредственно к Гейтману?

Все это догадки, которые возможны и правдоподобны, но не обязательны. Во всяком случае от самого Брюллова версия о его тождественности с «К. Б.» не исходила. Будь иначе, ему незачем было бы прятаться за инициалы, когда кругом было столько разговоров о его неосуществленном намерении написать портрет Пушкина; в беседах с близкими и учениками он мог бы в этом случае сообщить, что рисовал когда-то Пушкина в молодости. Между тем А. Н. Мокрицкий, ученик Брюллова, оставивший в своем дневнике ряд пометок о встречах Брюллова с Пушкиным и о высказываниях мастера по поводу Пушкина, ни разу не упоминает о таком примечательном факте, как ранний брюлловский набросок с поэта. Вся эта версия столь же ложна, как и другие домыслы о пушкинских портретах Брюллова, на которые были так падки поклонники художника середины XIX в., приписывая обожаемому мастеру даже посредственные копии с портрета Кипренского.

¹ Эфрос писал об этом портрете: «Он даже не переработан, а сочинен вчистую. Это абстракция, составленная из среднего пропорционального пушкинских портретов. В ней собрана сумма его изображений, сведенная применительно к лицейским годам» (Э ф р о с А. Рисунки поэта. М., 1933, с. 112).

² Подробнее см.: Э ф р о с А. Рисунки поэта, с. 112.

³ О жизни и деятельности Татьяны Борисовны Семечкиной (1845—1919) см.: К и с е л е в а Т., Мужельская Л., Шевырева Л. Уголок А. С. Пушкина в Саратове. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967, с. 79—81.

⁴ Кавказский пленник. Повесть. Соч. А. Пушкина. СПб., в типографии Н. Греча, 1822, с. 49. См. также: Б а р т е н е в П. И. Пушкин в южной России. М., 1914, с. 122—123. Гравюра с портретом поэта-юноши, приложенная к первому изданию «Кавказского пленника» 1822 г., и гравированная доска Е. И. Гейтмана хранятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Ленинград) (Пушкин и его время. Исследования и материалы, вып. 1. Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, с. 555, 560). См. также: Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Каталог. Л.—М., 1957, с. 57.

⁵ Сведения о работах гравера Егора Ивановича (Георга Иоганна) Гейтмана (1798—1862) приводятся в кн.: Художники народов СССР. Библиографический словарь, т. 2. М., 1972, с. 433—434.

⁶ Кстати, Пушкин говорит о своем портрете, что он «литографирован»; на самом деле он выполнен в технике «пунктирного гравирования», но напоминает литографические опыты, только что вводившиеся у нас П. А. Шиллингом. В приписке в письме к Н. И. Гнедичу (от 13 мая 1823 г.), очевидно просившему его прислать свой портрет, Пушкин писал: «Своего портрета у меня нет — да на кой черт иметь его» (XIII, 63). «Вопросы иконографии никого из писателей того времени так остро не волновали, как Гнедича», — писал А. Ю. Вейс о Н. И. Гнедиче, напоминая о его неустанных заботах по сохранению и изданию портретов современных ему русских писателей. Именно Гнедич заказал художнику Н. Тончи портрет И. И. Дмитриева, который сохранился в оригинале и в литографии с него, приложенной к из-

данию стихотворений поэта; Гнедичем же осуществлено издание литографированного портрета Ф. Н. Глинка. Закономерно поэтому, что тот же Гнедич заказал Е. Гейтману и издал портрет юного Пушкина (см.: Пушкин и его время, вып. 1. Л., 1962, с. 415—416).

⁷ Художественная газета, 1837, № 1, с. 24; № 9—10, с. 160.

⁸ Л и б р о в и ч С. Пушкин в портретах. История изображений поэта в живописи, гравюре и скульптуре. СПб., 1890, с. 6—7. Описание гравюры Е. Гейтмана см. в кн.: А д а р ю к о в В. Я. Указатель гравированных и литографированных портретов А. С. Пушкина. М., 1926, с. 5—6. Проблема авторства портрета, послужившего оригиналом для гравюры Гейтмана, затрагивается также в статьях: С и д о р о в А. Проблемы иконографии Пушкина. — В кн.: Пушкин. Сб. статей под ред. проф. А. Еголина. М., 1941, с. 360—364, 378; Г р а б а р ь И. Э. Внешний облик Пушкина. — В кн.: А. С. Пушкин. Материалы юбилейных торжеств. 1799—1949. М.—Л., 1951, с. 142—144. Н. О. Лернер в «Заметках о Пушкине», говоря о ложно приписанных кисти К. П. Брюллова портретах Пушкина 1830-х годов, уделил внимание также гравюре Гейтмана, «где Пушкин изображен мальчиком лет 12—14», но вопрос об авторе подлинника рисунка, с которого гравировал Гейтман, в сущности оставил открытым, склоняясь в сторону кандидатуры Брюллова («... мы можем приписывать Брюллову лишь участие в самом раннем из известных изображений поэта»), см.: Л е р н е р Н. О. Заметки о Пушкине. III. Лжебрюлловский портрет Пушкина. — Русская старина, 1911, № 12, с. 665—667; статья сохраняет лишь историографический интерес, так как в ней собрано много фактических данных о затнувшемся споре. «Предположительное» авторство Брюллова допускал такой авторитетный искусствовед, как Н. Г. Машковцев (см.: К. П. Брюллов в письмах и воспоминаниях современников. Сост. Н. Г. Машковцев. М., 1952, с. 130, 262). Вопрос об авторстве портрета был затронут А. А. Сидоровым в его монографии «Рисунок старых русских мастеров» (М., 1956, с. 451): «... уместно вновь поднять вопрос о том, кто нарисовал первый известный портрет Пушкина, гравированный Е. Гейтманом. Чириков? — это было высказано племянником Пушкина. Но Чириков, преподаватель Лицея, был художником совсем другого рода, чем автор портрета. К. Брюллов? Но в его раннем творчестве нет убедительных параллелей к портрету юноши Пушкина. Вопрос донные открыт».

⁹ Сводку данных о знакомстве и встречах Пушкина с К. П. Брюлловым дал В. Э. Вацуру (в кн.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 370—371). В настоящее время установлено, что личное знакомство Пушкина с Брюлловым состоялось в Москве в 1836 г. и продолжалось в Петербурге, где они часто общались до самой смерти поэта. См.: Г а в р и л о в а Е. И. 1) Пушкин, Гоголь и Соболевский в рисунках Карла Брюллова. — Искусство, 1971, № 2, с. 357—360; 2) Пушкин и Карл Брюллов. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972, с. 51—56.

¹⁰ Ныне портрет находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

¹¹ Н. В. Зарецкий в своем альбоме «Русские поэты как художники и рисовальщики» уделил две страницы пояснительного текста рисунку Батюшкова (пером) — автопортрету 1807 г. Автор утверждает, что у нас сохранилось мало рисунков Батюшкова, но что он получил образование как художник у итальянских живописцев в пансионе Джаркино (Giarchino) в Петербурге (Z a r e t z k y N. V. Russische Dichter als Maler und Zeichner. Aus dem Nachlass des Verfassers. Hrsg. D. Tschizewskij. Recklinghausen, 1960, S. 21—22). Ср. письмо Батюшкова к отцу от 11 ноября 1801 г., где он рассказывает о картине «Диана и Эндимион», над которой он в то время работал: «Рисую я большую картину карандашом Диану и Эндимиона (<...> но еще и половины не кончил, потому что сия работа ужасно медленна» (Б а т ю ш к о в К. Н. Соч., т. III. СПб., 1886, с. 3).

¹² См.: Ц я в л о в с к и й М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., 1951, с. 61, 68, 73.

¹³ См.: М а й к о в Л. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896, с. 262.

Н. Н. ПЕТРУНИНА

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА «ДУБРОВСКИЙ»

1

«Дубровский» не был Пушкиным завершен. Известный нам текст романа — последний слой черного автографа, опубликованный посмертно. Кроме этой рукописи до нас дошли планы «Дубровского», краткие его программы, наброски, разрабатывающие мотивировки наиболее острых поворотов фабулы. Все они, за исключением напечатанного В. Я. Брюсовым в 1903 г. первоначального плана романа,¹ были введены в научный оборот в 1923 г., с выходом в свет первого критически проверенного советского издания «Дубровского», подготовленного Б. В. Томашевским и К. И. Халабаевым.² В томе VIII «Полного собрания сочинений» Пушкина («большое» академическое издание) планы и программы напечатаны в такой последовательности: 1) «Островский, воспитываясь в Петербурге», 2) «Дубровский — 1-я глава, 2-ая»; 3) «Ссора. Суд»; 4) «[Кн. Верейский visite]»; 5) «[разлука, объяснение, обручение]» (VIII, 830—832; в одном ряду с планами напечатаны здесь и пушкинские наброски мотивировок). Этот порядок публикации сохранен и в академическом издании сочинений Пушкина в 10-ти томах, где текст «Дубровского» заново проверен и уточнен Б. В. Томашевским.³

В рукописи «Дубровского» проставлены даты почти под всеми главами, а иногда и в середине глав. Время работы над романом определяется, таким образом, очень точно. Вероятно, поэтому даты и последовательность возникновения отдельных планов не привлекали специального внимания: они (и это закономерно)

¹ См.: Письма Пушкина и к Пушкину. Ред. и примеч. Валерия Брюсова. М., 1903, с. 136—137.

² Пушкин А. Дубровский. М.—Пг., 1923, с. 116—118.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VI. Изд. 2-е. М., Изд-во АН СССР, 1957, с. 770—771.

изучались прежде всего как отражение формирующейся социально-исторической проблематики романа. Именно с этой точки зрения сопоставлялись они и с текстом «Дубровского».⁴ Между тем точная их последовательность и хронология важны не только для публикатора, но и для ответа на более широкий круг вопросов. Поскольку речь идет о периоде становления у нас жанра романа в современном понимании слова, приобретают особое значение картина формирования повествовательной структуры, степень внимания романиста к отдельным ее компонентам, перемещение его интереса с одних элементов замысла на другие.⁵ И что особенно существенно, более точная датировка отдельных программ «Дубровского» прольет дополнительный свет на последнюю стадию работы над романом, на то, как мыслится его продолжение к моменту, когда «Дубровский» был оставлен.

Принятая система публикации планов романа в первых своих звеньях бесспорна. Самое раннее письменное отражение замысла «Дубровского» — план «Островский, воспитывающийся в Петербурге» — возник до 21 октября 1832 г., когда Пушкин начал писать первую главу. Он представляет собой первоначальную, во многом еще предварительную разработку всего сюжета, охватывающую действие от завязки до эпилога, включая последнюю, оставшуюся неосуществленной, часть романа. Этот план намечает одну сюжетную линию — судьбу главного героя, который еще сохранил здесь имя своего прототипа — Островский. В наброске отсутствует линия «отцов» и никак не отразилась социально-историческая проблематика первых глав романа. Можно думать поэтому, что от момента создания этих глав его отделяет известный промежуток времени. Примечательно и другое: строя фабулу задуманного повествования, Пушкин намечает мотивировки поворотных событий в жизни героя, но самый характер Островского никак не прояснен и ничто не выдает обусловленности романических событий внутренней природой центрального персонажа. Более того, план не оставляет сомнений, что в этот момент творческую мысль автора занимал не характер героя и не социально-историческая обусловленность его судьбы, а почти исключительно событийная сторона сюжета. Уже в этом, первоначальном плане замысел обнаруживает свою трехчастность, выходя за пределы реальных, известных Пушкину обстоятельств

⁴ Из новейшей литературы вопроса см. в этой связи: С о б о л е в а Т. П. Повесть А. С. Пушкина «Дубровский». М., 1963, с. 14—17; С и д я к о в Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973, с. 88; М а р ц и а н В. Г. Роман А. С. Пушкина «Дубровский» в школьном изучении. Л., 1974, с. 14—17.

⁵ С этой точки зрения заслуживает внимания вывод Б. В. Томашевского о том, что типы творческих планов и программ варьируются в зависимости от индивидуальных особенностей работы писателя. К этому выводу исследователь пришел как раз в результате сопоставления планов «Дубровского» с планами произведений других русских писателей. См.: Т о м а ш е в с к и й Б. В. Писатель и книга. Изд. 2-е. М., 1959, с. 101—102.

А. С. Пушкин. Гравюра Е. Гейтмана. 1822 г.

А. С. Пушкин. Рисунок, приписываемый К. Н. Батюшкову. 1820-е годы.
(Всесоюзный музей А. С. Пушкина).

жизни Островского-прототипа: за историей превращения дворянина в разбойника следует рассказ о том, как «жажда мщения» сменяется в душе героя любовью к дочери врага; в третьей же части Островский, ставший мужем и отцом и уединенно живущий в Москве, попадает в руки полиции.

Предварительный характер плана — причина того, что действие романа сразу же отклонилось от первоначальных наметок. Записав две главы «Дубровского», Пушкин набрасывает новый план — план продолжения написанного. Герой здесь уже носит имя Дубровского, а готовые главы лишь названы («1-я глава, 2-ая»). Предмет нового наброска — ход событий от начала третьей главы до сокрытия «Дубровского и его виновных людей» после пожара Кистеневки. И этот план, где в фабулу II—VI глав вплетаются эпизоды и мотивы второй части романа («Жажда мщения. Встреча его с дочерью Дубровского» — VIII, 830), подвергся в ходе дальнейшей работы уточнениям. В целом же замысел заметно конкретизировался, обретя здесь очертания, известные по писаному тексту романа. Второй план, возникший, когда две главы «Дубровского» уже существовали, и уточненный в ходе написания III главы, можно с уверенностью датировать временем между 27 октября (когда была завершена II глава) и 2 ноября 1832 г. — днем окончания III главы романа.

Если соотношение двух первых планов «Дубровского» не может вызвать сомнений, то хронологическая последовательность рабочих схем (программ), которые Пушкин набрасывал в ходе дальнейшей работы над романом, как мы сейчас убедимся, не соответствует традиционному порядку их публикации. Все они записаны на одном, отдельном листе бумаги (ПД № 184), где находятся кроме них черновик отрывка «Желал я душу освежить», перечень «Повестей Белкина», рисунки, расчеты. В описании пушкинских рукописей все программы «Дубровского» датированы: «1833, январь».⁶ Уяснению последовательности, в которой программы возникли, может способствовать как содержание отдельных набросков и характер связи между ними, так и порядок появления записей на листе ПД № 184, проясняющийся из сопоставления некоторых палеографических признаков.

Первым появился здесь черновой набросок «Желал я душу освежить». Как это нередко бывало с Пушкиным, замедление, а потом и остановка в работе над стихотворением сопровождалась появлением карандашных рисунков, свободно расположившихся в нижней части листа. Это фигуры мужчины во фраке и женщины в чепце, погрудное изображение другого мужчины с волевым профилем, с взъерошенными волосами, одетого в офицерский мундир с эполетами, мужская голова в парике в профиль. Веро-

⁶ Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., 1937, с. 76, № 184.

ятно, уже при новом обращении к тому же листу Пушкин, повернув его вправо, набросал в промежутке между стихами и рисунками перечень «Повестей Белкина» с подсчетом их объема и — в том же направлении, в свободном правом нижнем углу, — программу «Дубровского»: «[разлука, объяснение, обручение]». По-видимому, тогда же (свежеочиненным карандашом) был внесен ряд поправок во вторую строфу стихотворного наброска и тщательно прорисован офицерский профиль. И уже после этого на листе в том же направлении, что и стихотворный набросок, появились чернильные записи: проба пера, прорисовка мужского лица анфас и отдельное его повторение, прорисовка женского лица и рисунок с изображением двух хижин, который находится в непосредственном соседстве с программой «[разлука, объяснение, обручение]», причем видно, что отдельные чернильные росчерки рисунка идут поверх более ранней карандашной записи плана. И лишь в последнюю очередь, снова повернув лист вправо, Пушкин на единственном оставшемся свободным месте его лицевой стороны, столбцом вдоль левого края, частично в обход карандашных рисунков, записал еще одну программу продолжения «Дубровского»: «[Кн. Верейский visite]». Эта запись в совокупности с набросанной на обороте листа программой предшествующих (и уже написанных к этому времени) глав образует составленную по единому принципу схему всего романа.

Что программа «[разлука, объяснение, обручение]» предшествовала программе «[Кн. Верейский visite]», видно не только из реконструированного выше порядка заполнения листа ПД № 184, но и из содержания обеих схем. Прежде всего в первой из них, где в роман вводится новое действующее лицо, а вместе с ним и новая сюжетная линия, жених Марьи Кириловны («Жених. К «*князь* Ж.»») еще не получил имени, присвоенного ему в программе «[Кн. Верейский visite]», а затем и в черновом тексте XIII главы. К моменту, когда появилась схема «[разлука, объяснение, обручение]», XII глава «Дубровского», в содержание которой и входят первые пункты этой программы, по-видимому, еще не существовала. Датировать схему следует, таким образом, временем до 21 декабря — числа, проставленного поэтом после завершения соответствующей этим пунктам части XII главы. Вторая рабочая схема представляет собой вариант первой, отменяющий ее. Она набросана в момент, когда первые пункты предшествующей программы («разлука, объяснение, обручение») были реализованы в тексте. Не включив их поэтому в новую схему, Пушкин приступает здесь к более детальной разработке дальнейшей части фабулы — от появления в Покровском князя Верейского до свадьбы, уточняя одновременно последующий ход действия. При этом текст первого варианта программы, служивший в работе исходным моментом, был подвергнут правке и в таком виде положен в основу новой схемы. В ходе этой правки из первой схемы был вычеркнут ряд пунктов, одни («разлука, объяснение,

обручение. Капитан Исправник) — как уже реализованные в тексте, другие («похищение», «хижина в лесу», «франс. <?> Су-масшествие») — как не соответствовавшие на этом этапе замыслу. Основанием для датировки последней программы «Дубровского» может служить пункт ее «2 visite» («второй визит»), отмененный уже в ходе работы над второй половиной XIII главы романа, которая писалась между 25 и 28 декабря 1832 г. и где «второй визит» князя Верейского уступил место ответному визиту отца и дочери Троекуровых в Арбатове. Если же отождествить последний с пунктом «2 visite», то можно уверенно считать, что программа не могла возникнуть позже 6 января 1833 г. К этому дню Пушкин окончил XVI и XVII главы «Дубровского». В первую из них он ввел эпизод с письмом Марьи Кириловны к жениху, которое, попав в руки Троекурова, ускорило свадьбу, во вторую — историю с кольцом. Оба эти эпизода можно рассматривать как аналог фабульного звена, обозначенного в программе пунктом «Письмо перехваченное».

Уточнение хронологической последовательности рабочих схем «Дубровского» имеет особое значение для корректирования наших представлений о последней стадии в формировании замысла третьей части романа, которая так и не была написана.

В предварительном плане романа об Островском за пунктом «Учитель убегает с барышней» следовало: «Жена его рожает. Она больна, он везет ее лечиться в Москву — избрав из шайки надежных людей и распустив остальных. Островский в Москве живет уединенно, фореитор его попадает в буйстве и доносит на Островского (с одним из шайки Островского). Обер полицмейстер» (VIII, 830). Первый по времени возникновения вариант рабочей схемы изменил условия, при которых Дубровский увозит Марью Кириловну. В остальном схема следует за наметками предварительного плана: «Москва, лекарь, уединение. Кабак, извет. Подозрения, полицмейстер» (VIII, 832). В московских сценах романа, как отразились они в этой программе, окончательно сводились воедино линия гражданской судьбы героя-протестанта и история его любви. Жизненная трагедия Марьи Кириловны отступила бы здесь на второй план, оказавшись следствием того, что она связала свою жизнь с отщепенцем. И хотя, как это неоднократно отмечалось, перенесение действия в Москву повлекло бы за собой новое расширение социального диапазона романа, концентрация внимания на судьбе главного персонажа с неизбежностью должна была ограничить емкость повествования.

С этой точки зрения та программа завершения «Дубровского», которая (как это видно из предлагаемого нами прочтения автографа) была хронологически последней, знаменует собой новый этап в развитии замысла. Вот ее текст: «Жизнь Марьи Кириловны — Смерть Князя Верейского. Вдова. Англичанин — Свидание. Игроки. Полицмейстер. Развязка» (VIII, 831). Последняя схема окончательно закрепляет за Марьей Кириловной роль,

сопоставимую по значимости с ролью Дубровского. Можно думать, что пункт «Жизнь Марьи Кириловны» таил в себе не меньшие возможности, чем появившийся в предыдущей программе пункт «Жених», который в тексте XIII, XIV, XVI глав развернут в сцены, существенно обогативших повествование. Таким образом, к моменту, когда работа над «Дубровским» остановилась, Пушкин предполагал в заключительной части романа вновь вывести обоих героев-любowników и изобразить их встречу в Москве, оборачивающуюся для Дубровского новой трагедией. Но, быть может, главное из того, что ощущается за скупыми строками последней схемы, это активность, которой отмечена роль главного героя. И Островский предварительного плана, и Дубровский первого варианта рабочей схемы живут в Москве уединенно, скрываясь от преследования. Здесь же герой, находящийся вне закона, пытается вновь открыть себе доступ в общество под маской иностранца, как некогда он проник в дом Троекурова в качестве француза-учителя. Еще одна безуспешная попытка отщепенца подчинить себе враждебные обстоятельства безусловно давала романисту больше возможностей, чем пассивное «уединение» героя предшествующих планов. Одновременно последняя программа «Дубровского» отразила ту стадию в развитии замысла, когда композиция романа в целом впервые обрела известную художественную завершенность: увеличение удельного веса романтических событий третьей части сообщило изначальной трехчастности задуманного повествования дополнительную емкость, более точные масштабы и пропорции.

2

В статье «„Дубровский“ и социальный роман Жорж Санд» Б. В. Томашевский отметил ряд параллелей между «Дубровским» и вторым романом Ж. Санд — «Валентина». «В октябре 1832 г., когда Пушкин начал роман, — подчеркивал исследователь, — „Валентина“ была свежей новинкой».⁷

Между тем еженедельник «Bibliographie de la France» зарегистрировал выход «Валентины» в № 46 от 17 ноября 1832 г. Это означает, что роман увидел свет 10—16 ноября нового стиля, а в переводе на старый стиль — 29 октября—4 ноября. Почта между Парижем и Петербургом шла в начале 1830-х годов около двух недель, и новая книжка Ж. Санд могла быть получена в северной столице не ранее середины ноября. А вот некоторые из дат, проставленных Пушкиным в рукописи «Дубровского»: роман начат 21 октября 1832 г., к 11 ноября написано восемь его глав, после чего Пушкин, заболев, прервал работу и вернулся к ней лишь 14 декабря, когда была окончена IX глава.

⁷ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 411.

Итак, ко времени, когда Пушкин мог прочесть «Валентину» Ж. Санд, первая часть «Дубровского», которую заключают рассказ о появлении в доме Троекурова француза-учителя, история с медведем и, наконец, завязка любовной интриги, существовала в рукописи. Более того, уже план «Островский, воспитываемый в Петербурге», предшествующий, как мы видели, началу систематической работы над романом, показывает, что такие конструктивные признаки, как сельская обстановка или социальное неравенство героев-любовников, присущи замыслу Пушкина изначально и получили письменное отражение в то время, когда «Валентина» еще не вышла в свет.

Прослеживая черты, сближающие «Дубровского» с «Валентиной», Б. В. Томашевский разделил их на две группы: одни (обстановка деревни, общественное неравенство, разделяющее героя и героиню), логически вытекающие из замысла, и другие, уже не обусловленные самим замыслом. Мы только что убедились, что признаки первой группы определились до знакомства Пушкина с романом Ж. Санд, независимо от него. Остается признать, что случайными являются и некоторые из более частных точек соприкосновения между русским и французским романами, отмеченных Б. В. Томашевским. Таков, например, в III главе «Дубровского» образ «белого платья, мелькающего между деревьями сада», который, по мнению исследователя, «почти буквально воспроизводит аналогичное место» из XIV главы «Валентины».⁸ Напомним, что III главу своего романа Пушкин окончил 2 ноября.

В недавнее время З. Г. Розова справедливо привлекла внимание к сходству между рядом сюжетных положений и сторон этической проблематики второго тома «Дубровского» и традиционным комплексом ситуаций и проблем, восходящим к «Новой Элоизе» Ж.-Ж. Руссо. Элементы же параллелизма между «Дубровским» и «Валентиной» объясняются, по мнению З. Г. Розовой, связью каждого из этих романов с «Новой Элоизой». Это положение исследовательница подтвердила, проследив в романе Руссо ряд образов и мотивов, общих для «Дубровского» и «Валентины».⁹

Думается, однако, что как ни бесспорны все приведенные соображения, они не являются достаточным основанием для того, чтобы полностью исключить возможность отражения в «Дубровском» впечатлений от чтения «Валентины». Задача состоит в том, чтобы уточнить возможные границы этого литературного контакта. Как мы уже говорили выше, роман Ж. Санд Пушкин мог прочитать не раньше, чем во время перерыва в работе над «Дубровским», предшествовавшего созданию его второго тома. Сопоставляя романы Пушкина и Ж. Санд, Б. В. Томашевский не обратил вни-

⁸ Там же, с. 417.

⁹ Розова З. Г. «Дубровский» Пушкина и «Новая Элоиза» Руссо. — Вопросы русской литературы, Львов, 1971, вып. 3, с. 64—69.

мания на то, что большинство констатированных им случаев сходства приходится на вторую часть «Дубровского». Именно во второй части, где разворачиваются все перипетии любовной интриги, руссоистская проблематика, получившая новую, трансформированную интерпретацию во втором романе Ж. Санд, могла иметь наибольшее приложение. Но ведь эта часть «Дубровского» писалась тогда, когда «Валентина» несомненно читалась в Петербурге. Примечательно уже то, что число отмеченных Б. В. Томашевским сближений между «Валентиной» и второй частью пушкинского романа легко можно умножить. Вспомним хотя бы сцену драки Саши с рыжим мальчиком в XVII главе «Дубровского»: «Мальчишка сился от него отделаться. Он был, по-видимому, двумя годами старше Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увертливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел < . . . > Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног» (VIII, 216). И сравним с нею описание другой драки, в XXI главе «Валентины»: «Celui-ci, évidemment plus faible, mais agile et de sang-froid, lui passa son pied dans les jambes et le fit tomber» («<Бенедикт> был явно слабее, но зато увертливее и хладнокровнее; он подставил <Пьеру> подножку, и тот покатился по траве»). Конечно, и это и другие подобные совпадения могут объясняться как общностью литературных ассоциаций романистов, так и сходством тех или иных элементов фабулы, в разработке которых отразились сходные жизненные впечатления. И тем не менее такие совпадения настораживают: под непосредственным впечатлением только что прочитанной «Валентины» в черновом тексте второй части «Дубровского» могли возникнуть отдельные непроизвольные реминисценции.

Можно, наконец, высказать и одно предположение. Мысль вместо тайного брака Дубровского и Марьи Кириловны изобразить в романе подневольный брак героини с князем Верейским возникла у Пушкина на сравнительно поздней ступени развития замысла, уже после того, как поэт приступил к работе над вторым томом «Дубровского». Не послужило ли толчком к этому новому повороту в сюжетном развитии романа чтение «Валентины»?

Пафос романа Ж. Санд — в протесте против лицемерия светского брака и в провозглашении права любовников на счастье независимо от разделяющих их общественных предрассудков и сословных перегородок. К моменту первой встречи Валентины и Бенедикта, героев-любовников Ж. Санд, Валентина была невестой графа де Лансака. По мере того как героиня осознает свою любовь к Бенедикту, ее жених, блестящий аристократ, является ей в истинном своем облике холодного, равнодушного эгоиста. Он же сознательно закрывает глаза на все сложности душевной жизни Валентины: брак для де Лансака — единственное средство поправить расстроены дела.

Не говоря уже об изменении планов продолжения «Дубровского», совпавшем по времени с появлением в Петербурге романа Ж. Санд, в XIII и последующих главах романа Пушкина можно уловить отзвуки ряда мотивов, характерных для «Валентины». Вот один такой случай. При первом же посещении князем Верейским Покровского между ним и Троекуровым происходит следующий разговор: «Куда же девался наш Ринальдо?» — спрашивает князь о Дубровском. «Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?»

— Чего любопытно! — сказал Троекуров, — она знакома с ним — он целые три недели учил ее музыке, да слава богу, не взял ничего за уроки. — Тут Кирила Петрович начал рассказывать повесть о своем французе-учителе. Марья Кириловна сидела как на иголках. Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашел все это очень странным и переменял разговор» (VIII, 208). Складывается впечатление, что из рассказа Троекурова по-современному образованный Верейский, который и историю Дубровского воспринимает сквозь призму литературных ассоциаций, понял больше, чем сам Троекуров из событий, разыгравшихся у него на глазах. Но красота Марьи Кириловны произвела на «старого волокиту» столь сильное впечатление, что, подобно графу де Лансаку, он спешит закрыть глаза на случай, способный осложнить его отношения с отцом или с дочерью Троекуровыми.

Появление жениха, вынужденный брак героини, которая любит и любима, с другим, с человеком, избранным ее семьей, — мотивы, присутствующие как в «Валентине», так и в «Новой Элоизе». Но в романе Руссо брак с Вольмаром — необходимый этап на пути нравственного совершенствования Юлии. В «Валентине» же, как и в «Дубровском», тема подневольного брака обретает социальное звучание.

В результате сравнительного анализа «Дубровского» и «Валентины» Б. В. Томашевский пришел к выводу, что «для Пушкина „Валентина“ явилась лишь романом-типом, образцом современного романа, и сходство с этим романом касалось несущественных „общих“ примет современного романа».¹⁰ Как мы старались показать, вывод этот нуждается в серьезном уточнении. В основных, определяющих своих чертах замысел, а в значительной части и текст «Дубровского» сформировались до знакомства Пушкина с «Валентиной». Как тип романа «Дубровский» тяготеет к сопоставлению с иными литературными традициями, с иными образцами повествовательного искусства. Но чтение романа Ж. Санд, в центре которого находится женщина, ставшая жертвой традиционных общественных институтов, заострило внимание Пушкина на судьбе героини его повествования. Таково истинное значение «жоржсандовского» элемента в истории создания «Дубровского».

¹⁰ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция, с. 422.

Р. М. ГОРОХОВА

ПУШКИН И ЭЛЕГИЯ К. Н. БАТЮШКОВА
«УМИРАЮЩИЙ ТАСС»

(К вопросу о заметках Пушкина на полях «Опытов»
Батюшкова)

Значение пушкинских помет на полях стихотворного тома «Опытов» Батюшкова для понимания целого ряда вопросов, связанных с эстетическими воззрениями Пушкина и его творчеством, убедительно доказано многими исследователями. Однако до сих пор в этих пометах не все ясно, начиная с их датировки и кончая толкованием отдельных замечаний Пушкина.

В центре внимания изучавших эти маргиналии обычно оказывалась пушкинская оценка элегии «Умиравший Тасс», как одна из наиболее развернутых и к тому же, казалось бы, содержащая несомненные данные для датирования помет (по крайней мере тех, которые, как и заметка к этой элегии, сделаны карандашом). Тем не менее прежде всего именно эти данные приводили исследователей к самым разным выводам и заставляли относить пометы то к 1817 г., то к 1820-м годам (1820—1824 или 1826—1828), датировать их «не ранее 1830 г.» или даже «после 1834 г.».

С другой стороны, некоторые определения Пушкина, касающиеся элегии, неизменно остаются камнем преткновения для критиков; особенно это относится к выражению «добродушие историческое, но вовсе не поэтическое», толкуемому иногда весьма сложно, но малоубедительно. И, наконец, вся характеристика «Умиравшего Тасса» хотя порой и вызывает у исследователей почтительное недоумение, однако часто приводится без особых оговорок в работах о Батюшкове для оценки этого произведения, и тем самым снижаются его художественные достоинства и значение в развитии русской элегии начала XIX в.

В предлагаемой заметке автор ставит своей целью указать на некоторые имена и литературные факты, не учтенные или, как нам кажется, неверно истолкованные при рассмотрении пушкинской оценки «Умиравшего Тасса», а также высказать свои пред-

положения и толкования, не претендуя, однако, на бесспорность и окончательное решение всех сложных вопросов, связанных с указанными пометами Пушкина.

1

Напомним, что первый публикатор заметок Пушкина Л. Н. Майков¹ располагал оригиналом — пушкинским экземпляром «Опытов» с его замечаниями. Майков скопировал пометы в свою книжку «Опытов» Батюшкова в точном соответствии с их размещением и написанием, карандашом и чернилами, как это было у Пушкина. После исчезновения книги Пушкина в начале XX в. единственным источником изучения пушкинских помет остался томик Майкова с копией этих помет.² Отсутствие подлинника, естественно, затрудняет решение некоторых вопросов, особенно датировку помет Пушкина (нет возможности сравнить почерк поэта); однако само содержание помет позволяет сделать правдоподобное предположение об их времени.

Скажем сразу, что все пометы мы относим к одному периоду — к концу 1824—началу 1825 г., а ниже попытаемся обосновать эту датировку. Вернее будет сказать, что мы во многом разделяем точку зрения, высказанную В. Б. Сандомирской, которая датирует пометы Пушкина 1821—1824 гг.,³ и лишь приведем дополнительные данные в подтверждение и уточнение этой датировки.

Следует также напомнить предположение Майкова, что «большая часть этих замечаний набросана им около 1825 года»,⁴ т. е. когда Пушкин готовил к печати свой первый сборник стихотворений; однако сам Майков принял более, по его мнению, вероятную датировку помет — 1826—1828 гг., относя их, следовательно, к периоду пребывания Пушкина в Москве после возвращения из Михайловского. Свою датировку Майков основывал главным образом на двух аргументах. Первый — что ссылки Пушкина в пометах на самого Батюшкова, И. И. Дмитриева и Вяземского могли появиться только после приезда Пушкина в Москву, где он стал часто встречаться с Вяземским, который мог сообщить ему и мнение Дмитриева и Батюшкова (с Дмитриевым Пушкин

¹ См.: Майков Л. Н. Пушкин о Батюшкове. — Русский архив, 1894, № 4, с. 528—555. Перепечатано в кн.: Майков Л. Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 284—317. Ниже работа Майкова цитируется по этому изданию.

² Экземпляр «Опытов» с перенесенными Майковым пометами Пушкина хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома АН СССР (ИРЛИ, ф. 244, оп. 6, № 38). В нашей работе ссылки на эти пометы приводятся по «большому» академическому изданию (XII, 257—284).

³ Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974, с. 16—35.

⁴ Майков Л. Н. Пушкин, с. 291.

не был лично знаком до 1826 г., а с Батюшковым его знакомство не являлось достаточно близким и продолжительным).⁵ Но ведь зафиксированное в пометах мнение Дмитриева и Батюшкова, а также и самого Вяземского Пушкин мог знать от друзей еще до своего отъезда на юг, например во время встреч в арзамасском кругу (где, естественно, обсуждались вышедшие в 1817 г. «Опыты») и даже, как уже сказано у В. Б. Сандомирской, от самого Батюшкова.⁶

Другой аргумент датировки Майкова основан на предположении, что стихотворение Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов» (перевод из «Чайльд-Гарольда» Байрона), вписанное Пушкиным на последней чистой странице сборника, он мог узнать тоже от Вяземского, но не позже 1823 г., когда стихотворение появилось в печати.⁷ Это соображение также представляется нам неубедительным, и прежде всего потому, что запись стихотворения может не иметь никакого отношения ко времени помет.⁸

В. Л. Комарович, уделивший особое внимание датировке заметок, считал, что они делались в два приема: в конце 1817 г. (чернилами) и в конце 1830 г. (карандашом).⁹ Главным основанием для отнесения всех карандашных помет к 1830 г. послужило сравнение Пушкиным образа батюшковского Тассо с дядей Василием Львовичем, умершим в 1830 г. Этот психологический аргумент совершенно неубедителен (к нему мы вернемся ниже). Что же касается хронологического разделения помет, то оно ничем не доказывается. Уточним, что карандашные пометы (их подавляющее большинство) проходят через весь сборник, а пером сделаны лишь некоторые примечания к четырем последним в сборнике произведениям, причем, чередуясь с карандашными, они ничем от них по существу не отличаются, т. е. и пером и карандашом делались как частные замечания, так и обобщающие заключения в конце стихотворений или перед ними. Первая помета пером (обобщающая) находится в конце сказки «Странствователь и домосед» (в тексте сказки пометы карандашом). В следующей после нее элегии «Переход через Рейн» одна помета карандашная, а другая и общая оценка в конце — чернилами. К «Умиравшему Тассу» одно частное замечание вписано пером, другое — карандашом, а заключительная общая характеристика элегии — тоже карандашом. К самому последнему стихотворению, «Беседка муз», Пушкин написал

⁵ Там же, с. 290.

⁶ С а н д о м и р с к а я В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина. . . , с. 32.

⁷ См.: М а й к о в Л. Н. Пушкин, с. 290.

⁸ Разночтения с известными текстами этого стихотворения Батюшкова, отличающие пушкинскую запись, остаются необъясненными. Неизвестно, кому принадлежали замены, скопированные Майковым в свой экземпляр «Опытов». По нашему мнению, вероятнее всего это была «правка» Пушкина.

⁹ К о м а р о в и ч В. Л. Пометы Пушкина в «Опытах» Батюшкова. — Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, с. 885—904.

в конце одно слово пером — «Прелесть». Но ничто не указывает на большой временной разрыв между этими записями. Переход же от карандаша к перу и снова к карандашу мог объясняться и просто тем, что Пушкин одни пометы делал, например, лежа на диване, а другие — сидя за столом. По нашему мнению, ничто не противоречит предположению, что пометы делались в одно время, что Пушкин читал и анализировал подряд все произведения Батюшкова, порой возвращаясь к отдельным, особенно интересовавшим его стихотворениям, как например элегия «Умирающий Тасс».

Однако оговоримся, что наше рассуждение об одновременности помет тоже не имеет документальных подтверждений, а потому предположение В. Л. Комаровича, что все замечания пером сделаны прежде карандашных, нельзя вовсе отвергать; но и такое допущение не противоречит предлагаемой нами окончательной датировке помет.¹⁰

Заметки Пушкина как результат углубленного и критического изучения поэзии Батюшкова связываются многочисленными фактами литературной жизни и собственного творчества Пушкина с вполне определенным периодом — временем, когда поэт готовил к печати собственный сборник в конце 1824—начале 1825 г.¹¹ В. Б. Сандомирская убедительно показала, что штудирование «Опытов» Пушкиным предшествовало окончательному оформлению состава и композиции его первого стихотворного сборника.

Л. Н. Майков уже отметил совпадение некоторых помет Пушкина с его указаниями в письмах к своим издателям весной 1825 г. Так, в оценке «Послания к А. И. Тургеневу» Пушкин выразил упрек Н. И. Гнедичу, издававшему «Опыт», в недостаточной требовательности при отборе стихотворений: «Охота печатать всякий вздор! Б<атюшков> — не виноват» (XII, 275). 15 марта 1825 г., посылая свои стихи для сборника П. А. Плетневу и брату, которые в Петербурге занимались подготовкой книги к печати, Пушкин убеждал: «Только не подражайте изданию Батюшкова — исключайте. марайте с плеча. Позволяю, прошу даже» (XIII, 153).

Добавим здесь лишь один пример того, как, по нашему мнению, новое чтение «Опытов» отразилось на собственном стихотворении Пушкина, вошедшем в его первый сборник. Известно, что влияние Батюшкова на ранние произведения Пушкина проявлялось нередко в прямых заимствованиях, порой независимо от

¹⁰ Здесь мы коснулись основной аргументации различных датировок в работах наших предшественников лишь в той мере, в какой это необходимо для противопоставления им своих предположений, речь о которых пойдет ниже. Подробный анализ работ о пометах Пушкина и аргументацию против поздней их датировки см. в статье В. Б. Сандомирской «К вопросу о датировке помет Пушкина. . .».

¹¹ Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина. . ., с. 27—32. См. также: Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним» (Пушкин и Батюшков). — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979, с. 15.

сознательной воли поэта. Один из таких случаев наблюдаем в элегии «Выздоровление», созданной в 1818 г. под значительным воздействием разных стихотворений Батюшкова.¹² Элегия была записана в так называемой «Тетради Всеволожского»,¹³ которую Пушкин получил снова в свое распоряжение в середине марта 1825 г. (XIII, 151, 153). Из этой тетради своих ранних стихотворений Пушкин отобрал для сборника лишь некоторые и среди них — «Выздоровление». Перерабатывая элегию, он тщательно зачеркнул строки, которые имели соответствие в стихах Батюшкова и теперь должны были особенно броситься в глаза поэту:

На саблю опершись, казалось, ты дрожала,
Я зрел в очах твоих уныния туман.
Казалось — тяжкая тоска приподнимала
Накинутый на перси доломан.¹⁴

Эти стихи слишком напоминали строки Батюшкова:

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял. . .
(«Разлука»)¹⁵

И ратник, опершись на копье стальное,
Смотрел в туманну даль!
(«Воспоминание»)

Там всадник, опершись на светлу сталь копьа,
Задумчив и один на берегу высоком. . .
(«Переход через Рейн»)

Однако основные аргументы для датировки помет содержатся в записи Пушкина к «Умиравшему Тассу», которая и является главным объектом нашего рассмотрения.

2

Пушкинская оценка элегии «Умиравший Тасс», как известно, была определенно отрицательной. Приведем ее полностью. В результате внимательного перечитывания элегии и после того, как были сделаны два частных замечания (во всяком случае то из

¹² См.: Горохова Р. М. Пушкин, Батюшков, Тассо (к истории одного образа). — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976, с. 248—252.

¹³ См.: Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.). I. «Тетрадь Всеволожского». Литературное наследство, т. 16—18, с. 825—842.

¹⁴ См. «Тетрадь Всеволожского», л. 3 об. (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 845).

¹⁵ В «Опытах» Пушкин написал в конце этого стихотворения: «Цирлих шапирля, С Д. Давыдовым не должно и опирять» (XII, 277),

них, пером, на которое он сам ссылался),¹⁶ Пушкин написал карандашом на шмуцтитуле свое заключение-приговор: «Эта элегия конечно ниже своей славы. — Я не видал элегии, давшей Б. <атюшко> ву повод к своему стихотворению, но сравните *Сетования Тасса* поэта Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолубия и добродушия (см. замечание) ничего не видно. Это умирающий В. <асилий> Л. <ьвович> — а не Торквато». В тексте к строке «Ни под защитою Альфонсова дворца» было пояснение, к которому отсылал Пушкин: «Добродушие историческое, но вовсе не поэтическое» (XII, 283, 284).¹⁷

Таково было суждение Пушкина об элегии, которой сам Батюшков придавал особое значение и которая при появлении в свет в 1817 г. вызвала всеобщий восторг и была признана критикой лучшим произведением поэта.¹⁸

К сожалению, в наше время указанная оценка Пушкина цитируется некоторыми исследователями как справедливо «развенчивающая знаменитую элегию».¹⁹ А между тем при рассмотрении помет Пушкина к этой элегии необходимо учитывать особые дополнительные факторы, обусловившие подобный отзыв. Кроме того, многое в этих замечаниях требует и прояснения и комментария.

Прежде всего совершенно справедливо, по нашему мнению, В. Б. Сандомирская отметила, что ироническое упоминание Василия Львовича Пушкина психологически скорее возможно до его смерти, чем после нее (т. е. после августа 1830 г.), как считал В. Л. Комарович, который основывал свою датировку большей части помет как раз на этом замечании. Пушкин же явно делал акцент на том, что Тассо у Батюшкова похож на добродушного арзамасского старосту Василия Львовича,²⁰ а не на величественного певца, каким его подбало изобразить в поэзии.

¹⁶ Вероятно, и после того как Пушкин дочитал томик до конца и сделал помету пером к следующему, последнему стихотворению — «Беседка муз». Возможно, что поэт написал свое заключительное мнение об элегии даже некоторое время спустя.

¹⁷ Ср. примеч. 25.

¹⁸ А. А. Бестужев в обзоре 1823 г. «Взгляд на старую и новую словесность в России» писал: «Батюшков остался бы образцовым поэтом без укора, если б даже написал одного „Умирающего Тасса“» (Полярная звезда на 1823 год. [СПб., 1823], с. 24).

¹⁹ См., например: Ф р и д м а н Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971, с. 324. Насколько нам известно, только И. М. Семенко прямо высказала несогласие с пушкинской оценкой элегии (Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты». — В кн.: Б а т ю ш к о в К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977 (сер. «Лит. памятники»), с. 489—490).

²⁰ Василий Львович упомянут также и в пометах к некоторым строкам «Послания к Т<ургене>ву». Неудачные стихи Пушкин характеризует как «достойные В<асилия> Л<ьвовича>» (XII, 275). Таким образом, «В. Л.» еще и олицетворение посредственного стихотворца.

При жизни Василия Львовича, особенно после получения в 1823 г. его стихотворного сборника,²¹ Пушкин часто озорно подшучивал в своих письмах над комическими чертами характера дяди и его стихами (см., например, XIII, 35, 91, 96, 113, 125, 136, 137, 166, 185). Но после его смерти в переписке Пушкина прежних шуток уже не находим. Нельзя считать таковой даже отчет Пушкина Вяземскому о довольно шуточных поминках арзамасцев в годовщину смерти Василия Львовича (XIV, 217). Кончина дяди, который перед смертью говорил о статьях своего литературного противника — П. А. Катенина, произвела на Пушкина большое впечатление. Он явно не ожидал от дядюшки такой воинственности на смертном одре. Василий Львович умер по-своему непримиримым, и Пушкин отдал дань «героизму» дяди, когда писал П. А. Плетневу 9 сентября 1830 г.: «Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытии, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, *le cri de guerre à la bouche!*» («с боевым кличем на устах») (XIV, 112). Вяземский, очень душевно относившийся к Василию Львовичу и присутствовавший при его кончине, несколько дней спустя описал в своем дневнике его смерть и — со слов Пушкина — последнее свидание с племянником: «Накануне был уже он совсем изнемогающий, но, увидя Александра, племянника, сказал ему: „как скучен Катенин!“». Перед этим читал он его в Литературной Газете. Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был однако же очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя, как нельзя приличнее».²²

В. Л. Комарович подчеркивает иронию в словах Пушкина, сказанных Вяземскому по поводу смерти дяди («умереть исторически»)²³. Доля иронии здесь, конечно, есть, но если связывать эти слова с пометой в «Опытах» (а такая связь, видимо, существует), то скорее следует предположить, что Пушкин у постели дяди мог вспомнить свое же сравнение «исторического» образа умирающего Тассо у Батюшкова с Василием Львовичем. И нам кажется невероятной обратная последовательность упоминания Пушкиным определения «исторический», т. е. сначала — все-таки с определенной долей иронии — при смерти дяди, а затем в серьезной и несущей большое принципиальное значение помете к элегии Батюшкова.

²¹ Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 1822. Ср. письмо к П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г. (XIII, 58).

²² Вяземский П. А. Старая записная книжка. — В кн.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 9. СПб., 1884, с. 138.

²³ Комарович В. Л. Пометы Пушкина в «Опытах» Батюшкова, с. 894.

Формулировка «добродушие историческое, но вовсе не поэтическое» совершенно не означает противопоставление исторического поэтическому. Пушкин выразил свою мысль точно (он не написал: «а не поэтическое»). Из сферы поэтического вовсе не изгоняется историческое. Наоборот, как известно, Пушкин включал историческое в поэтическое.²⁴ Но одной исторической правды вовсе недостаточно, чтобы она стала правдой поэтической. И эта реплика (которая отсылкой «см. замеч.» включается в контекст общей оценки элегии) отчетливо выражает мысль Пушкина, что образ смирившегося умирающего Тассо нарисован Батюшковым исторически достоверно,²⁵ но эта достоверность, эта «проза жизни» не может быть предметом поэзии при изображении великого певца. Ведь в жизни, по словам Пушкина, «Тасс дышал любовью и всеми страстями». Однако на смертном одре поэт уже не был таким. Сломленный жизненными невзгодами и тяжело заболевший незадолго до назначенного, но так и не состоявшегося увенчания его лавровым венком на римском Капитолии, Тассо пожелал окончить свои дни среди братьев монастыря св. Онуфрия. Там он и умер «добродушным», т. е. наивным и всепрощающим «истинным христианином»,²⁶ озбоченным спасением своей души. Вряд ли он даже вспоминал тогда об Элеоноре, любовь к которой остается столь проблематичной для его биографов.²⁷ Смерть Тассо не содержала,

²⁴ Так, например, в предисловии к «Полтаве» (январь 1829 г.) Пушкин писал, что «мятежного» гетмана следует изображать «не искажая своевольно исторического лица» (V, 335). А возражая критикам «Полтавы», пояснял: «Мазепа действует в моей поэме точь в точь как и в истории» (XI, 158).

²⁵ Об «историческом» Тассо, который пользовался «защитой Альфонсова дворца», напоминают строки письма к А. А. Бестужеву. Разбирая его «Взгляд на русскую словесность. . .» («Полярная звезда на 1825 год»), Пушкин говорил о положении писателя в обществе и среди прочих примеров упоминал: «Тасс и Ариост оставили в своих поэмах следы княжеского покровительства» (письмо от конца мая—начала июня 1825 г. — XIII, 179). Как известно, поэму «Освобожденный Иерусалим» Тассо посвятил Альфонсу II д'Эсте и большой фрагмент в ней отвел прославлению рода герцога Феррарского, который впоследствии заключил Торквато в больницу умалишенных. В батюшковском образе Тассо Пушкину явно не понравилось прежде всего «добродушие историческое», связанное с религиозным всепрощением; отмеченное же славолубие само по себе не могло быть пороком в глазах Пушкина (достаточно вспомнить его элегию «Андрей Шенье» или хотя бы стихотворение 1825 г. «Желание славы»). Лишь в сочетании с «добродушием» это славолубие оказывалось неоправданным или по крайней мере совершенно недостаточным для характера истинного поэта.

²⁶ См. примечания Батюшкова к его элегии.

²⁷ Пушкин отметил искусственность мотива любви в данном контексте и против строк монолога Тассо об ожидаемой в потустороннем мире встрече с Элеонорой («Средь непорочных жен, Средь ангелов, Элеонора встретит») написал: «Остроумие, а не чувство. Это покровенная глава Агамемнона в картине» (XII, 284; ср.: Майков в Л. Н. Пушкин, с. 313; Бабанов И. Е. «Покровенная глава Агамемнона». — Русская литература, 1979, № 4).

увы, ничего героического. Пушкин это знал, и его упрек Батюшкову, по нашему мнению, следует толковать в том значении, что автор элегии неудачно избрал тему, сосредоточив внимание на последних часах жизни Тассо, что не так д о л ж н о изображать великого поэта. «Жалоба Тассо» (1817) Байрона, противопоставленная элегии Батюшкова, видимо, в значительной мере отвечала представлениям Пушкина в то время, как следует изображать Тассо-певца. У Байрона Тассо, заключенный герцогом Феррарским в госпиталь для душевнобольных, произносит бурный монолог о своей любви к Элеоноре д'Эсте, о страданиях и готовности стойко переносить несчастья. Он предрекает себе бессмертную славу, а своим гонителям проклятие и забвение. Однако эти гонители абстрактны, и никаких особых инвектив против тиранов (о которых в этой связи часто пишут) здесь не находим. Тассо даже прощает жестокость Альфонса II во имя любви к его сестре.

Пушкин не учел, что почти все мотивы «Жалобы Тассо» были заимствованы Байроном из популярной в те годы подделки Дж. Компаньони «Бдения Тассо» («Les veillées du Tasse». Paris, 1800), которая выдавалась за подлинные записки Торквато в заключении.²⁸ Другое дело — строфы, посвященные этой же теме в IV песне «Чайльд-Гарольда» (которую Пушкин считал вершиной творчества английского поэта и после которой, как он сказал, «Байрона мы не слышали»²⁹), где уже от своего имени (хотя опять же основываясь на легенде) Байрон гневно обличал «подлых Эсте», травивших великого певца. Эти строфы легко могли ассоциироваться в сознании читателей с «Жалобой Тассо» и придавать ей более героический тон, чем она имеет в действительности.

Высокая оценка «Жалобы Тассо», в которой сказались сильное еще увлечение английским бардом — «властителем наших дум» и принципиальная установка на изображение певца как лица непременно героического и романтического, естественна для Пушкина около 1825 г. Зима 1824/25 г. в Михайловском для Пушкина — период глубоких раздумий о поэзии, ее сущности и назначении, о путях ее развития, о соотношении элементов историзма и художественного вымысла в поэтическом творчестве. Богатый материал для размышлений дала Пушкину и опубликованная в 1824 г. в «Мнемозине» статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии», где автор решительно осуждал «унылую» элегию. На грани 1824—1825 гг. взгляды Пушкина на эти сложные вопросы еще очень колебались. Нельзя игнорировать высказывания самого Пушкина в тот период. Так, в письме к Жуковскому от апреля 1825 г. Пушкин отвечал на его вопрос и одновременно порицал в некоторых думах Рыльева преобладание политических устано-

²⁸ Подробнее об этом см.: Г о р о х о в а Р. М. Образ Тассо в русской романтической литературе. — В кн.: От романтизма к реализму. Под ред. акад. М. П. Алексеева. Л., 1978, с. 124—133.

²⁹ См. письмо к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. (XIII, 99).

вок в ущерб художественным достоинствам: «Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё не в попад». (XIII, 167). Размышления над исторической элегией о поэте, и прежде всего рассмотрение элегии Батюшкова, явно приводят Пушкина к выводу, что для создания подобного произведения необходим сюжет, который, не нарушая исторической истины, не противоречил бы и требованиям поэтическим. Он и сам ищет такой сюжет и находит его в образе Андре Шенье, считая его наиболее подходящим героем для практического воплощения своих теоретических размышлений. В элегии Пушкина «Андрей Шенье» (1825) сочтались оба распространенных в романтической поэзии мотива: певец в заточении (как, например, у Байрона) и умирающий певец (как у Батюшкова),³⁰ но умирающий героически, как подобает возвышенному поэту. О связи элегии Пушкина с «Умирающим Тассом» сказано много, но следует, вероятно, подчеркнуть, что зависимость здесь была самой непосредственной, т. е. элегия Батюшкова явилась главным стимулом для Пушкина в замысле его элегии, которую он явно хотел противопоставить «Умирающему Тассу». При этом в композиции «Андрея Шенье» Пушкин в значительной мере использовал архитеконику элегии Батюшкова. Возможно, он делал это намеренно, чтобы рельефнее показать отличие своей трактовки подобной темы. Пушкин решал задачу создания произведения в жанре исторической элегии о поэте, и нам представляются малоубедительными поиски некоторых исследователей аллюзий на современное Пушкину положение в России (до декабристского восстания) или особых автобиографических мотивов.³¹ В своих объяснениях следственной комиссии по делу об элегии, возникшему после восстания, Пушкин по пунктам излагал события, положенные в основу его сочинения, и, думается, в данном случае можно считать, что перечисленные им события и факты, связанные с судьбой Андре Шенье и Французской революцией, исчерпывали сюжетный замысел Пушкина. Главной же художественной целью являлось создание героикоромантического образа певца, противоположного образу батюшковского Тассо.

4

Изучая пометы Пушкина, видим, как он тщательно, строку за строкой анализировал стихотворную ткань сочинений Батюшкова, не упуская из виду общий замысел произведения. Одно

³⁰ В 1824 г. Пушкин отмечал понравившуюся ему элегию Ламартина «Умирающий поэт» (XIII, 102).

³¹ В этом отношении нам наиболее близка трактовка элегии «Андрей Шенье» В. Б. Сандомирской, отметившей также, что подобный метод аллегории был «чужд пушкинскому творчеству этих лет» (С а н д о м и р с к а я В. Б. «Андрей Шенье». — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974, с. 14).

только хорошее «выполнение» Пушкина не удовлетворяло. В этом отношении характерна помета к «Посланию И. М. М. А.»: «Цель послания не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено прекрасно» (XII, 276).

Пометы к «Умиравшему Тассу» носят особый характер. При таком пристальном внимании к элегии Пушкин не сделал к ней ни одного стилистического замечания, ни одной пометы о самом стихе. Все внимание Пушкина явно сосредоточено на концепции образа певца — главным, что его интересовало в этом произведении. Он не согласен по существу с принципом изображения поэта у Батюшкова, и остальное отходит на задний план. К тому же громкая слава этой элегии побуждала Пушкина отнестись к ней особенно пристрастно.

Здесь необходимо обратиться к статье П. А. Плетнева, с которой несомненно связаны пометы Пушкина. В 1823 г. в «Журнале изящных искусств» Плетнев поместил обширный разбор элегии Батюшкова «Умиравший Тасс» и свою собственную элегию «Тасс» с комментариями.³² Статья Плетнева была самым подробным в русской критике и самым восторженным разбором элегии. Можно представить, что Пушкин вряд ли с энтузиазмом принял утверждение Плетнева (в 1823 г.), что элегия Батюшкова является «лучшим перлом новейшей нашей поэзии».³³ И замечание Пушкина: «Эта элегия конечно ниже своей славы» — могло быть ответом на подобную оценку.

В связи с пометами Пушкина для нас особенно интересны в статье Плетнева рассуждения о соотношении исторического и «идеального» в поэзии, рассуждения, восходящие к Аристотелю и порой близко воспроизводящие формулировки его «Поэтики». У Плетнева находим высказывания о необходимости в поэзии таких качеств, как «благородное, высокое наслаждение, каковы, например, слезы сострадания» (т. е. катарсис), о «полноте в целом», т. е. цельности, законченности произведения, о соблюдении «единства действия». Правда, сам Плетнев имени Аристотеля не упоминает. Здесь мы не будем анализировать взгляды Плетнева на поэзию, степень их зависимости от Аристотеля и от других теоретических источников, его попытки осмыслить и осовременить сложные, часто искаженные переписчиками, переводчиками и толкователями (особенно французскими классицистами) положения великого Стагирита.

Приведем здесь только рассуждения Плетнева, которые могут иметь отношение к отзыву Пушкина об элегии Батюшкова, и укажем наиболее вероятный источник, откуда Плетнев почерпнул свои основные теоретические представления. Этим источником прежде всего несомненно был «Лицей» Ж.-Ф. Лагарпа.

³² Журнал изящных искусств, 1823, ч. 1, № 3, 4. Эти номера вышли, видимо, во второй половине года.

³³ Журнал изящных искусств, 1823, ч. 1, № 3, с. 210.

Шестнадцатитомный труд Лагарпа вышел в Париже в 1799—1805 гг. и пользовался большой популярностью во всей Европе. В 1810—1814 гг. «Лицей» был частично (в пяти томах) переведен на русский язык.

Свой «Лицей» Лагарп задумал в честь французского Лицея, который в свою очередь был создан в память афинского Лицея Аристотеля. Поклонник Аристотеля, Лагарп естественно начинает первый том своего труда с главы «Анализ поэтики Аристотеля». Основная мысль Аристотеля о соотношении исторического и поэтического, заключенная в разделе IX «Поэтики», в изложении Лагарпа (в русском переводе Карабанова)³⁴ выглядела так:

«Предмет стихотворца не состоит в описании истинного так, как оно случилось, но как должно было случиться, и в описании возможного, по правдоподобию < . . . > Существенная между стихотворцем и историком разность не в том состоит, что один пишет стихами, а другой прозою; ибо писания Иродота, хотя бы в стихи предложены были, не составили бы еще иного, кроме истории; разнятся они в том, что один пишет действительно случившееся, а другой то, что могло или должно было случиться. Потому-то стихотворство более имеет в себе философического и поучительного, нежели история. Сия описывает каждого в особенности; та списывает человека вообще».³⁵

Плетнев в своем разборе элегии, отметив, что «история указала нашему автору величайшего поэта Италии», вся жизнь которого «есть истинная поэзия», рассуждает: «Несправедливо думают, что поэзия в подобном случае должна ограничиться верным списыванием с природы».³⁶ Тогда не будут выполнены требования изящных

³⁴ Ниже цитаты из первого тома сочинения Лагарпа приводим по изданию: Лагарп И. Ф. Лицей, или Круг словесности древней и новой, ч. 1. Переведено Петром Карабановым. СПб., 1810. Плетнев, разумеется, мог пользоваться французским изданием «Лицея», а также обращаться к французскому переводу «Поэтики» Аристотеля, выполненному Ш. Баттё.

³⁵ Лагарп И. Ф. Лицей, или Круг словесности. . . , с. 32. Для сравнения и уточнения приведем интересующий нас отрывок из раздела IX «Поэтики» Аристотеля в новейшем переводе М. Л. Гаспарова: «Из сказанного ясно и то, что задача поэта — говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости < . . . > Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозою (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, — ибо поэзия больше говорит об общем < . . . >, история — о единичном». И далее: «Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то < характеру > подобает говорить или делать то-то; это и стремится < показать > поэзия < . . . > Впрочем, даже если ему придется сочинять < действительно > случившееся, он все же останется сочинителем — ведь ничто не мешает тому, чтобы иные из случившихся событий были таковы, каковы они могли бы случиться по вероятности и возможности; в этом отношении он и будет их сочинителем» (Аристотель и античная литература. М., 1978, с. 126—127).

³⁶ Как известно, Аристотель определял искусство (в том числе и литературу, для которой в его время еще не было специального термина) как

искусств. В них ни одно произведение не должно оставаться без того, что в их теории называется *идеальным*. Самое слово *поэзия* означает *создание*, без чего она не получает своего имени < . . . >³⁷ Причина сего очень понятна: природа создает для многих целей, а изящные искусства для одной < . . . > Поэтическое повествование, не отступая от исторического, должно иметь свой характер, свои красоты, свою цель. Стихотворец гораздо быстрее историка переходит от одной эпохи к другой < . . . > Чем сильнее рассказ его поражает воображение и чувства, тем он прекраснее».³⁸

Изложив еще целый ряд близких к Аристотелю общих теоретических соображений, Плетнев рассматривает в тесной связи с ними и сюжет элегий — трагическую судьбу поэта. «Но смерть Тасса, — пишет он, — едва ли не превосходит все, что только создал вымысл очаровательного. Здесь, кажется, в первый раз история своею поэзией побеждает роскошную мифологию».³⁹ С тех же позиций Плетнев оценивает достоинства произведения Батюшкова и подчеркивает: «Наш поэт, не отступая от исторической истины, ее повествование представил в *действии*».⁴⁰ В лирическом стихотворении он не мог заключить более нескольких часов из жизни славного страдальца, и выбрал последние. Его созидательное воображение не забыло ни одного предмета, которые должны были служить к довершению полноты и прелести целого произведения».⁴¹ Говоря о самом итальянском поэте, Плетнев подчеркивал, что «душу Тасса составляли» чистая любовь, набожность

творчество подражательное (или воспроизводящее), что давало повод некоторым исследователям считать Аристотеля сторонником натуралистического изображения действительности. Однако из текста «Поэтики» ясно, что под подражанием Аристотель подразумевает художественно осмысленное изображение действительности, изображение явлений и образов прежде всего типических, а не случайных и частных (последнее он относит к задаче историка). Эстетика Аристотеля «принципиально антинатуралистична» и «открывает путь < . . . > к реалистической теории искусства» (А е м у с В. Ф. Искусство и действительность в эстетике Аристотеля. — В кн.: Из истории эстетической мысли древности и средневековья. М., 1961, с. 64, 92). О «Поэтике» Аристотеля см. вступительную статью Ф. А. Петровского в кн.: Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957. См. также: М и л л е р Т. А. Аристотель и античная литературная теория. — В кн.: Аристотель и античная литература. М., 1978.

³⁷ В главе «О эпопее греческой» Лагарп давал сходное пояснение: «В искусстве стихотворца всегда предполагается какое-либо творение, как то ясно показывает происхождение слова *поэзия*, значащее по-гречески произведение, образование, взятое от глагола *творить*» (с. 151). В древнегреческом языке слово «поэтика» (*пойэтика*) от глагола *пойэо* — «делаю, творю») не имело того значения, которое приобрело впоследствии, и означало «деяние, совидание, творчество». «Поэт» значило буквально «творец», «сочинитель».

³⁸ Журнал изящных искусств, 1823, ч. 1, № 3, с. 210—212, 219.

³⁹ Там же, с. 211.

⁴⁰ Т. е. в драматизованной форме. По определению Аристотеля, трагедия, драма есть подражание действию посредством действия же,

⁴¹ Журнал изящных искусств, 1823, ч. 1, № 3, с. 212.

и «стремление к славе».⁴² Разбор элегии и самая высокая оценка, как общая, так и отдельных стилистических находок,⁴³ заключались выводом: «Едва ли есть на каком-нибудь языке элегия, которая бы подобно рассматриваемой нами соединяла в себе столько высокого, трогательного и прекрасного».

Пушкин, разумеется, должен был сразу увидеть источники теоретических рассуждений Плетнева и, не соглашаясь с оценкой элегии («элегия конечно ниже своей славы»), подчеркивал свое несогласие и в теоретическом плане: черты характера Тассо действительно исторические, но во все не поэтические, т. е. эти частные черты в определенный период жизни для высокого певца случайны, не типичны и не должны являться объектом поэтического произведения. И словами самого Плетнева пояснял: «Тасс кипел всеми страстями».⁴⁴

Останавливаться здесь на отношении Пушкина к теории Аристотеля мы не можем — это тема специального исследования. Напомним только, что «Лицей» Лагарпа с разбором «Поэтики» Аристотеля и весь проникнутый его идеями Пушкин изучал очень внимательно еще во время учебы в Лицее по французскому изданию. Его собственное признание находим в стихотворении 1815 г. «Городок», где Пушкин перечисляет книги на своей полке. После прославленных писателей следует их критик и теоретик Лагарп:

За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

(I, 99)

Учитывая вышесказанное, мы считаем возможным расценивать резкость отзыва Пушкина об элегии в значительной мере как реакцию на статью Плетнева. И написать свой отзыв он мог не ранее выхода журнала с этой статьей, т. е. не ранее конца 1823 г. Однако нам неизвестно, мог ли Пушкин читать «Журнал изящных искусств» вскоре после его появления в свет, так как на юге, по его словам, он получал мало русских книг. Но даже если предположить, что журнал попал в его руки на юге, то все же вряд ли Пушкин занимался тщательным анализом «Опытов» в последний год своей

⁴² Там же, с. 225, 226.

⁴³ Следует отметить также замечание Плетнева о выразительности стиха «Под небом сладостным Италии *моей*», который нашел отражение в русской поэзии, в том числе и у Пушкина (ср. примеч. 70).

В комментариях к своей элегии «Тасс» Плетнев писал: «Поэт страдалец, величайший гений новейших веков <...> кипевший страстями, вредными только для него самого...» (Журнал изящных искусств, 1823, ч. 1, № 4, с. 290).

южной ссылки. Вероятнее всего, как уже сказано, он делал это в Михайловском зимой 1824/25 г., во время подготовки своего первого сборника стихотворений.⁴⁵ Относить замечания Пушкина к этому периоду нам позволяют также и другие значительные литературные события, связанные уже с Кюхельбекером.

5

В оценке элегии Батюшкова Пушкин не был одинок. Неодобительно отозвался о ней и Кюхельбекер.⁴⁶ Находясь в заключении в Свеаборгской крепости, он записал в своем дневнике 28 апреля 1834 г.: «Fiat justitia et pereat mundus!»⁴⁷ Хотя и жаль, а должно же наконец сказать, что Батюшков вовсе не заслуживает громких похвал за „Умиряющего Тасса“, какими кадили ему за это стихотворение, когда он еще здравствовал, и какими еще и поныне, например в „Телеграфе“, кадят за оное его памяти. „Умиряющий Тасс“ — перевод с французского; подлинник охотники могут отыскать в французском „Альманaxe муз“ 90-х годов; автор — женщина».⁴⁸

Эта запись Кюхельбекера до сих пор остается необъясненной. Ни в «Альманaxe муз», ни в других французских изданиях конца XVIII в. не удалось обнаружить элегию на подобную тему, за исключением «Послания к Тассо» Ж.-Ф. Лагарпа, которое по содержанию далеко от произведения Батюшкова.⁴⁹ Зато в начале

⁴⁵ Обращает на себя внимание также сходство некоторых помет Пушкина с оценками Плетневым поэзии Батюшкова в другой его статье — «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах», вышедшей в конце 1824 г. в «Северных цветах на 1825 год». В письме к Вяземскому от 25 января 1825 г. Пушкин сказал об этой статье: «какая ералашь» (XIII, 136), но в тот же день в письме к Рылеву защищал ее от критики Бестужева в отношении оценок Батюшкова и Жуковского (XIII, 135). Плетнев в своей статье посвятил Батюшкову две восторженные странички и подчеркивал его заслуги в создании русской элегии. О поэзии Батюшкова он писал: «У него каждый стих дышет чувством. Его гений в сердце. Оно внушило ему свой язык, который нежен и сладок, как чистая любовь. Игривость Парни и задумчивость Мильвуа, выражаемые какими-то итальянскими звуками, дают только понятие об искусстве Батюшкова» (с. 38). Пушкин к строке «Любви и очи и ланиты» стихотворения «К другу» написал: «звуки италянские! Что за чудотворец этот Батюшков?» (XII, 267). Трудно сказать, было ли это случайным совпадением оценок или Пушкин как бы воспользовался определением Плетнева. Менее вероятно, что Плетнев опирался на слова Пушкина.

⁴⁶ Подчеркнем, что высказывания Пушкина и Кюхельбекера при их жизни в печать не попали.⁴

⁴⁷ Да свершится правосудие и да погибнет мир! (лат.).

⁴⁸ К ю х е л ь б е к е р В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, (сер. «Лит. памятники»), с. 307.

⁴⁹ Ср. примечания Л. Н. Майкова и В. И. Сaitова в кн.: Б а т ю ш к о в К. Н. Соч., т. 1, ч. 2. Изданы П. Н. Батюшковым. СПб., 1887, с. 409. Позднее, в статье 1894 г., специально посвященной пометам Пушкина, Л. Н. Майков писал, что ему удалось найти сходную по теме элегию Ж.-Ф. Лагарпа в сборнике 1780 г. (Les malheurs et le triomphe du Tasse. — In:

XIX в. во Франции появился целый ряд элегий о Тассо. В частности после объявленного парижским Филотехническим обществом конкурса на тему «Смерть Тассо» было напечатано несколько сочинений под таким заглавием. Из них особый интерес для нас представляет элегия г-жи Дюфренуа (M-me Dufrenoy), опубликованная в «Альманахе муз» на 1812 г. (с. 203—207). В общих чертах построение ее сходно с элегией Батюшкова: она начинается сообщением о приготовлениях к торжеству на Капитолии, а монолог умирающего Торквато заканчивается обращением к Элеоноре. У нас нет оснований видеть какую бы то ни было зависимость Батюшкова от этого сочинения, но юным Кюхельбекером уже одно сходство содержания в элегиях о Тассо могло восприниматься как подражание. Остается предположить, что Кюхельбекер прочитал в юности элегию г-жи Дюфренуа и ко времени появления «Умирающего Тасса» Батюшкова помнил лишь в общих чертах ее сюжет, альманах, где она была помещена, и что автор — женщина, но не помнил имени поэтессы и времени издания альманаха. Этим можно объяснить неопределенность в его ссылке на «подлинник». Однако свою уверенность в том, что элегия Батюшкова переводная, т. е. подражательная, Кюхельбекер сохранил, как видим, на всю жизнь.⁵⁰

Реплика Пушкина, особенно слова «я не видал элегии, давшей Батюшкову повод к своему стихотворению», на первый взгляд может показаться прямым ответом на эту запись Кюхельбекера. Действительно, нам неизвестны другие высказывания, подвергающие сомнению самостоятельность элегии Батюшкова, и связь указанной пометы Пушкина (хотя он явно с осторожностью относится к подобному предположению или утверждению) с мнением Кюхельбекера представляется довольно убедительной. Известно, что Пушкин определенно знал о существовании этого дневника и, возможно, был знаком с выдержками из него. Должно быть, он писал Кюхельбекеру о дневнике в ответе на его первое письмо

Encyclopédie poétique. t. 17. Paris, 1780, p. 177—186). Но тут же Майков справедливо указывал, что в сочинении Лагарпа нет ничего общего с элегией Батюшкова, кроме основного мотива о трагической жизни и смерти Торквато (М а й к о в Л. Н. Пушкин, с. 314). Свое «Послание к Тассо» (*Épître au Tasse*) Лагарп написал в 1775 г. и был за него удостоен похвального отзыва первой степени Французской Академии. В парижском «Альманахе муз» на 1776 г. сообщалось, что эта элегия находится только у автора (с. 232). Перепечатана она в 1780 г., а затем в 1839 г. (ср.: В е а л л Ч. В. *La fortune du Tasse en France*. Eugene, Oregon, 1942, p. 192; автор этой работы не упоминает приведенного Майковым издания 1780 г.). — О сочинениях, посвященных Тассо во французской поэзии начала XIX в. см. там же, с. 192—219.

⁵⁰ Несмотря на подобную оценку «Умирающего Тасса», в лирике Кюхельбекера обнаруживается отчетливое влияние этой элегии. А образ Тассо оформился в сознании поэта в значительной мере под воздействием произведения Батюшкова. Напомним, что Кюхельбекер перевел сам на французский язык фрагмент из «Умирающего Тасса» (автограф перевода без даты хранится в ЦГАЛИ, ф. 256, ед. хр. 1, л. 1). Подробнее об отношении Кюхельбекера к Тассо и к элегии Батюшкова см. в упомянутой статье «Образ Тассо в русской романтической литературе» (с. 155—161).

1836 г. из сибирской ссылки, так как во втором письме из Баргузина Кюхельбекер пояснял: «Еще одно: когда я начал дневник свой, я именно положил, чтоб он отнюдь не был исповедью, а вышло напротив; проговариваюсь и довольно даже часто. Иначе и быть не может».⁵¹ Но остается неясным, что мог сказать Пушкин о дневнике в своем первом письме к другу после многолетнего перерыва, наполненного столькими трагическими событиями для Кюхельбекера и для самого Пушкина. Естественно предположить, что вряд ли Пушкин высказывался о конкретных литературных заметках заключенного поэта. И маловероятно, что сам Кюхельбекер с первым письмом посылал Пушкину какие бы то ни было выписки из дневника.⁵² Скорее всего можно предположить, что Кюхельбекер перед отправкой из Свеаборгской крепости в сибирскую ссылку сумел передать родственникам вместе с другими рукописями какие-то выписки из своего крепостного дневника и таким образом они стали доступны Пушкину. Среди этих выписок могло быть и замечание об элегии Батюшкова.⁵³ Однако если ставить пометы Пушкина к «Умиравшему Тассу» в зависимость от этой записи в дневнике, то их необходимо было бы датировать временем не ранее 1834 г. Такая поздняя датировка невозможна по изложенным выше мотивам (прежде всего психологическим).

Напомним, что Кюхельбекер сделал в дневнике запись об элегии в связи с драматической фантазией Н. В. Кукольника «Торквато Тассо» (1833), которую он читал и перечитывал в 1834 г. в Свеаборгской крепости «со слезами на глазах», усматривая сходство между собственной участью гонимого поэта и судьбой Тассо.⁵⁴ В это же время он нашел в «Московском телеграфе» ка-

⁵¹ Письмо Кюхельбекера Пушкину от 3 августа 1836 г. (XVI, 147). Известны три письма Кюхельбекера, написанные Пушкину из Баргузина. Первое, от 12 февраля 1836 г., Пушкин получил в середине апреля и, видимо, сразу же на него ответил, так как Кюхельбекер получил письмо Пушкина в начале августа, судя по второму письму, от 3 августа, написанному несомненно тоже сразу же. На это второе письмо, надо думать, Пушкин также ответил (письма Пушкина Кюхельбекеру этого периода не сохранились). В пути письма находились по два-три месяца. Следующее, третье, письмо Кюхельбекер писал, не дожидаясь ответа, 18 октября, в канун лицейской годовщины. Пушкин мог получить его уже незадолго до своей смерти, и оно, видимо, осталось без ответа. В этом последнем письме к Пушкину Кюхельбекер посылал стихотворение «19 октября <1836 г.>», где сказал о себе: «Я стал знаком с Торкватовой судьбою» (XVI, 169—170). Ср.: К ю х е л ь б е к е р В. К. Путешествие. Дневник. Статьи, с. 365.

⁵² Следует учитывать, что за перепиской сыльного Кюхельбекера зорко следило жандармское отделение. Так, о получении Пушкиным первого письма Кюхельбекера из Баргузина сразу стало известно шефу жандармов, и Бенкендорф потребовал от Пушкина доставить ему это письмо, а также сообщить, через кого оно было получено (см. XVI, 107).

⁵³ Из Динабургской крепости Кюхельбекер написал Пушкину, по всей вероятности, только те два осторожные письма, которые дошли до нас: в 1828 и 1830 гг. (см. XIV, 22, 116—117), т. е. еще до дневниковой записи об «Умиравшем Тассе».

⁵⁴ К ю х е л ь б е к е р В. К. Путешествие. Дневник. Статьи, с. 310, 311.

кой-то похвальный отзыв о стихотворениях Батюшкова,⁵⁵ что, очевидно, вызвало у него прежние ассоциации. Выражение «должно же наконец сказать. . .» свидетельствует, что Кюхельбекер как бы желал наконец рассеять это всеобщее «заблуждение» относительно оригинальности элегии.

Именно на такое по существу мнение мог ответить Пушкин: «Я не видал элегии. . .». Но это вовсе не значит, что Пушкин «отвечал» на запись в дневнике Кюхельбекера.⁵⁶ Самое вероятное объяснение такой переклички мнений, как нам представляется, заключается в том, что Кюхельбекер мог поделиться с Пушкиным своим впечатлением еще до 1825 г. Когда «Опыты» Батюшкова в 1817 г. вышли в свет, Кюхельбекер вместе с Пушкиным служили в Коллегии иностранных дел и встречались на собраниях литературных кружков. Кюхельбекер мог сообщить Пушкину свое суждение об элегии и за десять лет до того, как записал его в своем дневнике узника, — в год, предшествовавший восстанию на Сенатской площади. В тот год для этого было достаточно поводов.

Известно, что после отъезда Пушкина в 1820 г. в южную ссылку они с Кюхельбекером больше не виделись.⁵⁷ Однако в начале 1820-х годов оба опальных поэта не теряли связи. Пушкин постоянно интересовался делами своего друга, спрашивал о нем в письмах к родным и знакомым (XIII, 20—21, 25, 56, 63, 87 и др.). Сохранилось лишь одно письмо Пушкина к Кюхельбекеру за этот период,⁵⁸ а между тем несомненно, что они вели переписку, осо-

⁵⁵ Можно лишь предположить, что имел в виду Кюхельбекер. В этот период он читал «Московский телеграф» за 1831—1832 гг. В опубликованной в журнале (1832, ч. 43, № 1, с. 115) рецензии на «Северные цветы на 1832 год» (СПб., 1831) было написано: «Положим, что повесть Батюшкова, бесцветную и слабую, можно было допустить, как напоминание о писателе необыкновенного дарования. . .». Но к такому отзыву мало подходит слово «кадить». Правда, в 1834 г. Н. Плетнев поместил в «Московском телеграфе» свою обширную статью-рецензию на драму Н. Кукольника, где в первой части — «Тасс и век его» — действительно очень высоко оценивался «Умиравший Тасс» (1834, ч. 55, № 3, с. 494); однако этот номер журнала, по всей видимости, тогда еще не дошел до Кюхельбекера.

⁵⁶ Конкретный текст помет Пушкина и записи Кюхельбекера не дают для этого убедительных оснований. Если Пушкин тоже употребляет слово «стихотворение», то явно затем, чтобы не повторять трижды подряд слово «элегия». Кстати, слово «кадить» встречаем и в письме Пушкина начала мая 1825 г. к брату, где он говорит о понравившейся ему поэме Рыльева «Войнаровский» (XIII, 174). Выражение «конечно ниже своей славы» было естественно для Пушкина в начале 1820-х годов, когда слава элегии была действительно велика; достаточно вспомнить статьи Плетнева и Бестужева 1823 г.

⁵⁷ За исключением известной случайной и мимолетной встречи на станции Залазы в октябре 1827 г., когда осужденного Кюхельбекера перевозили из Шпильсбургской крепости в Днабургскую.

⁵⁸ Еще об одном пушкинском письме, сохранившемся в отрывке, см. примеч. 61.

бенно во время издания Кюхельбекером «Мнемозины». О некоторых письмах находим свидетельства в переписке и Пушкина и Кюхельбекера с другими лицами. Весной 1823 г. уже с Кавказа Кюхельбекер отправил в Одессу свое послание «К Пушкину». Затем между ними возникла ссора, которая длилась несколько месяцев. Осенью 1823 г. Пушкин обращался к А. А. Шишкову: «Пишет ли к тебе общий наш приятель Кюхельбекер? Он на меня надулся, бог весть почему. Помири нас» (XIII, 76). Примирение, видимо, вскоре состоялось.⁵⁹ В это время Кюхельбекер жил уже в Москве и вместе с В. Ф. Одоевским готовил альманах «Мнемозину», к которому Пушкин проявлял живейший интерес⁶⁰ и в котором изъявил готовность принять участие. В. И. Туманский, встретившийся в Одессе с Пушкиным, писал Кюхельбекеру 11 декабря 1823 г.: «Спасибо тебе, друг мой Вильгельм, за память твою обо мне < . . . > Два поклона твои в письме к Пушкину принимаю с благодарностью и с мыслью, что нам снова можно возобновить переписку» (XIII, 81). 8 февраля 1824 г. в ответ на просьбу А. А. Бестужева прислать «десяток пьес» для «Северной звезды» Пушкин объяснял: «. . . я обещал Кюхельбекеру, которому верно мои стихи нужнее, нежели тебе» (XIII, 88). Летом 1824 г. Пушкин спрашивал у Вяземского, передал ли тот «Разбойников» для «Мнемозины». Правда, одновременно он жаловался, что Кюхельбекер не пишет, и «с нетерпением» ждал его приезда в Одессу (XIII, 104). Видимо, в этой переписке Кюхельбекер не был пунктуален.⁶¹ В Одессу Кюхельбекер не поехал, а Пушкин к осени 1824 г. был уже в Михайловском и продолжал внимательно следить за изданием «Мнемозины». К этому времени вышла вторая часть альманаха с пашумевшей статьей Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии». В третьей книжке «Мнемозины» был опубликован «Демон» Пушкина. Он отдал Кюхельбекеру также стихотворение «К морю» и даже предполагал дать письмо Татьяны.⁶² Несмотря на огорчение, которое доставили ему «опечатки» в «Демоне»,⁶³ Пушкин спрашивал в январе 1825 г. у Вяземского: «Что мой Кюхля, за которого я стражду, но все люблю? говорят, его обстоятель-

⁵⁹ Подробнее о переписке этого периода Пушкина с Кюхельбекером, их ссоре и примирении см.: Тынянов Ю. Пушкин и Кюхельбекер. — Литературное наследство, т. 16—18, с. 321—378.

⁶⁰ См., например, письмо к П. А. Вяземскому от 20 декабря 1823 г. (XIII, 82).

⁶¹ К тому же надо помнить, что и тогда полиция следила за перепиской Пушкина и Кюхельбекера. Так, было перехвачено письмо Пушкина от апреля—мая 1824 г., адресатом которого Б. В. Томашевский очень правдоподобно считает Кюхельбекера. Из этого письма сохранился только отрывок, переписанный цензором. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 10. М., 1965, с. 86—87. Вообще, судя по дошедшей до нас переписке Пушкина в период южной ссылки, а затем в Михайловском, многие письма терялись.

⁶² См. письмо П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. (XIII, 125, 403).

⁶³ См. письмо к Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной от 4 декабря 1824 г. (XIII, 126).

ства не хороши — чем не хороши?».⁶⁴ А в мае Пушкин писал брату: «Надеюсь, что Дель.<виг> и Бар.<атынский> привезут мне и Анахарзиса Клоца,⁶⁵ который верно сердится на меня за то, что мне не по нутру *Резвоскачущая кровь Гриб.<одова>*» (XIII, 175). Ожидание приезда Кюхельбекера в Михайловское, цитата из его послания к Грибоедову («резвоскачущая кровь»), опасение, что автор сердится за критику, — все это свидетельствует о контактах между Пушкиным и Кюхельбекером, вероятно, прямых или по крайней мере через друзей.

Издание альманаха Кюхельбекер и Одоевский вынуждены были прекратить после четвертой части,⁶⁶ и Пушкин писал Вяземскому летом 1825 г.: «Мне жаль, что от Кюхельбекера отбили охоту к журналам».⁶⁷

Единственное дошедшее до нас письмо Пушкина к Кюхельбекеру было написано незадолго до восстания декабристов.⁶⁸ Оно содержало подробный отзыв о пьесе Кюхельбекера «Шекспировы духи» и о его статье, посвященной С. А. Шихматову. Это сугубо литературное письмо не содержит никаких других сведений. Заканчивается оно шутливыми словами: «Ай, ай, больше не буду! не бей меня» (за нелестный отзыв о Шихматове, творчество которого Кюхельбекер высоко ценил). Подобное письмо возможно только в ряду других, где Пушкин мог обсуждать гораздо более интересные его литературные вопросы. Прежде всего такой темой не сомненно была статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии», к которой Пушкин отнесся с большим вниманием и уважением. Несмотря на несогласие со многими ее положениями, в частности с оценкой значения для русской поэзии творчества Жуковского и Батюшкова, Пушкин тем не менее признавал незаурядность этой резкой и самобытной статьи. Он долго размышлял над нею и намеревался даже написать возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине».⁶⁹ Возможно ли, что Пушкин ничего не писал об этой статье самому Кюхельбекеру осенью 1824 г., когда отдавал ему свои стихи для альманаха? При обсуждении же вопросов, поднятых в статье Кюхельбекера, неизбежно должна была возникнуть тема об элегии вообще, о Батюшкове и его «Умирающем Тассе» — в частности. Как раз в процессе такого обмена мнениями Кюхельбекер и мог высказать Пушкину свою мысль о французском источ-

⁶⁴ Письмо от 25 января 1825 г. (XIII, 135).

⁶⁵ Этим именем деятеля Великой Французской революции, немца по происхождению, Пушкин называет Кюхельбекера.

⁶⁶ Последняя часть «Мнемозины», подписанная цензором в октябре 1824 г. вышла только через год. В ней было помещено стихотворение «К морю», в котором Пушкин отдал дань и памяти Байрона.

⁶⁷ Письмо от 10 августа 1825 г. (XIII, 204).

⁶⁸ Письмо от начала декабря 1825 г. (XIII, 247—248). Письмо это, посланное через Плетнева, не успело дойти до Кюхельбекера, потому, видимо, и сохранилось.

⁶⁹ См. наброски, датируемые 1825—1826 гг. (XI, 41—42), где Пушкин называл Кюхельбекера «атлетом», «человеком ученым и умным».

нике элегии Батюшкова. Какие-то письма Кюхельбекера этого периода вероятно хранились у Пушкина, но он должен был сжечь их вместе со своим дневником и другими бумагами, когда узнал об аресте декабристов. Возможно, для нас навсегда потерян интересный и теоретически важный литературный диалог Пушкина и Кюхельбекера. Не исключено, что в сожженном дневнике, возможно, содержались и совершенно конкретные сведения относительно чтения «Опытов» Батюшкова.

В пометах отразилось суждение Пушкина о поэзии Батюшкова, сформировавшееся к 1825 г. Но, естественно, оно не могло оставаться без изменений во всех деталях до конца жизни поэта. Некоторые частные оценки, вероятно, он уже не повторил бы год-два спустя. Несколько позднее, возможно, другой была бы, например, оценка стихотворения «Мой гений», о котором Пушкин записал: «Прелесть кроме первых 4» (XII, 262). Напомним его начало:

О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся волос.
Моей пастушки несравненной. . .

Видимо, тогда, зимой 1824/25 г., Пушкин еще не был подготовлен своим душевным опытом к восприятию того настроения, которое вложил Батюшков в первое четверостишие. Зато летом 1826 г. при известии о смерти Амалии Ризнич он написал элегию «Под небом голубым страны своей родной»,⁷⁰ строки которой имеют много общего с батюшковскими:

. . . Увы, в душе моей
Для бедной, легковой тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

Поэт уже обнаружил в своей душе эту «сладкую память»,⁷¹ которую немногим ранее не оценил в стихотворении Батюшкова.

⁷⁰ В варианте первого белого списка элегии у Пушкина было: «Под небом голубым Италии своей» (III, 576).

⁷¹ Воспоминание становится для Пушкина очень значительным свойством души человеческой. Уже в 1825 г. Пушкин писал А. А. Дельвигу: «или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано

Осмелимся высказать предположение, что теперь мнение Пушкина о «Моем гении» могло быть уже противоположным, т. е. он скорее предпочел бы первые строки остальным.⁷² Думается, что позднее и оценка Пушкиным элегии «Умиравший Тасс» могла быть иной.

все, что подвластно ему?» (XIII, 252). Знаменательно, что и пушкинский стих из элегии — «Но недоступная черта меж нами есть. . .» явно восходит к строкам «Воспоминания» Батюшкова:

Между протекшего есть вечная черта —
Нас сблизит с ним одно мечтанье.

Ср.: Семенов И. М. Поэты пушкинской поры. М., 1970, с. 236—237.

⁷² Выказывая это предположение, мы исходим из посылки, что помета Пушкина прочтена и списана Л. Н. Майковым правильно. Показательно, что стихотворение Батюшкова «Мой гений» Ап. Майков считал пушкинским, и, несомненно, поводом для такой ошибки были прежде всего первые строки, которые он и поместил в качестве эпиграфа к одному из собраний своих стихотворений (ср. примечание Д. Д. Благого в кн.: Б а т ю ш к о в К. Н. Соч. М.—Л., 1934, с. 456).

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ОТКЛИКОВ НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Публикуемые ниже стихотворные отклики на смерть Пушкина извлечены нами из нескольких рукописных источников, хранящихся в фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома. Разнородные по своему характеру и породившей их литературно-общественной среде, они единичны и в исследовательском отношении «случайны» и, конечно, не в состоянии дать сколько-нибудь целостную картину борьбы различных социальных групп вокруг имени поэта. Тем не менее известные штрихи к такого рода картине они могут добавить и при всех своих индивидуальных различиях имеют нечто общее, что позволяет объединять их не только по тематическому признаку. Эта общность заключается прежде всего в том, что все стихи, о которых пойдет далее речь, написаны под свежим впечатлением гибели поэта людьми, либо хорошо его знавшими, либо живо заинтересованными его судьбой, и, таким образом, отражают настроения близкой Пушкину литературной или окололитературной среды. Далее: все эти стихи не увидели света при жизни их авторов. Почему это произошло — судить трудно; по-видимому, некоторые из них и не предназначались для печати, другие, может быть, не были пропущены. Известно, что по личному распоряжению С. С. Уварова все отклики на смерть Пушкина должны были проходить особую цензуру председателя цензурного комитета и самого министра;¹ при этом все отзывы о Пушкине, переходившие границы «строжайшей умеренности», запрещались. Так было запрещено к печати стихотворение А. С. Норова «Погас луч неба, светлый гений. . .».² Как бы то ни было, по субъективным или объективным причинам, публикуемые стихи бесцензурны, и это также накладывает на них известный от-

¹ См.: Никитенко А. В. Дневник, т. I. М., 1955, с. 195 (запись от 31 января 1837 г.). Отношение С. С. Уварова гр. С. Г. Строганову от 1 февраля 1837 г. см.: Пушкинский сборник, вып. 1. М., 1902, с. 298.

² Текст этого стихотворения см.: Каллаш В. В. Русские поэты о Пушкине. М., 1899, с. 88. О цензурной истории стихотворения см.: Русская старина, 1880, № 7, с. 536; 1887, № 4, с. 250.

печаток: они не только откровенны в выражении своих симпатий к погибшему поэту, но и свободно включают в себя факты и интерпретации, не всегда уместные в печати и представляющие, как мы увидим далее, самостоятельный исторический интерес. •

{

Первое из публикуемых нами стихотворений принадлежит перу поэта, драматурга, романиста и критика Бориса Михайловича Федорова (1798—1875), старинного неприятеля Дельвига и Баратынского, присяжного памфлетиста журнала «Благонамеренный», в 1820-е годы — автора известных пародий на «союз поэтов». Эта принадлежность Федорова к враждебному литературному кружку предопределила во многом и то ироническое пренебрежение, с каким относился к Федорову Пушкин. Здесь не место проследивать детали их личных и литературных взаимоотношений, небезынтересные сами по себе и не во всем еще ясные; укажем только, что Федоров, сохранивший литературную неприязнь к поэтам ближайшего пушкинского окружения, неизменно демонстрировал свою благожелательность по отношению к самому Пушкину.³ В данном случае нам важны самые поздние эпизоды их общения, о которых рассказал книгопродавец И. Т. Лисенков: они встретились в его лавке за несколько дней до последней дуэли Пушкина и разговорились. «Два или три часа не могли расстаться, — вспоминал Лисенков, — и пробыли в моем магазине чуть не до полуночи, так что предложенный им мною чай не пожелали принять и с жаром друг с другом вели непрерывный интересный разговор обо всем литературном мире; при расставании же оба один другого приглашали на всегдашнее знакомство, а через три дня оказалось, что приглашению этому осуществиться должно за гробом < . . . > На другой же день публика была поражена известием о смертельной дуэли, и Борис Михайлович в тот же день явился ко мне со слезами на глазах для воспоминания о его знакомстве у меня, глубоко сожалея о потере знаменитого колоссального поэта, который через несколько дней вскоре и угас».⁴ Под этим впечатлением Федоров написал стихи, о которых нам известно по упоминанию в письме А. М. Языкова к С. Д. Комовскому от 2 марта 1837 г.: «Мы имеем на смерть Пушкина только стихи Лермонтова и Бориса Федорова».⁵ Текст этих стихов неизвестен; публикуемое нами стихотворение также не подходит под описание

³ Свод данных о взаимоотношениях Пушкина и Б. М. Федорова см.: Пушкин И. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 479—480. Дополнения см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 439—440.

⁴ См.: Теплинский М. В. И. Т. Лисенков и его литературные воспоминания. — Русская литература, 1971, № 2, с. 111—112.

⁵ См.: Баранов В. В. Отклик А. И. Полежаева на стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». — Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 486.

Языкова. Оно, конечно, написано несколько позже и является откликом не столько на самую гибель Пушкина, сколько на связанные с нею разговоры в петербургском обществе.

Федоров посвятил свои стихи княгине Зинаиде Ивановне Юсуповой, урожд. Нарышкиной (1809—1893), жене кн. Бориса Николаевича Юсупова (1794—1842). О связях Пушкина с этим семейством мы знаем очень мало; тем ценнее для нас свидетельство Федорова, что Юсупова с жаром вступилась за «славу» Пушкина в петербургских салонах, заявив себя, таким образом, приверженцем «пушкинской партии». Семейю Юсуповых Федоров знал близко; вдова старого князя Н. Б. Юсупова Татьяна Васильевна покровительствовала ему и поддерживала его материально; смерть ее в 1841 г. была для него тяжелым ударом.⁶ В 1849 г. он посвящает специальную брошюру памяти кн. Б. Н. Юсупова;⁷ знакомство же с его вдовой, З. И. Юсуповой, продолжает сохранять до самой смерти. В ее альбоме мы находим несколько стихотворений Федорова, самое позднее из которых датировано 1873 г. Федоров адресует стихи и самой хозяйке альбома, и ее второму мужу, графу Карлу де Шово, маркизу де Серр (Chauveau de Serre); он сочиняет даже целую балладу, прославляющую доблести рода де Шово.⁸ В тот же альбом он вписывает и стихи, удостоверяющие привязанность автора и адресата памяти Пушкина. Поэтические их достоинства невысоки: это обычный галантный мадригал, построенный на парафразе основного мотива пушкинских стихов, адресованных А. П. Керн. В лирическом восторге Федоров потерял чувство меры, отведя Пушкину роль потенциального трубадура светской красавицы. Однако не эстетические промахи или достижения Федорова занимают нас сейчас. Его стихотворение есть своего рода исторический документ, который заставляет нас присмотреться внимательнее к другим материалам юсуповского альбома.

2

Муж З. И. Юсуповой, кн. Б. Н. Юсупов, был сыном того самого Н. Б. Юсупова, которому Пушкин посвятил свое послание «К вельможе». Как реагировали на это послание младшие члены

⁶ 8 (20) июля 1841 г. А. И. Тургенев, прежний начальник Федорова по департаменту духовных дел и иностранных исповеданий и постоянный его покровитель, писал Вяземскому: «Жаль мне и княгини Юсуповой за Федорова. Он и ее, и Шишкова, и сына лишился в одно время» (Остафьевский архив, т. IV. СПб., 1899, с. 141). 30 сентября 1842 г. Плетнев писал Я. К. Гроту о визите Федорова, который разжалобил его «скудостью в одеянии своим и рассказами про старуху Юсупову, которая ему помогала»; он принес Плетневу стихи, где «описал жизнь ее в виде волшебной сказки, назвав княгиню Виолеттой» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, с. 607).

⁷ Федоров Б. Кн. Б. Н. Юсупов. СПб., 1849.

⁸ Федоров Б. Легенда. Из преданий, записанных Шатобрианом (Etudes Historiques, tome 4. Bataille de Poitier) (Графине З. И. Шово, маркизе де Серра). 1873. Ген «варя» 29. — ИРЛИ, ф. 524, оп. 1, № 50, л. 35—36 об.

семейства, мы не знаем, но, конечно, оно не прошло незамеченным. Лето 1830 г. Б. Н. Юсупов, гофмейстер двора, проводит в Царском Селе и близко общается, в частности, с Жуковским. В альбоме Юсуповой под датой «1 Août 1830. Soirée au cottage» мы находим автограф шуточных стихов Жуковского «Какое сходство и какая разница между Быком и Розою?»,⁹ с тою же подписью «Бык», какую Жуковский употреблял, например, в домашней переписке с А. О. Смирновой-Россет; отношения его с Э. И. Юсуповой, известной красавицей петербургского света, уже в это время отличались, как видно, дружеской короткостью. В более поздние годы записи в альбом Юсуповой делают Вяземский, Крылов, Мятлев, И. И. Козлов, Соллогуб — весь круг пушкинских литературных друзей и знакомых. Юсупова коллекционировала автографы, и предметом ее желаний был автограф Пушкина. Она получила его уже после смерти поэта. Об этом мы знаем из сохранившейся в альбоме весьма интересной неопубликованной записки Жуковского, которую мы приведем полностью.

«J'ai l'honneur de vous envoyer, madame la princesse, un fragment écrit de la main de Pouchkine: c'est une sorte de biographie de son ami Delvig, qu'il n'a pas eu le tems de finir. J'ai voulu d'abord vous envoyer un conte en vers, mais il s'est trouvé que ce manuscrit est inséré dans le registre général et numéroté. Je ne puis pas en disposer. Le fragment ci-joint m'appartient en propre, je l'ai trouvé dans mes papiers et je vous le cède avec plaisir. Je suis sûr à present que me conserverai dans votre souvenir, car j'y serai fixé par le nom de Pouchkine.

Joukovsky».¹⁰

Перевод:

«Имею честь послать вам, княгиня, отрывок, писанный рукою Пушкина: это своего рода биография его друга Дельвига, которую он не имел времени закончить. Я хотел сначала послать вам сказку в стихах, но оказалось, что эта рукопись внесена в общий регистр и пронумерована. Я не могу ею распоряжаться. Прилагаемый отрывок — моя собственность; я нашел его в своих бумагах и с удовольствием уступаю его вам. Теперь я уверен, что останусь в вашей памяти, ибо буду закреплен в ней именем Пушкина.

Жуковский».

Точно датировать эту записку затруднительно. Осенью 1839 — весной 1840 г. Жуковский занимался рукописями Пушкина, готовя

⁹ Там же, л. 62. Эти стихи (печатающиеся под названием «Ответы на вопросы в игре, называемой „секретарь“») написаны около 1819 г. См.: Жуковский В. А. Стихотворения, т. 2. Л., 1940 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 251, 527 (комментарий Ц. Вольпе).

¹⁰ ИРЛИ, ф. 524, оп. 1, № 50, л. 72.

к печати IX—XI тома посмертного собрания сочинений.¹¹ В XI томе этого собрания была напечатана неоконченная пушкинская статья «Дельвиг» (XI, 273—274), автограф которой, по-видимому, и был подарен Жуковским Юсуповой. Это был, конечно, белой автограф на пяти листках, поступивший позднее из юсуповского собрания в Пушкинский Дом.¹² Другие заметки Пушкина о Дельвиге, также известные Жуковскому, — фрагмент из «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», отрывок из воспоминаний («Я ехал с Вяземским. . .»), — во-первых, не подходят под понятие «биография», а во-вторых, имеют жандармские пометы; дальнейшая их судьба также не позволяет думать, что они побывали когда-либо в руках у Юсуповой. Мы можем предполагать, что Жуковский сделал свой подарок не ранее 1840 г., когда вышел из печати XI том «Сочинений Александра Пушкина» и автограф перестал быть необходимым для издания.

Он подарил его как реликвию, заменив им первоначально выбранную «сказку в стихах», которой не мог распоряжаться. Может быть, это была «Сказка о мертвой царевне. . .». Она действительно имела жандармские пометы (№ 16—21), но оставалась у Жуковского; этот автограф он, между прочим, также подарил — но позднее — Карлу Радовицу.¹³

Таковы дополнительные сведения, дающие своего рода контекст первому из публикуемых нами стихотворений.

3

Второе стихотворение на смерть Пушкина, приводимое нами в приложении, менее интересно по своему бытовому и общественному контексту, но зато более значительно по содержанию. Автограф его наклеен на плотный лист бумаги; по формату и особенностям внешнего оформления это, несомненно, один из сохранившихся листов альбома Н. А. Маркевича, в юные годы, да и позднее (в конце 1820-х годов) довольно близко общавшегося с Пушкиным и его кругом.¹⁴ Автограф белой; под ним стоят подпись «З—ий»

¹¹ О хронологии занятий Жуковского пушкинскими рукописями см.: Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина. — В кн.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 317—319. Из этой работы берем и дальнейшие сведения об истории рукописей, принадлежавших Жуковскому (см. с. 335, 341 (№ 7, 14, 16), 322—331).

¹² Рукопись Пушкина, хранящаяся в Пушкинском Доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., 1937, с. 125—126.

¹³ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине, с. 321, 338, 341.

¹⁴ См.: Воспоминания Н. А. Маркевича о встречах с Кюхельбекером в 1817—1820 гг. Публ. и коммент. Н. Г. Розенблюма. Предисловие А. А. Орловой. — Литературное наследие, т. 59. М., 1954, с. 501—512; А. А. Глипка в воспоминаниях современников. Под общ. ред. А. А. Орловой. М., 1955, с. 119—141; Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский и Петербург-

и помета «Триест».¹⁵ Этих данных вместе с автобиографическими сведениями, содержащимися в стихотворении, достаточно, чтобы определить автора. Это Ефим Петрович Зайцевский (1801—1860), «поэтический спутник» Дениса Давыдова, моряк-поэт, попавший в поле зрения Пушкина в 1830 г., во время посещения Петербурга по пути на воды в Германию. Зайцевский имел заслуженную репутацию героя после штурма Варны, где он получил рану в руку разрывной пулей. 7 февраля 1830 г. О. М. Сомов написал В. Ф. Одоевскому: «Завтра вечером непременно буду у вас и приведу к вам интересного моряка Зайцевского»,¹⁶ а 10 февраля Пушкин уже печатает в «Литературной газете» поэтическое приветствие Зайцевскому Дениса Давыдова; эти стихи вызвали цензурные тяжбы, в которой Пушкин принял непосредственное участие. Через номер он печатает и ответ Зайцевского Давыдову.¹⁷ Зайцевский уехал в мае 1830 г.; он посетил Германию, Швейцарию и Италию, в Женеве встречался с Шевыревым и Соболевским, с которым сохранял связи и позже. В Милане он свел знакомство с находившимися там русскими семействами; судя по известиям о нем в переписке Соболевского, он вел за границей довольно свободную жизнь.¹⁸ В марте 1834 г. он был в Петербурге и снова встречался с Пушкиным; вместе с ним, доктором С. Ф. Гаевским и В. Ф. Одоевским Зайцевский отклоняет приглашение участвовать в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара, не желая мириться с редакторским диктатом Сенковского, о чем Пушкин сделал запись в своем дневнике под 2 апреля 1834 г. (XII, 323). Это, по-видимому, была их последняя встреча; известие о гибели Пушкина застало Зайцевского за границей.

Итальянский период жизни Зайцевского известен очень мало; высказывалось даже мнение, что он почти перестает писать. Между тем это не так. В конце 1830-х годов поэтическая деятельность его довольно интенсивна. В 1839 г., находясь в Риме и Неаполе, он пишет несколько стихотворений, навеянных итальянскими впечатлениями, и поддерживает связи с русскими литераторами: с Д. И. Долгоруким, В. Ф. Одоевским и, по-видимому, с И. П. Мятлевым. Среди бумаг Д. И. Долгорукого сохранились хранящие след этих дружеских связей стихотворения Зайцевского; одно из

ский университет. Л., 1971, с. 162—164, 166, 171; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 240 (дополнительные сведения).

¹⁵ ИРЛИ, ф. 488, № 76, л. 11—12.

¹⁶ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 1016, л. 5—5 об.

¹⁷ См.: Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830—1831. Указатель содержания. М., 1966, с. 56—57, 62, 154. Стихи Зайцевского и биографию его, написанную В. Н. Орловым, см.: Давыдов Денис. Полн. собр. стихотворений. Л., 1933 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 189—217. Ср. также: Поэты 1820—1830-х годов, т. 1. Л., 1972 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 513—526.

¹⁸ См. письма его к Соболевскому из Милана 1832 г. (ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, № 3, л. 242—245), а также упоминания о нем в письмах Лемана Соболевскому того же 1832 г. (там же, л. 204 об., 211 об.).

них («Законы осуждают предмет моей любви», Неаполь, 1839) посвящено «И. П. Мятлеву и князю Д. И. Долгорукову»; другое («К перышку», Неаполь, 1839) имеет подзаголовок «Своевольное подражание поэту Мятлеву». Вероятно, с Мятлевым Зайцевский познакомился, когда тот путешествовал по Европе. Попытки его «в мятлевском роде», впрочем, были мало удачны. Большой интерес представляет третий текст, подаренный Зайцевским Долгорукову: это перевод терцинами стихов 1—36 популярной в русской литературе третьей песни «Ада» Данте («L'Inferno. С. III. Терцет по Данту»),¹⁹ третий по времени перевод большого фрагмента знаменитой поэмы (после П. А. Катенина и А. С. Норова). Мы приведем этот отрывок, о котором, насколько нам известно, никаких упоминаний в литературе не было.

«К юдоли вечных слез проходят мною,
Проходят мной в обитель вечных мук,
Проходят мной к погибнувшим душою.

Правдив был труд меня создавших рук:
Я дело божества, любви начала
И вечной мудрости, ключу (*так!*) наук.

И до меня созданья не бывало,
Лишь вечность, и стою от века я:
За прагом сим отчаянье всех ждало».

Сии слова, как тучи в высях дня,
Темнели надписью над дверью ада.
Я вскрикнул: «Вождь, их смысл страшит меня».

Он молвил мне с прозорливостью взгляда:
«Сомнений здесь на сердце не читай,
Погибелью здесь мужества утрата.

Вступаем мы в поведанный мной Край,
Весь полный скорбных жертв и безответный
Для душ, утративших свой светлый рай».

Мне руку сжав и взор склоня приветный,
Он ободрил мой дух и укротил
И ввел меня в мир Тайны заповедный.

Здесь в воздухе без света и светил
Гремят проклятий крик, визг, плач, стенанье, —
И слез поток невольно я пролил.

Племен и Царств здесь слышалось рыданье,
Звучала бездна гулом голосов,
И с воплями слилось рукоплесканье.

Так дышит вихрь, взрывая грудь песков.
И я воззвал, весь полн недоумений:
«Кого карал так гнев и суд богов?».

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 177, оп. 1, № 217 («Три стихотворения Зайцевского, посвященные Долгорукову Д. И.»)

Он рек: «Сей род презренный поколений —
Толпа; бесцветна их души печаль,
Без добродетелей, без преступлений,

Их жизнь пуста, их никому не жаль».

Этот отрывок наглядно показывает нам и уровень мастерства, и поэтическую ориентацию Зайцевского в конце 1830-х годов. Эпигон-романтик, он овладел поэтической фразеологией пушкинской эпохи и, конечно, не ошибался, когда в стихах памяти Пушкина объявлял его своим поэтическим учителем. Но он был учеником Пушкина в общем смысле: не столько последователь, сколько подражатель, он воспроизводил уже готовые формулы, пересказывая с их помощью оригинал; в отличие хотя бы от того же Катенина он не стремился отыскать общий стилистический ключ дантовской поэмы и дать ему русский эквивалент. У него нет индивидуального стиля: его поэтическая система эклектична, в ней слышатся отзвуки то сентиментальной и элегической, то «высокой», псалмодической поэзии. Наконец, самая интерпретация исходного текста типична для эпигонского романтизма: дантовские отверженные души для него «толпа», «чернь» — традиционное понятие массовой романтической лирики, варьирующей антитезу «поэт — толпа». В русском литературном сознании 1830-х годов этот общеромантический мотив также постоянно связывался с именем Пушкина.

Все эти стилистические тенденции нашли место и в поэтическом отклике Зайцевского на смерть Пушкина, где живые черточки реального облика поэта, памятные автору по личным впечатлениям, наложились на образ вдохновленного свыше романтического «певца». Судя по тону и содержанию стихотворения, оно было непосредственным откликом на известие о гибели Пушкина. На эту мысль наводит, в частности, концовка стихотворения с несколько наивной угрозой «разрядить» в Дантеса пистолет. Неосуществимая мечта о «мщении» Дантесу (естественная, впрочем, для «моряка-солдата») sporadически возникала в обществе под влиянием первого потрясения: напомним о намерении Л. С. Пушкина вызвать Дантеса на дуэль и о распространившемся слухе, что то же самое собирался сделать Мицкевич.²⁰

Зайцевский прожил в Италии до конца жизни — почти тридцать лет, лишь изредка заезжая в Россию (например, в 1840—1841 гг.); с 1846 г. он состоял при русской дипломатической миссии в Неаполе. По-видимому, он стремился, насколько возможно, сохранить свои прежние связи. В бумагах С. А. Соболевского оста-

²⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 157; Русский архив, 1905, № 8, с. 607. Ср. совершенно такую же реакцию М. Орбелиани, о которой сообщал А. А. Бестужев-Марлинский брату 23 февраля 1837 г. (Бестужев-Марлинский А. А. Соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1958, с. 673—674).

лось несколько его писем за 1840-е годы.²¹ В 1853 г. его видел в Венеции Вяземский, отметивший в своем дневнике: «Вечером был у Кассини и видел там Зайцевского, переселившегося себя в Италию, когда, казалось бы, России почва совершенно по нем. В русской судьбе много таких странностей. Бедный Пушкин не выезжал из России, а Зайцевский не выезжает из Италии».²² С Кассини Зайцевского также связывало давнее знакомство: сохранилось письмо Зайцевского В. Ф. Одоевскому 1839 г. с просьбой взять под свое покровительство Кассини, русского консула в Триесте, отправляющегося в Петербург.²³

Эти связи, может быть, объясняют отчасти помету «Триест» под стихотворением Зайцевского. Когда Н. А. Маркевич, некогда одноклассник Соболевского, посетил во время своего заграничного путешествия Триест (это произошло в ноябре 1857 г.),²⁴ он, по-видимому, встретил там Зайцевского, и «бывший поэт» записал для его альбома свои старые стихи, которым придавал особое значение. Имя Пушкина в них было символичным: оно возникало как своего рода знак связи их автора с Россией, ее культурной традицией и даже как знак принадлежности его к поэтическому цеху. Впрочем, это лишь гипотеза, хотя, на наш взгляд, и наиболее вероятная; если же «Триест» обозначает не место записи, а место создания стихотворения, тогда нужно предполагать какие-то встречи Зайцевского с Маркевичем в России, о которых до нас не дошло никаких сведений.

4

Если два первых стихотворения нашей публикации принадлежат перу профессиональных поэтов, то автор остальных стихов, по-видимому, дилетант. Личность его нам неизвестна. От него сохранилась тетрадь стихов 1837—1839 гг., как правило, в белых автографах, подвергшихся затем небольшой правке. Поэтические достоинства большинства из них невысоки, хотя встречаются и стихи вполне профессиональные, на уровне массовой журнальной поэзии 1830-х годов («К черным глазам», 1837; «К картине „Петр Великий на Ладожском озере“», 1839). В печати они неизвестны, — во всяком случае ни одного из них нам не удалось обнаружить ни в периодических изданиях, ни в регистрах рукописей цензурного комитета за ближайшие годы. Из помет в рукописи и скудных автобиографических признаний в самих стихах явствует, что автор их был военным и в летние месяцы 1837—1838 гг. нес службу в Красном Селе, куда выезжали на лето в ла-

²¹ ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, № 3, л. 242—245; № 11, л. 145 об.—153.

²² Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. X. СПб., 1886, с. 27—28.

²³ ГПБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевского), оп. 1, № 523 (письмо от 14 марта 1839 г.).

²⁴ См. в собрании путевых реликвий Маркевича афишу Большого театра в Триесте с датой 8 ноября 1857 г.: ИРЛИ, ф. 488, № 46, л. 65.

гера гвардейские части; что в 1839 г. он был в Бородине, где праздновался юбилей знаменитого сражения. Последняя дата стоит под стихотворением «К памятнику Бородинской битвы». Сам он, по видимому, был выходцем из Новгородской губернии, о чем нам придется говорить несколько ниже. Никаких других биографических указаний в стихах нет.

Несколько больше мы узнаем о литературной и идеологической ориентации автора. Гвардейский офицер был настроен официозно-монархически. В 1837—1839 гг. он создает обширную поэму о пожаре Зимнего дворца, преисполненную верноподданнических чувств; официальным пафосом насыщены и его стихи «К колонне Александра I» (1839). Во всем этом ощущается осознанная позиция. Автор²⁵ внимательно следит за современной ему литературой и журналистикой: в его сборнике мы находим целый ряд откликов на культурные события времени. В этом-то сборнике он и помещает несколько стихотворений, посвященных памяти Пушкина.

Пушкин занимает исключительное место в сознании нашего поэта. На первой же странице он записывает четверостишие «К гению» (с пометой «1837 года Генваря 30-е. С. П. Петербург»):

Он расцветал в садах Лицея,
Свидетель славы — был Кавказ;
В Москве женился, стал слабее,
Поэт в историке погас.²⁶

Четверостишие очень характерно. Оно пишется как эпитафия — на следующий день после смерти Пушкина — и резюмирует его творческий путь в духе широко распространенной в 1830-е годы концепции затухания его творчества. При всем том Пушкин остается для него «гением», и начинает он эпитафию с парафразы пушкинских стихов, впрочем, также становящейся уже общим местом: и А. И. Полежаев («Венок на гроб Пушкина», 1837), и С. И. Стромиллов («Пушкин», 1837) включают ее в свои надгробные стихи.²⁶ Через неделю — 7 февраля — из-под пера неизвестного автора выливается уже целый цикл стихов о Пушкине. И содержание их, и хронология представляют немалый интерес.

К этому времени в поле зрения нашего автора было уже некоторое количество изустных сведений о дуэли и смерти Пушкина, печатные известия (в том числе знаменитый некролог в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» от 30 января: «Солнце нашей поэзии закатилось. . .») и иные источники, о которых сказано ниже. Слухами о подробностях дуэли был полон Петербург; не исключено, что неизвестный нам поэт побывал и на квартире Пушкина или на отпевании 1 февраля, куда собрался весь мыслящий Петербург. Во всяком случае и в «Думе на смерть П. Пушкина», и в дополняющем ее «Отдельном отрывке» мы нахо-

²⁵ ИРЛИ, р. I, оп. 19, № 200.

²⁶ См.: К а л л а ш В. В. Русские поэты о Пушкине. М., 1899, с. 73, 78.

дим следы петербургских толков. Иной раз источники прямо цитируются: «Так, наше солнце закатилось! Так, луч поэзии погас!». В других случаях сообщаются детали, восходящие к рассказам ближайших друзей Пушкина: о жестоких предсмертных страданиях поэта, заставивших его желать скорейшей кончины, — об этом много позднее писали А. И. Тургенев и В. И. Даль.²⁷ Неожиданной выглядит лишь осведомленность нашего автора в том, что касается места погребения Пушкина: оно совершилось 6 февраля, а уже на следующий день он подробно описывает местонахождение могилы — «в Святогорском монастыре, неподалеку от его (Пушкина, — В. В.) деревни, там же погребена и родительница его, — и это место было им самим избрано». Он упоминает и «Святой Горы песок отрадный», и в этом замечании, сделанном вскользь, ощущается след непосредственных зрительных впечатлений. Нет сомнений, что могилу Н. О. Пушкиной он видел сам, посетив Святогорский монастырь в промежуток между апрелем 1836 и январем 1837 г., и, видимо, тогда же узнал, что Пушкин купил соседнее место для себя; может быть, он слышал и о том, что Пушкин хвалил сухую и песчаную землю.²⁸ 1 марта 1838 г. датирована в рассматриваемой тетради «Элегия», где прямо описывается Святогорский монастырь:

Высокий курган — на нем храм со крестом,
Зовется Святой он Горою!

Такая осведомленность перестанет быть удивительной, если мы вспомним, что автор происходил из Новгородской губернии. Берега Волхова он называет своими родными местами («Мысли на берегах Волхова»); под одним из его стихотворений («Прости») стоит помета: «Званка 1837. Сент. 11».

Таковы реалии стихотворения, небезынтересные уже сами по себе. Но ими не исчерпывается историко-литературное значение стихотворения. «Дума на смерть П<ушкин>а» является одним из самых ранних (если не самым ранним) поэтических откликов на лермонтовскую «Смерть поэта». Сравним отдельные строки обоих произведений:

«ДУМА НА СМЕРТЬ П<УШКИН>А»

[Потерянный во мненьи света]
[Играя славою чужой]
Он поднял руку на поэта
Свершил удар. . .
Погас! и смолкли дивны звуки;
Не взвеселит он больше нас
Кто дивный светоч был для нас

«СМЕРТЬ ПОЭТА»

Восстал он против мнений света
Не мог падить он нашей славы
На что он руку поднимал!
Навел удар. . .
Замолкли звуки чудных песен
Не раздаваться им опять
Угас, как светоч, дивный гений

²⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 230; Пушкин и его современники, вып. VI. СПб., 1908, с. 55.

²⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 200, 196.

Строки из «Смерти поэта» входят, таким образом, в число опорных заимствованных формул, на которых строится стихотворение неизвестного поэта. Принципиальный смысл их, однако, изменился, и самый образ Пушкина в восприятии этого автора не только не тождествен лермонтовскому, но противоположен ему. В «Думе на смерть П<ушкин>а» социальный смысл конфликта снят; он перенесен в плоскость национальную. И здесь нам приходится обратить внимание на другой ряд поэтических ассоциаций — уже со стихами Пушкина:

«ДУМА НА СМЕРТЬ П<УШКИН>А»

ПУШКИН

Он равным зрел неравный бой

И равен был неравный бой

«Бородинская годовщина»

Да будет тих величья сон

И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон

«Перед гробницею святой»

«Отдельный отрывок» и «Врагам всего, что русским мило. . .», проясняющие окончательно концепцию «Думы на смерть П<ушкин>а», являются прямой парафразой стихов «Клеветникам России» и «Бородинской годовщины». Итак, в поэтическом сознании автора прежде всего «антифранцузские» стихи Пушкина, поняты прямолинейно и примитивно, в духе «официальной народности» и официального патриотизма. Пушкин рассматривается как жертва «клеветников, врагов России», «гнездо» которых есть средоточие мятежей против законной легитимной власти. Здесь монархические чувства неизвестного автора разыгрываются до такой степени, что он прямо начинает угрожать Франции разорением, которое должно совершиться под эгидой имени Пушкина. Чуждость этой идеи, впрочем, кажется, заставляет его остановиться и дописать к своим стихам примирительный «постскрипtum», где непосредственный виновник гибели Пушкина Дантес отделен от чации в целом.

Перед нами, таким образом, случай ярко официозного освещения социальной трагедии, и он весьма интересен, так как обращает наше внимание на некоторые особенности создавшейся в 1837 г. общественной ситуации. Известны донесения Либермана, сообщавшего прусскому двору об антифранцузских настроениях, проявившихся, в частности, во время похорон Пушкина, и анонимные письма этого же времени, обвинявшие в гибели поэта иностранцев.²⁹ Эти настроения встречали негласную поддержку при русском дворе, резко отрицательно настроенном к французской парламентской системе и к правительству Луи-Филиппа. Стихи гвардейского поэта были их подчеркнутым выражением; они не могли бы быть допущены к печати из дипломатических соображений, но ни

²⁹ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.—Л., 1926, с. 384; Поляков А. С. О смерти Пушкина (по новым данным). Пб., 1922, с. 42.

в какой мере не могли стать предметом политического преследования. И здесь достойно внимания, что официально настроенный поэт неожиданно берет себе в союзники Лермонтова. «Смерть поэта» — разумеется, без последних 16 строк, еще не существовавших к 7 февраля 1837 г., — он рассматривает как отражение той же, близкой ему, «антифранцузской» точки зрения. Это, конечно, абберация, но легко объяснимая, и она проливает свет на парадоксальные на первый взгляд особенности цензурной истории стихотворения Лермонтова. А. Н. Муравьев вспоминал, что «бурю» против Лермонтова вызвала последняя строфа; в остальной же части стихотворения ни он, ни А. Н. Мордвинов, ни Бенкендорф не нашли «ничего предосудительного». ³⁰ Заключительные 16 строк проясняли адрес лермонтовской инвективы; без них стихотворение можно было при желании трактовать в почти официальном духе, как это сделал неизвестный нам поэт. Любопытно, что С. А. Раевский в своем «Объяснении» по поводу этих стихов прямо пытался навести власти на такое толкование, подчеркивая, что они направлены против «иностранцев», не подлежащих русскому суду; он обращал внимание на патриотические настроения Лермонтова и в доказательство приводил его стихи «Опять народные витии. . .» — подражание стихотворению Пушкина «Клеветникам России». ³¹

Следы подобной трактовки мы улавливаем и позже; при этом важно отметить, что сам Лермонтов ее учитывает и недвусмысленно противодействует ее распространению. В декабре 1839 г. секретарь французского посольства барон д'Андрэ от имени посла де Баранта осведомляется у А. И. Тургенева: «. . . правда ли, что Лермонтов в известной строфе своей бранит француззов вообще или только одного убийцу Пушкина?». Лермонтов спешит сообщить Тургеневу точный текст, из которого оказывается, что «он и не думал поносить французскую нацию». Этот эпизод разыгрывается в напряженный момент франко-русских отношений и накладывает отпечаток на всю историю дуэли Лермонтова с сыном Баранта. «Заключительной репликой» этого спора, по удачному выражению Э. Г. Герштейн, ³² было «Последнее новоселье» Лермонтова — по общему мнению, стихи «антифранцузские», в которых, однако, автор, как будто предупреждая подобное толкование, ставит один очень важный и симптоматичный «пушкинский» акцент:

Сказать мне хочется великому народу:
Ты жалкий и пустой народ.

Резкая характеристика относится к буржуазной «толпе», «растоптавшей в пыли» национальную славу, и она требует объяснений и обоснований («Ты жалок потому. . .» и т. д.). «Великий

³⁰ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. [М.], 1972, с. 196.

³¹ Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, прилож. IV, с. 12—13.

³² Герштейн Э. Дуэль Лермонтова с Барантом. — Литературное наследство, т. 45—46. М., 1947, с. 408 и след.

народ» — историческая характеристика, атрибутивно присущая нации в целом. Здесь совершенно тот же ход мысли, что и в пушкинской статье «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»: «Жалкий век! Жалкий народ!».³³

Таковы проблемы, которые ставит перед нами новонайденный текст.³⁴

Приложение

Б. М. Федоров

⟨З. И. Юсуповой⟩

Восторгом мысль моя согрета:
Вы были дивный идеал,
Когда любимого Поэта
Ваш голос славу защищал.

Цня и мысль, и выраженье,
И чувства пламенной мечты,
Вы сами были вдохновенье
И чистый гений красоты.

Хоть мимолетно Вы касались
Струн лиры Пушкина златой,
Их звуки в сердце отзывались,
Чаруя, властвуя душой.

Вот лучший лавр его могилы.
О, если б он услышать мог,
Кто был его защитник милый,
Покров бы смертный он расторг. . .

Он возвратился б снова миру;
Душою Гений не угас;
Но Вам бы — посвятил он лиру,
И все звучал бы он — о Вас! . .

Е. П. Зайцевский

Памяти Пушкина

Тебя с надгробным отпеваньем
Не проводил к усопшим я,
Последним смертным целованьем

³³ См.: Герштейн Э. Послесловие. — В кн.: Ахматова Анна. О Пушкине. Статьи и заметки. Л., 1977, с. 312.

³⁴ Непосредственное отношение к Пушкину в анализируемой тетради имеет также стихотворение «И. А. К <рылову> (по случаю праздника 2 февраля 1838 г.)», написанное 3 марта 1838 г., где Пушкин упоминается наряду с Крыловым как вершинное явление современной поэзии. Эти стихи также не были напечатаны и не учтены в библиографии немногочисленных поэтических откликов на крыловский юбилей. См.: Кенев и ч В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Изд. 2-е. СПб., 1878, с. 323 и след.

Не целовал в уста тебя,
Твой гроб, омоченный слезами,
Не я в могилу опустил
И горстию земли с друзьями
Его с молитвой не прикрыл.
Под чуждым небом смерть Поэта
Оплакал одиноко я.
Носясь в сиянье славы света,
Да внемлет днесь мне тень твоя. . .

О Пушкин! Пушкин! Кто б пророком
Твоей кончины ранней был?
Тебя дух юности живил,
Во взоре голубом, глубоко
Играла жизнь избытком сил;
Как грива льва, власы кудрями
Струились темною волной,
Над величавой головой
Горел и вился гений твой,
Бессмертья окружен лучами.
И, сладкогласный лебедь, ты
В страны возносился неземные,
С своей воздушной высоты
Ты пел нам песни золотые.
Высоким, сладким пеньем сим
Россия в торжестве внимала
И с гордостью тебя своим
Любимым сыном называла.
Твой свежий лавр навек вpletен
В венец лавровый Николая,
Ты жил, нас славой покрывая,
Народом и царем почтен.
Ты вдохновенные искусства
Своею лирой освятил,
Нам выражал России чувства,
Поэтов русских князем был. . .
И вдруг, пришельцем безыменным,
Зашедшим к нам бродяг путем,
Принятым с лаской, накормленным
За радужным у нас столом,
Ты смертным поражен ударом. . .
И вот твои отрады, Русь!
Под черным гроба покрывалом
Схоронены навек. . .

О Русь!

Многих твоя уж правит тризна,
И каждый твой пришлец, как враг.
Пытается от наших ран,
От ран и язв твоих, Отчизна! . .

Я мысленно перед могилой
Твоей колени преклонил
И прах святой, России милый,
Слезами скорби оросил.
Моряк-солдат, я был поэтом,
Я лиру Пушкина любил,
И первый Пушкин перед светом
Меня от Муз благословил,
Нас всех увлек своим полетом. . .

Тебя уж нет для нас, поэт!
Мы в сиротстве остались грустном;
Но мой заряжен пистолет,
И на твоём убийце гнусном,
России мщением зажжен,
Он будет мною разряжен. . .

3-ий.

Триест.

Неизвестный автор

Дума на смерть П<ушкин>а

Великий Рим! ты в скорби час
Постиг, что Гения утрата,
Ты слезы лил, когда погас
Твой лебедь сладостный Торквато.
Ты б и теперь, великий, дал
Народу грустному десницу
И нашей скорби колесницу
Ты б с нами вместе провожал!

Главу ты гордую склонял
Пред тем, кто истинно был славен;
Везде талант ты ободрял
И мнил, что гений всюду равен.
Так, благородный гражданин!
Тебе, совместны эти чувства,
И чтит душою славянин
Тебя, как колыбель искусства.

Но вы, упавшие душой,
Челом поникшие — разврату!
Вас веселит преступный бой,
Вы нашей тепшитесь слезой;
Вы рукоплещете собрату —
Преступнику, кто сокрушил
Своей рукою дерзновенной
Кумир, для русского священный,
И Русь в унынье погрузил.

Убийца Гения, он мнил,
Что, стоя смерти на пороге,
Он не убийство совершил,
Коль жизнь его была в залоге.
Враждою сильной¹ пламенея,
Преступник² жертвовал собой
И в дикой ярости злодея
Он равным зрел — неравный бой!

Отринутый презреньем света,³
Пришлец бесславленный, всем чуждой,⁴

¹ Было: Преступной страстью

² Было: Пришлец, — он

³ Было: а. Потерянный во мненьи света б. Одна ль ступень была их света! . .

⁴ Было: Играя славою чуждой,

Он поднял руку на поэта
И, став при двери гробовой,
Свершил удар, — но рок ужасный
Ему отсрочил казни час,
Он жив — а лебедь наш прекрасный
В начале дней своих — погас!

Погас! и смолкли дивны звуки;
Не взвеселит он больше нас,
В нем заглушили песни муки,
И страшен был последний час!
«Как пальма, смятая грозною»,
Сокрыв страданье от людей,
Он лишь к друзьям взывал с мольбою
Слова последние: «скорей!».

Так, наше-солнце закатилось!
Так, луч поэзии погас!
Того уж нет, кем Русь гордилась,
Кто дивный светоч был для нас!
Чья песнь, как проповедь святая.
Пленила русские сердца, —
Тем жизнь окончена земная;
Он в лоне мира и Творца.

Ликует смерть, похитив славу,
Убийца в ужасе стоит!
Объяла горесть всю державу —
И песнь надгробная звучит!
Могилы свежая разрыта;
Земля, гордясь, готовит сень,
И, белым саваном покрыта,
Нисходит к ней святая тень.

Свершилось все: певец угас!
Он спит под сенью благодатной!
Да будет Меккою для нас
Святой Горы песок отрадный!^а
Да будет тих величья сон, —
Как в час явления денницы
Заря осветит небосклон, —
Так светит луч его гробницы.

Туда зовет родная тень!
Туда душа моя несется!
И, мнится, там светлее день,
И сердце славою упьется!
Туда, туда! . . . но не дерзнет
Стопа убийцы вслед за мною
Переступить святых ворот
И прах его омыть слезою!

Злодейству места с славой нет!
Тобой там воздух заразится;

^а А. С. Пушкин погребен Псковской губернии «в» Святогорском монастыре, неподалеку от его деревни; там же погребена и родительница его, — и это место было им самим избрано. (Примеч. автора),

И под пятой завянет цвет,
И кровь святая задымится!
Твой жребий — Каина удел!
Бежать тех мест, где злодеяньем
Ты положил себе предел
И осудил себя изгнаньем!

Беги, злодей! Терзай себя!
Здесь не взведут тебя на плаху!
Земля чуждается тебя —
И твоего не примет праха!
Да будет казнь тебе одно:
Багрить над грешным изголовьем
Твое кровавое пятно,
И всех проклятие — надгробьем!

1837 года февраля 7. С. Петербург.

Врагам того, что русским мило. . .

Враги того, что русским мило!
Разгульный пир теперь у вас.
Вы мните: вот того могила,
Кто восставал грозой на нас,
Чей стих, как хартия завета,
Напомнил вечный наш позор;
Кто пел величье полусвета,
Тот, наконец, закрыл свой взор!

Пируй, мятежная семья!
Пей чашу дикого веселья!
Ликуй на грани бытия! . .
Но жди кровавого похмелья:
Терпенью близится конец,
Блестит меч грозной Немезиды,
И скоро кровью мы обиды
Омоем в ярости сердец!

Тогда Его святая тень
Под небом Ф<ранции> явится,
Вас озарит кровавый день,
И месть ужасная свершится;
Полки славян вам пир дадут,
Родною тенью в бой ведомы,
Как вихрь, разметут ваши дома
И имя Ф<ранции> сотрут!
Тогда не мните договором
Отсрочить свой последний час!
Нет! договор мы чтем позором,
И нет пощады уж для вас!
Пощады злобе не даруем;
Мы будем мстить вам до конца
И пеплом градов отпируем
Мы тризну падшего Певца! . .

1837. Апрель 15.
С. Петер «бург».

Р. С.
Омойте, буйные, с смиреньем
Пятно кровавое с себя
И смерть поэта с сожаленьем
Оплачьте, славу возлюбя,
А имя вашего собрата,
С негодоваьем на устах,
Вы напишите в тех рядах,
Где пишут имя Герострата!

Тогда же.

Отдельный отрывок

Беги заслуженных оков:
Их яд костей твоих не сгложет,
Тебе гнездо бунтовщиков
Еще убежищем быть может!
Не унывай: злодейству есть
Приют в стране той отдаленной,
Где в каждом сердце — алая месть,
А чести огонь погас священный!

Сыны порока не устали
Там друг на друга восставать;
Отцы их детям завещали
Мятеж всегдашний возжигать;
Как предрассудок, видеть веру,
Препебрегать закон святой;
И кто чуждался их примера,
Тех поносить злой клеветой.

Но клеветы мы презрим жало,
Над нами светит та ж заря,
При коей Русь на вас восстала
По манью сильного царя! .
Все та же Русь! . Европа знает, —
И вас уверить в том пора,
Что днесь Владыку осеняет
Величье дивного Петра.

1837. Февра<ля> 7-го. С. Петербург.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1976 года

Настоящий библиографический обзор является продолжением аналогичного библиографического перечня за 1975 год, появившегося в предшествующем выпуске «Временника». Учебно-методическая литература выделена в особый отдел.

- Айрянц** Люзина Вардкесовна. «Бахчисарайский фонтан» и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина на армянском языке. (Анализ переводов). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Ереван, 1976, 26 с. (Ереван. гос. ун-т).
- Акаткин** В. М. Современник будущего (Твардовский о Пушкине). — В кн.: Революция, жизнь, писатель. Вопросы истории и теории советской литературы. [Сборник статей]. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1976, с. 13—21.
- Акимова** Т. М. Заметки о народности жанра сказок Пушкина. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сборник. Вып. 3. Уфа, 1976, с. 111—122. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября).
- Алдонина** Н. Б. С. С. Дудышкин и полемика о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе. — В кн.: Проблемы истории критики и поэтики реализма. Межвуз. сборник. Вып. 1. Куйбышев, 1976, с. 72—84. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Куйбышев. гос. ун-т).
- Александр Сергеевич, здравствуй!** Буклет. От комсомольцев и молодежи Верхневолжья — А. С. Пушкину. Калинин, 1976, 24 с. с ил.
Сост. и худ.: С. Ржеутский.
- Алексеева** Э. В. Народно-разговорная речь в поэтическом языке Пушкина (1813—1820 гг.). — В кн.: Вопросы стилистики. Межвуз. науч. сборник. Вып. 11. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1976, с. 110—119.
- Альтман** М. С. Осмысление иноязычных наименований в русском фольклоре и у Пушкина. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., «Наука», 1976, с. 297—301. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Амирбекян** А. [Рец. на кн.:] Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975. — Вестн. Ереван. ун-та. Обществ. науки, 1976, № 1 (28), с. 271—276.
- Антокольский** П. Г. «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., «Худож. лит.», 1976, с. 3—23. (Народная б-ка).

Антокольский П. Г. Путевой журнал писателя. М., «Сов. писатель», 1976, 303 с.

С. 33—138: раздел «Пушкиниана 1974»: «Год рождения 1799»; «Сквозь время. (Заметки и наблюдения)» [впервые под заглавием «Образ времени»: Октябрь, 1974, № 4, с. 207—220; № 5, с. 214—227]; «Пушкинский театр»; «Кастальский ключ» [ред. на кн.: Драбкина, Е. Я. Кастальский ключ. М., 1973]; «Пушкин по-французски» [впервые частично в кн.: Антокольский П. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1972, с. 264—270. К сожалению, одну ошибку, допущенную А. Менье при переводе «Станционного зрителя», повторил П. Г. Антокольский в своем похвальном отзыве об этом переводе; при перепечатке своей статьи он ничего не изменил в ее тексте, несмотря на то что на оплошность французского переводчика и на санкционирование ее авторитетом советского поэта уже было указано во «Временнике Пушкинской комиссии. 1973» (Л., 1975, с. 94) (Ред.)].

Асафьев Б. Об опере. Избранные статьи. Сост. Л. А. Павлова-Арбенина. Авт. примеч. А. Б. Павлов-Арбенин. Л., «Музыка», 1976, 336 с.

С. 102—105: «„Руслан и Людмила“ в Мариинском театре» [впервые: Жизнь искусства, 1919, 25 ноября; подпись: И. Глебов]. С. 105—112: «Руслан и Людмила» [впервые: Еженедельник петрогр. гос. акад. театров, 1922, № 3, с. 23; подпись: И. Глебов]. С. 112—117: «Русалка» [впервые: там же, № 7, с. 22—28; подпись: И. Глебов]. С. 117—120: «Впечатления и мысли» [постановка «Каменного гостя» Даргомыжского в Мариинском театре; впервые в кн.: Мелос. Кн. I. СПб., 1917, с. 78; подпись: И. Глебов]. С. 133—135: «Московские впечатления» [постановка «Бориса Годунова» Мусоргского в Большом театре; впервые: Красная газета (веч. вып.), 1927, 24 января; подпись: И. Глебов]. С. 135—136: «К новым берегам» [к постановке «Бориса Годунова» в Аконере; впервые: Красная газета (веч. вып.), 1928, 5 февраля; подпись: И. Глебов]. С. 137—139: «Перед премьерой „Бориса Годунова“» (В авторской редакции Мусоргского) [впервые: Красная газета (веч. вып.), 1928, 10 февраля; подпись: И. Глебов]. С. 176: «„Торжество Вакха“ и „Моцарт и Сальери“ (Большой оперный театр)» [впервые: Жизнь искусства, 1921, 2—4 февраля; подпись: И. Глебов. Опубликован фрагмент]. С. 181—185: «Мысли и размышления по поводу „постановки „Сказки о царе Салтане“ в Мариинском театре» [впервые: Музыка, 1915, № 214, с. 172; подпись: И. Глебов]. С. 185—187: «Сказка о царе Салтане» [впервые: Жизнь искусства, 1921, 1 ноября; подпись: И. Глебов]. С. 194—198: «„Золотой петушок“ — небылца в лицах» [впервые: Муз. современник. Хроника, 1916, № 5—6, с. 1; подпись: И. Глебов]. С. 198—201: «Золотой петушок» [впервые: Театр, 1923, № 1, с. 14; подпись: И. Глебов]. С. 204—205: «Оперы Чайковского» [впервые в кн.: Симфонические этюды. Пб., 1922, с. 176; подпись: И. Глебов. Публикуется фрагмент]. С. 206—210: «Два „Онегина“» (К возобновлению оперы) [впервые: Сов. искусство, 1933, 26 апреля; подпись: И. Глебов]. С. 211—212: «„Мазепа“» (Опера в Таврическом саду) [впервые: Жизнь искусства, 1920, 28 июля, № 515; подпись: И. Глебов]. С. 212—216: «Лирика „Пиковой дамы“» [впервые: Сов. искусство, 1935, 11 января. Публикуется фрагмент]. С. 219—220: «Мавра» [опера И. Справинского по «Домуку в Коломне»; впервые: Красная газета (веч. вып.), 1925, 31 мая; подпись: И. Глебов].

Ахматова Анна. Стихи и проза. Вступит. слово Д. Т. Хренкова. Подгот. текстов и примеч. Э. Г. Герштейн. Л., Лениздат, 1976, 616 с., 1 л. портр.

С. 513—522: «Пушкин и Невское взморье» [впервые в альм.: Прометей. Т. 10. М., 1974, с. 218—225]. С. 523—543: «„Каменный гость“ А. С. Пушкина» [впервые в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. М.—Л., 1958, с. 185—195]. С. 543—550: «К статье „Каменный гость“ Пушкина». Дополнения 1958—1959 гг.». [вставки 1, 3, 4, 6, 8, 9 впервые опубликованы: Вопр. лит., 1970, № 1, с. 160—166]. С. 551—

552: «Слово о Пушкине» [впервые: Звезда, 1962, № 2, с. 171—172].

Байниязов К., Алланиязов Н. А. С. Пушкин о походе Бековича-Черкасского в Хиву. — Обществ. науки в Узбекистане, 1976, № 11, с. 56—57.

Басина Марианна Яковлевна. На берегах Невы. Докум. повесть. Оформл. худ. Г. Губанова. Фотогр. Г. Сана. Изд. 2-е. Л., «Дет. лит.», 1976, 255 с. с ил., портр. и факс. (По дорогим местам).

Белкинд В. С. Традиции и новаторство в сюжетосложении «Повестей Белкина» А. С. Пушкина. — В кн.: Русская литература. Вып. 6. Алма-Ата, 1976, с. 27—32. (М-во просвещения Казах. ССР. Казах. пед. ин-т им. Абая).

Белявский М. Т. «Заметки» А. С. Пушкина по русской истории XVIII в. — В кн.: История и историки. Историогр. ежегодник. 1974. М., «Наука», 1976, с. 302—311. (АН СССР. Науч. совет по проблеме «История исторической науки» при Отд-нии истории АН СССР. Ин-т истории СССР).

Белянчиков Н. Пушкинский Арбат. — Москва, 1976, № 7, с. 175—177.

Бенюк Михайл. В пушкинских краях. — Иностр. лит., 1976, № 11, с. 227—230.

Посещение Пушкинского заповедника в 1975 г.

Билинкис Я. С. Романы Достоевского и трагедия Пушкина «Борис Годунов». (К проблеме единства пути русской литературы XIX столетия). — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., «Наука», 1976, с. 164—168. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Благой Д. Д. А. С. Пушкин (1799—1837). — В кн.: Соколов А. Н. История русской литературы XIX века. Учебник для студентов вузов. . . Изд. 4-е, испр. М., «Выш. школа», 1976, с. 335—464.

Блюм А. Инцидент с «Египетскими ночами». — В кн.: Рифей. Уральский лит.-краевед. сборник. Челябинск, Южно-Уральск. кн. изд-во, 1976, с. 149—158.

Публичное чтение «Египетских ночей» Е. Э. Толмачевой в Пермь в 1861 г.

Болдинские чтения. Горький, Волго-Вят. кн. изд-во, 1976, 175 с. (Большеболдин. музей-заповедник А. С. Пушкина. Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского).

Содерж.: Творчество Пушкина. Г. В. Краснов. Диалектика художественной мысли («Странные сближения» Пушкина); Л. С. Сидяков. «Колорит» в произведениях Пушкина рубежа 1830-х гг.; В. А. Грехнев. «Анфологические эпиграммы» А. С. Пушкина; М. Л. Нольман. «Недоступная черта». (Об одном цикле любовной лирики Пушкина); Ю. Н. Чумаков. Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину»; Н. И. Михайлова. О структурных особенностях «Повестей Белкина»; Ю. И. Левина. Об источниках пародийной формы в «Истории села Горюхина»; Н. М. Фортунатов. «Гробовщик» Пушкина и «Скрипка Ротшильда» Чехова. — Пушкин и мировая культура. В. И. Баранов. Пушкин и его судьба в восприятии советских поэтов; С. А. Орлов. Пушкин в Шотландии; Л. И. Вольперт. Пушкин и А. де Мюссе; Д. И. Белкин. «Деда персидские» в пушкинской «Истории Петра I». — Вокруг Пушкина. Л. А. Чеснова. Пушкин и песни Болдинского края; В. Н. Морохин. Пушкинские сказочные сюжеты в современном бытовании; Л. Ф. Шкилева. К истории инсценировок «Повестей Белкина»; Л. М. Малайшкينا. Рукописный сборник стихотворений Пушкина; В. Г., Г. К. Грехнев В. А., Краснов Г. В.]. Пушкин и история европейской культуры в трудах М. П. Алексеева. (К 80-летию акад. М. П. Алексеева).

- Бороздина П. А.** Историзм в творческом сознании А. Н. Толстого (А. Толстой и Пушкин). — В кн.: Революция, жизнь, писатель. Вопросы истории и теории советской литературы. [Сборник статей]. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1976, с. 22—34.
- Бочаров С. Г.** О двух пушкинских реминисценциях в «Братьях Карамазовых». — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., «Наука», 1976, с. 145—153. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Бугаец Л. М.** О частотном словаре французского языка А. С. Пушкина. — В кн.: Инженерная лингвистика и оптимизация преподавания иностранных языков. Сборник науч. работ. Л., 1976, с. 140—143.
- Бурнашева С. А.** Афоризмы А. С. Пушкина в произведениях В. И. Ленина. — В кн.: Современный русский язык. Лингв. сборник. Вып. 6. М., 1976, с. 39—49. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
- Вагнер В. А.** Звездный час Опекушина. — В кн.: Вагнер В. А. «...Вхожу, ваятель, в твою мастерскую». М., «Сов. Россия», 1976, с. 191—205.
История создания памятника Пушкину работы А. М. Опекушина в Москве.
- Веленгурин Николай.** Дорога к лукоморью. От Пушкина до Горького. Писатели в нашем крае. Краснодар, Кн. изд-во, 1976, 271 с., 1 л. портр.
С. 5—42: «Вдоль кордонной линии» [маршрут путешествия Пушкина по Кубани].
Рец.:
- Ласунский О.** — Лит. обозрение, 1977, № 6, с. 75—76.
- Велчев В.** Пушкин в Болгарии. — В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. В 2-х т. Т. 1. Л., «Наука», 1976, с. 273—320. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Болг. Акад. наук. Ин-т литературы).
- Винокуров Е. А. С. Пушкин.** — В кн.: Винокуров Е. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Стихотворения. Статьи и заметки о поэзии. М., «Худож. лит.», 1976, с. 350—376.
Впервые под заглавием «Заметки о Пушкине»: Вопр. лит., 1974, № 1, с. 225—248.
- Власова Л. Д.** Вставные конструкции в стихотворном синтаксисе А. С. Пушкина. — В кн.: Очерки по стилистике русского языка. Вып. 3. Под ред. Г. В. Денисевича. Курск, 1976, с. 30—41. (М-во просвещения РСФСР. Учен. труды Курск. гос. пед. ин-та, т. 66 (159)).
- Волков Ф. А. В. Луначарский и пушкинские места.** — Радуга, 1976, № 6, с. 188—189.
Посещение Луначарским Пушкинских Гор в 1926 г.
- Воронин И. Д.** Из мордовской пушкинианы. — В кн.: Воронин И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Изд. 2-е, доп. Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1976, с. 145—169.
Маршрут поездки Пушкина из Оренбурга в Болдино в 1834 г.
- Гаджиев Агиль.** Осваивая великое наследие. — Лит. Азербайджан, 1976, № 9, с. 138—139.
Рец. на кн.: Пушкин и литература народов СССР. Ереван, 1975.
- Гей Н. К.** Художественный синтез в стиле Пушкина. — В кн.: Типология стилевого развития нового времени. Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в языке. М., «Наука», 1976, с. 115—143.
- Головина Г. Г.** Пушкин о сатире и сатириках. — В кн.: Из истории русской и зарубежной литературы. Саранск, 1976, с. 19—31. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Мордов. ун-т им. Н. П. Огарева).
- Голынец Г. и Голынец С.** Сказки А. С. Пушкина в русском изобразительном искусстве XIX—начала XX века. — Искусство, 1976, № 5, с. 53—59.

Г о л ы ш е в а А. Словарь пушкинских рифм. — *Вопр. лит.*, 1976, № 5, с. 283—285.

Рец. на кн.: Shaw Th. J. Pushkin's Rhymes. A Dictionary. Wisconsin, 1974.

Г о с у д а р с т в е н н ы й музей-заповедник А. С. Пушкина. Изд. 2-е, испр. и доп. Авт. текста С. С. Гейченко. М., «Сов. Россия», 1976, 48 с. с ил.

Резюме на англ., франц. и нем. яз.

Г р а ч е в а А. Д. К вопросу о восточных интересах А. С. Пушкина. — *Изв. АН ТССР. Серия обществ. наук*, Ашхабад, 1976, № 3, с. 57—64.

Г р а ч е в а А. Д. К вопросу об источниках «Истории Петра» А. С. Пушкина. — В кн.: *Проблемы взаимодействия и взаимовлияния русской и туркменской литературы*. Ашхабад, 1976, с. 37—44. (М-во нар. образования ТССР. Туркм. гос. ун-т им. А. М. Горького).

Г р а ч е в а А. Д. Проникновение отдельных произведений А. С. Пушкина и сведений о нем к туркменам в дореволюционный период. — В кн.: *Проблемы жанрового своеобразия литературного произведения (драма, повесть, поэма)*. Ашхабад, 1976, с. 82—104. (М-во нар. образования ТССР. Туркм. гос. ун-т им. А. М. Горького).

Г р и б у ш и н И. И. «Три розы» Д. В. Веневитинова и стихи А. С. Пушкина о трех розах. (Смысловые, жанровые и композиционные связи). — В кн.: *Жанр и композиция литературного произведения*. Межвуз. сборник. Вып. II. Калининград, 1976, с. 30—39. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калининград. гос. ун-т).

Г р о м о в а Л. Вариации на тему «Евгений Онегин». — *В мире книг*, 1976, № 9, с. 25—27 с ил.

Об иллюстрировании романа.

Г у р к о в А., З а к а р ь я н Р. Квартира А. С. Пушкина на Арбате. — *Строительство и архитектура Москвы*, 1976, № 7, с. 24—25.

Д в о й ч е н к о - М а р к о в а Е. М. Пушкин и Дмитрий Кантемир. — В кн.: *Наследие Дмитрия Кантемира и современность*. Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 1976, с. 144—152.

Д ж а н д ж а к о в а Е. В. «Смуглый отрок бродил по аллеям...». — *Рус. речь*, 1976, № 5, с. 16—19.

Анализ стихотворения А. Ахматовой, посвященного Пушкину.

+ Д о б и н Е. Сюжет и действительность. Л., «Сов. писатель», 1976, 494 с. С. 355—365: «Туз и дама. (А. Пушкин. «Пиковая дама») [впервые в кн.: Д о б и н Е. История девяти сюжетов. Л., 1973, с. 36—47]. С. 428—457: «История и роман. (А. Пушкин. «Капитанская дочка»)» [впервые: там же, с. 110—139].

Д у ш и н а Л. Н. Пушкин и русская баллада. (На «распутье» жанра). — В кн.: *XXVIII Герценовские чтения. Литературоведение. Науч. доклады*. Л., 1976, с. 7—11. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

Е л к и н В. Г. Опыты логико-диалектического анализа художественного произведения. (Спецкурс). Ч. 1. Владимир, 1976. 108 с. (М-во просвещения РСФСР. Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского).

С. 5—13: Лекция I. Путь утоления «духовной жажды» («Пророк»). С. 14—35: Лекция II. «И для него воскресли вновь...» («К А. П. Керн»). С. 36—63: Лекция III. «Так нас природа сотворила к противоречию склонна...» («Евгений Онегин»). С. 64—80: Лекция IV. Трагедия импровизатора любовной песни («Каменный гость»).

Е р е м и н М. Пушкин-публицист. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., «Худож. лит.», 1976, 470 с., 1 л. портр.

Рец.:

С т е л л и ф е р о в с к и й П. Цельность концепции. — *Вопр. лит.*, 1978, № 4, с. 292—296.

- Звозников А. А.** Особенности изображения русского национального характера в прозе Пушкина («Капитанская дочка»). — Рус. лит., 1976, № 1, с. 123—131.
- Звозников А. А.** Поэтика Пушкина в современных исследованиях. — Рус. лит., 1976, № 3, с. 186—197.
Обзор.
- Золотусский Игорь.** Перечитывая «Метель». — В кн.: Золотусский Игорь. Час выбора. М., «Современник», 1976, с. 197—204.
- Зорьян Стефан.** Проза Пушкина. Пер. с арм. Г. Нерсесяна. — Собр. соч. в 5-ти т. Т. 5. Сказы, сказки, рассказы, повести для детей и юношества, воспоминания, статьи, реч. Пер. с арм. М., «Худож. лит.», 1976, с. 469—472.
Написано в 1937 г.
- Иваненко А.** «Капитанская дочка» в Париже. — В кн.: Альманах библиофила. Вып. 3. М., «Книга», 1976, с. 169—182 с ил.
Библиофильское издание «Капитанской дочки» на французском языке (Париж, 1953). Перевод Л. Вигардо. Гравюры Ле Кампюна.
- Ильин В. В.** Еще раз об Онегине и Пушкине. (Проблемы анализа внутреннего мира романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»). — В кн.: Проблемы реализма. Вып. 3. Вологда, 1976, с. 19—31. (Вологод. гос. пед. ин-т).
- Казимирская И. И.** Развитие художественного вкуса учащихся при изучении драматургических произведений (на примере трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»). — В кн.: Вопросы обучения и воспитания. Сборник науч. трудов. Минск, 1976, с. 74—92. (М-во просвещения БССР. Минск. пед. ин-т им. А. М. Горького).
- Кайдаш Светлана.** «Та, с которой образован Татьяны милый идеал. . .». — Наука и религия, 1976, № 1, с. 42—47.
Н. Д. Фонвизина.
- Кандель Б. Л., Федюшина Л. М., Бенина М. А.** Русская художественная литература и литературоведение. Указатель справ.-библиогр. пособий с конца XVIII века по 1974 год. Под ред. акад. М. П. Алексеева. М., «Книга», 1976, 493 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).
С. 246—266: «Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837)» [120 названий, расположение тематическое].
- Канн-Новикова Е.** Хочу правды. Повесть об Александре Даргомыжском. Изд. 2-е. М., «Музыка», 1976, 128 с. (Рассказы о музыке для школьников).
С. 27—33: «Звучит пушкинское слово».
- Капустин В. А.** Пушкин в восприятии Гаршина, Короленко и Чехова. (К постановке вопроса). — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 1 (27). Львов, 1976, с. 61—71. (Черновиц. гос. ун-т).
- Керцелли Лариса.** Тверской край в рисунках Пушкина. М., «Моск. рабочий», 1976, 208 с. • ил. и портр.
Содерж.: Ю. Нагибин. Предисловие. — От автора. — Тверской край в жизни и творчестве Пушкина. — Прасковья Александровна Осипова. — Алексей Николаевич Вульф. — Анна Николаевна Вульф. — Александр Иванович Осипова. — Екатерина Васильевна Вельяшева. — Оленины. Полторацкие. Львовы. — «Пейзаж с соснами». Митинская усадьба. — Тверской пейзаж в графике Пушкина. — Примечания. — Рисунки Пушкина (список).
Рец.:
Пьянов Алексей. Читая рисунки Пушкина. — Юность, 1976, № 12, с. 84—85.
Еншерлов В. Эти милые края. — Огонек, 1977, № 2, с. 24.
- Королева Н. В., Лапкина Г. А.** История русской театральной критики. Вып. 2. Учеб. пособие. Л., 1976, 112 с. (Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии).

С. 4—15: I. Основные тенденции развития театральной критики 1830-х годов. Формирование реалистической театральной эстетики (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь).

Котельникова Н. М. А. С. Пушкин в Казани. (Обзор источников и литературы). — В кн.: Русская литература и освободительное движение. Сб. 7. Казань, 1976, с. 109—126. (Учен. зап. Казан. пед. ин-та, вып. 168).

Кудревич М. Л. О лингвистических критериях оценки перевода. (На материалах поэтических переводов из А. С. Пушкина на «новоноворжевский» язык). — В кн.: VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. II. Л.—М., 1976, с. 70—72. (АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории СССР. Ин-т всеобщей истории).

Кулешов В. И. Книга живых идей и споров. — Новый мир, 1976, № 7, с. 258—262.

Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). Л., «Худож. лит.», 1974.

Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. Л., «Наука», 1976, 415 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Ч. 3. Русский реализм. Гл. 1. Характер декабристского романтизма. Пушкин и Байрон. Проблемы пушкинского реализма. (Г. П. Макогоненко — с. 196—258). Гл. 2. Просветительские традиции русского и французского реализма. «Евгений Онегин» Пушкина, «Красное и черное» Стендаля. (Е. Н. Купреянова — с. 259—272).

Кушakov А. В. Пушкин—Маяковский—Польша. (Из проблемы русско-польских литературных связей XIX—XX веков). — В кн.: Русско-зарубежные литературные связи и взаимодействия. Курск, 1976, с. 3—21. (Науч. труды Курск. гос. пед. ин-та, т. 63 (156)).

Кушнер А. Два Пушкина. — Вопр. лит., 1976, № 6, с. 122—134.

«Собственный голос» Пушкина и «литературные маски» в его стихах.

Лазня В. В. Воспроизведение функции варваризмов в англоязычных переводах «Евгения Онегина». — В кн.: Вопросы языковой структуры. (Исследования по романо-германской филологии). Киев, 1976, с. 220—224. (М-во высш. и средн. спец. образования УССР. Киев. ун-т им. Т. Г. Шевченко).

Ларош Г. А. Избранные статьи. В 5-ти вып. Вып. 3. Опера и оперный театр. Сост., общ. ред., вступит. статья, коммент. А. А. Гозенпуда. Л., «Музыка», 1976, 376 с. (Рус. классич. муз. критика).

С. 63: «О выходе в свет фортепианного переложения «Каменного гостя» А. Даргомыжского» [впервые: Современная летопись, 1871, № 37]. С. 85—88: ««Каменный гость» А. Даргомыжского» [фрагмент статьи «Русская опера»; впервые: Голос, 1872, № 153]. С. 119—124: «Бенефис Г. Кондратьева в Мариинском театре (отрывки из оперы «Борис Годунов» М. Мусоргского)» [впервые: Голос, 1873, № 45]. С. 294—305: «По поводу „Каменного гостя“ в Москве» [впервые: Рус. вестник, 1887, № 1].

Лебедев Е., Лысенко В., Макринов Д. Юбилейная пушкинана. — Лит. в школе, 1976, № 4, с. 74—81.

Обзор литературоведческих работ, изданных к 175-летию со дня рождения поэта.

Левина Ю. И. Болдинские рисунки А. С. Пушкина. 1830 год. [Альбом]. Авт.-сост. Ю. И. Левина. Горький, Волго-Вят. кн. изд-во, 1976, 63 с., 24 л. ил.

Лидин Вл. Друзья мои — книги. Рассказы книголюба. [Изд. 2-е]. М., «Современник», 1976, 382 с.

С. 107—112: «Письма Наталии Гончаровой». С. 112—114: «Вокруг Пушкина». С. 114—116: «Фигурка из домика Нащокина». С. 365—368: «Анджело».

- Л и с т р о в а Ю. Т.** Иноязычные слова и выражения в произведениях Пушкина. — Рус. речь, 1976, № 3, с. 28—32.
- Л и с т р о в а Ю. Т.** Художественные функции немецких вкраплений в произведениях А. С. Пушкина. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языковедению. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1976, с. 78—84.
- Л и т е р а т у р н о е н а с л е д с т в о.** Т. 85. Валерий Брюсов. М., «Наука», 1976, 854 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
С. 243—244: Брюсов В. [Рец. на кн.:] Томашевский Б. Пушкин и французские поэты. С. 819—824; Феффер В. В. Брюсов и Пушкин [глава из воспоминаний В. В. Феффера «Брюсов в „школе поэтики“»].
- Л и ц е й.** Мемориальный музей. Альбом. Л., Лениздат, 1976, 96 с. с ил.
Сост.: М. П. Руденская.
Рец.:
- Б а н к Наталья.** О Лицее и лицах. — Нева, 1977, № 4, с. 191—192.
- Л о б и к о в а Н.** Драматический цикл Пушкина. — В мире книг, 1976, № 11, с. 65.
Рец. на кн.: Устюжанин Д. Маленькие трагедии А. С. Пушкина. М., «Худож. лит.», 1974.
- Л у н а ч а р с к и й А. В. А. С. Пушкин.** Лекции 1—2. — В кн.: Луначарский А. В. Очерки по истории русской литературы. Вступит. статья Е. А. Мельниковой. М., «Худож. лит.», 1976, с. 67—110.
- М а й м и н Е. А.** Полифонический роман Достоевского и пушкинские традиции. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., «Наука», 1976, с. 312—315. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- М а й м и н Е. А.** Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. М., «Наука», 1976, 190 с. (АН СССР. Серия «Из истории мировой культуры»)
С. 107—142: Гл. 5. Философская поэзия А. С. Пушкина и любомудры.
- М а к р и н о в Д.** XXIV Пушкинская конференция. — Рус. лит., 1976, № 4, с. 256—264.
Конференция на тему «Пушкин и литературно-общественное движение первой трети XIX века», проведенная в Институте русской литературы (Ленинград, 1976).
- М а н н Ю. В.** Поэтика русского романтизма. М., «Наука», 1976, 375 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
С. 31—98: Гл. 2. Система «южных поэм» Пушкина.
- М а н н Ю. В.** [Рец. на кн.:] Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., «Наука», 1974, 206 с. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1976, т. 35, № 3, с. 271—273.
- М а р к о в П. А.** О театре. В 4-х т. Т. 3. Дневник театрального критика. М., «Искусство», 1976, 639 с.
С. 103—106: «После „Онегина“» [впервые: Театр и музыка, 1922, № 9]. С. 361—362: «Литмонтаж Яхонтова „Ленин“, „Пушкин“».
- М а у л е р Ф. И.** Некоторые способы достижения эквилинеарности. (На материале английского перевода «Евгения Онегина»). — В кн.: Тетрадь переводчика. Под ред. докт. филол. наук проф. Л. С. Бархударова. Вып. XIII. М., «Международные отношения», 1976, с. 13—21.
В переводе Б. Дэйч (Лондон, 1964).
- М е й л а х Б.** «Загадка» Пушкинской речи Достоевского. — Лит. Грузия, 1976, № 7, с. 76—81.
История создания речи Достоевского, произнесенной на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 г.
- М е н ь ш и н о в Г.** «Это веселое имя: Пушкин». — В кн.: Проблемы поэтики. Т. 3. Самарканд, 1976, с. 143—146. (Труды Самарканд. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, № 258).
Рец. на кн.: Мейлах Б. С. Жизнь Александра Пушкина. Л., «Худож. лит.», 1974.

- Мещеряков В. Дорогие каждому имена. — В мире книг, 1976, № 8, с. 75.
Рец. на кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975.
- Милованова О. Проблемы художественного историзма в русской критике пушкинской эпохи (1825—1830). Под ред. Г. В. Макаровской. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1976, 77 с.
- Михайлов В. Н. О роли собственных имен в литературном творчестве (на материале антропонимов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»). — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2 (28). Львов, 1976, с. 67—75.
- Музей-квартира А. С. Пушкина. Издание посвящено единственному в Ленинграде мемориальному музею, связанному с жизнью и деятельностью Александра Сергеевича Пушкина, — последней квартире поэта на набережной Мойки, 12. Авт. вступит. статьи и сост. Н. И. Голлер. Фотогр. В. А. Стукалов. Л., «Аврора», [1976], 211 с. с ил., портр. и факс.
Текст параллельно на рус., англ., франц. и исп. яз.
- Мурьянов М. Ф. Вопросы интерпретации антологической лирики (стихотворение Пушкина «В крови горит огонь желанья»). — В кн.: Анализ литературного произведения. Л., «Наука», 1976, с. 173—211. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Назарова Л. Н. Александр Сергеевич Пушкин. — В кн.: Литературные памятные места Ленинграда. Под общ. ред. проф. А. М. Докусова. Изд. 3-е, испр. и доп. Л., Лениздат, 1976, с. 123—157 с ил.
- Назарова Л. Н. [Рец. на кн.:] Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., «Наука», 1975. — Звезда, 1976, № 6, с. 219—220.
- Никитин Андрей. [Рец. на кн.:] Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. М., «Наука», 1974. — Октябрь, 1976, № 4, с. 222—224.
- Никитин В. Пушкин, его биография и личность: новые проблемы. — Вопр. лит., 1976, № 3, с. 302—308.
Конференция, посвященная 50-летию Музея-квартиры А. С. Пушкина (Ленинград). Изложение докладов.
- Никитин Н. И. Пушкинское наследие и культура социалистического Вьетнама. — Народы Азии и Африки, 1976, № 4, с. 90—97.
- Новиков Алексей. Последний год. Роман. Изд. 3-е. М., «Сов. писатель», 1976, 528 с. с ил.
- Новиков Николай. Осенние досуги. Повесть [о последних годах жизни поэта]. — Енисей, 1976, № 2, с. 12—31.
- Нольман М. Критическая пушкиниана юбилейного года. — Вопр. лит., 1976, № 3, с. 215—239.
Обзор.
- Нольман М. Не классификации ради. — Вопр. лит., 1976, № 6, с. 212—216.
Полемика с Г. Тмарченко и Л. Фризманом — критиками статьи Нольмана «Некрасов и Пушкин. Эволюция лирического жанра воспоминания-исповеди» (в кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971, с. 204—223).
- Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. Известные письма из-за границы. — Москва, 1976, № 1, с. 199—214.
Начало: Москва, 1974, № 11, с. 183—198.
Впервые публикуются письма Е. Н. и Ж. Дантес-Геккерн и Л. Геккерн к Д. Н. Гончарову, обнаруженные в ЦГАДА.
- Одинокое В. Г. «Египетские ночи» А. С. Пушкина в процессе «укрупнения» жанра. — В кн.: Одинокое В. Г. Художественная системность русского классического романа. Проблемы и суждения. Новосибирск, «Наука», 1976, с. 47—58. (Новосиб. гос. ун-т).
- Озеров Лев. «Они сошлись... стихи и проза...». — В кн.: Озеров Лев. Мастерство и волшебство. Книга статей. Изд. 2-е, доп. М., «Сов. писатель», 1976, с. 9—53.

Публикуется впервые.

- О с о в ц о в С. М. М. П. Погодин — рецензент Пушкина. — Рус. лит., 1976, № 2, с. 105—109.
- О х р и м е н к о П. П. А. С. Пушкин и украинское народно-песенное творчество. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1976, № 2, с. 31—38.
- П а в л о в а Е. В. А. Мплашевский — иллюстратор «Повестей Белкина». — Искусство, 1976, № 6, с. 26—31 с ил.
- П а л н е в с к и й П. В. Пушкин как классическая мера русского стилового развития. — В кн.: Типология стилового развития нового времени. М., «Наука», 1976, с. 95—114.
- П е в з н е р Л. Неизвестный портрет А. С. Пушкина. — Художник, 1976, № 6, с. 57—60.
- Прижизненный портрет Пушкина работы Н. И. Уткина (1829, акварель) и фотография с портрета, переданные коллекционером Г. П. Беляковым в дар Музею А. С. Пушкина в Москве.
- П л а т о н о в А. Величие простых сердец. М., «Моск. рабочий», 1976, 407 с. С. 227—291: «Пушкин — наш товарищ» [впервые: Лит. критик, 1937, № 1, с. 46—61]. С. 292—313: «Пушкин и Горький» [впервые: Лит. критик, 1937, № 6, с. 63—84].
- П о с л е д н я я к в а р т и р а А. С. Пушкина. Pushkin's last apartment. [Л.], Внешторгиздат, 1976, 24 с. с ил.
Текст на рус. и англ. яз.
- П о с п е л о в Н. С. Синтаксический строй онегинской строфы в соотношении с ее метрическим членением и в соответствии с особенностями в построении ее временного плана. — В кн.: Вопросы русского языкознания. Вып. 1. Под. ред. К. В. Горшковой. М., Изд-во МГУ, 1976, с. 146—156.
- П о т а п о в а Л. О некоторых особенностях спектакля «Пиковая дама» в постановке Вс. Э. Мейерхольда. — В кн.: Театр и драматургия. Л., 1976, с. 142—162. (М-во культуры РСФСР. Ленингр. ин-т театра, музыки и кинематографии. Вып. 6).
- П р о н ь Н. А. О роли А. С. Пушкина в развитии семантических возможностей слова. (По II тому «Словаря языка Пушкина»). — В кн.: Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. Тула, 1976, с. 18—25. (М-во просвещения РСФСР. Тульск. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого).
- П р у с а к о в а И. Рисунки к Пушкину. — В кн.: Хочу все знать. Науч.-худож. сборник. Сост. А. Н. Томилин. Л., «Дет. лит.», 1976, с. 218—225.
- П у ш к и н Ю. Ошибка исправлена. — Гор. хоз-во Москвы, 1976, № 5, с. 41—43.
История определения дома, в котором родился Пушкин.
- Р а б и н о в и ч Я. Б. Пушкинский юбилей, епископ Петр и Пермская городская дума. (Эпизод из истории общественной жизни Перми конца XIX века). — В кн.: Исследования по истории Урала. Вып. IV. Пермь, 1976, с. 138—146. (Учен. зап. Перм. гос. ун-та им. А. М. Горького, № 348).
- Р а е в с к и й Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Напокин. Предисл. Н. В. Измайлова. Отв. ред. Р. В. Иезуитова. Л., «Наука», 1976, 160 с. с факс., 4 л. ил. и портр. (АН СССР. Пушкинская комис. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Науч.-попул. серия).
Рец.:
- Н а з а р о в а Граната. — Звезда, 1978, № 1, с. 220—221.
- Р а е в с к и й Н. А. Портреты заговорили. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. Алма-Ата, «Жазушы», 1976, 430 с.
- Р е з н и к о в Д. Л. Поэтическая пушкиниана П. Антокольского. — Рус. лит., 1976, № 4, с. 166—177.

- Реморова Н. Б. Пушкинские традиции в творчестве Дм. Кедрина. (Статья третья. Драма «Рембрандт»). — В кн.: Проблема метода и жанра. Вып. 3. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1976, с. 103—116.
- Рецептер В. Над рукописью «Русалки». — Вопр. лит., 1976, № 2, с. 219—262.
- Розенфельд А. З. Об одном крылатом выражении у А. С. Пушкина. — Народы Азии и Африки, 1976, № 6, с. 145—150.
«Иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал».
- Рубинштейн Л. В садах Лицея. — В кн.: Рубинштейн Л. Повести. Дедушка русского флота. Азбука едет по России. В садах Лицея. М., «Дет. лит.», 1976, с. 117—238.
- Руденская М. и Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л., Лениздат, 1976, 295 с. с ил., 24 л. ил.
Рец.:
- Банк Наталья. О Лицее и лицеистах. — Нева, 1977, № 4, с. 191—192.
- Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Вып. 2. Л., «Наука», 1976, 455 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом).
С. 143—209: Гл. III. Соимонов А. Д. А. С. Пушкин.
- Рыбак Семен. Михайловское Лукоморье. — В кн.: Рыбак Семен. Негасимый пламень души. — Михайловское Лукоморье. Статьи и очерки. Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 1976, с. 168—250.
- Сазонова С. С. О Белкине и его роли в «Повестях Белкина». Рига, 1976, 35 с. (М-во высш. и средн. спец. образования Латв. ССР. Латв. гос. ун-т им. П. Стучки. Филол. фак.).
- Сазонова Светлана Сергеевна. «Повести Белкина» А. С. Пушкина. (К вопросу о становлении русской реалистической прозы). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1976, 19 с. (М-во высш. и средн. спец. образования СССР. Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. Каф. рус. лит.).
- Сазонова С. С. Пушкин о современной прозе и ее задачах. Рига, 1976, 28 с. (М-во высш. и средн. спец. образования Латв. ССР. Латв. гос. ун-т им. П. Стучки. Филол. фак.).
- Свиетельский В., Скобелев В. «Радостное состояние поэзии». . . — Подъем, 1976, № 2, с. 139—144.
Рец. на кн.: Платонов А. П. Ученик Лицея. Пьеса в 5-ти д. — Наш современник, 1974, № 6, с. 71—123.
- Соимонов Константин. Человек и книга. — В кн.: Соимонов Константин. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. 2-е, доп. изд. М., «Сов. писатель», 1976, с. 321—323.
И. Л. Фейнберг и его книга «Незавершенные работы Пушкина».
- Сквозников В. Д. Границы пушкинского стиля. — В кн.: Типология стилевого развития нового времени. М., «Наука», 1976, с. 144—174.
- Смирнов Ник. Вокруг Пушкина. — Мол. гвардия, 1976, № 10, с. 291—295.
Рец. на кн.: Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., «Сов. Россия», 1975.
- Смоленский Яков. О союзе звуков, чувств и дум. Еще одно прочтение А. С. Пушкина. М., «Сов. Россия», 1976, 327 с. с ил.
Содерж.: К читателю. — Путь к «Евгению Онегину». — Пушкин и читатель. — Портрет Татьяны Лариной. — Татьяна и муза. — Пушкин и Онегин. — Татьяна и Онегин. — Татьяна, Ленский и луна. — «Маленькие трагедии». (Проблема сценического воплощения). — Пушкинская традиция в современной поэзии.
Рец.:
- Михайлов Олег. Еще раз о «праве брать себе Пушкина в наслаждение». — Мол. гвардия, 1977, № 8, с. 301—304.

- Снытко Н. В.** Письма о Пушкине. (Письма Е. М. Хитрово к П. А. Вяземскому). — В кн.: Встречи с прошлым. М., «Сов. Россия», 1976, с. 21—33. (Сборник неопубликованных материалов ЦГАЛИ. Вып. 2).
Впервые, в сокращении: Пушкинский праздник, 1972, 31 мая—7 июня, с. 15.
- Соколова К. И.** Человек и природа в трех стихотворениях А. С. Пушкина. — В кн.: Лирическая и эпическая поэзия XIX века. Сборник науч. трудов. Л., 1976, с. 3—18. (Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Осень», «. . . Вновь я посетил».
- Соловьев С. М.** Цвет и жанр в произведениях Пушкина. — Рус. речь, 1976, № 3, с. 24—27 с ил.
- Софронов Н.** Это интересно знать. . . (Заметки краеведа). Ярославль, Верхне-Волж. кн. изд-во, 1976, 206 с.
С. 98—102: «Владимирские предки А. С. Пушкина». С. 103—106: «Пушкинским маршрутом» [Посещение Пушкиным Владимирской губернии].
- Сравнительное** изучение литератур. Сборник статей к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., «Наука», 1976, 562 с. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
С. 35—37: Р. О. Якобсон. Игра в аду у Пушкина и Хлебникова. С. 82—87: Д. М. Шарыкин. Полтавский пир Петра I по русским и шведским источникам. С. 117—124: Л. М. Ариштейн. Томас Шоу — английский переводчик Пушкина. С. 169—175: Л. С. Кишкин. Пушкин и Лермонтов в поэзии Сватоудука Чеха. С. 238—247: В. В. Пугачев. Пушкин и Адам Смит. С. 248—252: Р. М. Горюхова. Пушкин, Батюшков, Тассо. (К истории одного образа). С. 253—259: В. Э. Вацуро. К генезису пушкинского «Демона». С. 260—262: В. А. Манилов. К вопросу о возникновении замысла «Скупого рыцаря» Пушкина. С. 263—269: Л. И. Вольперт. Пушкин и Мариво. (К проблеме пушкинского психологизма).
- Стаев В. В.** Статьи о музыке. В 5-ти вып. Вып. 2. 1861—1879. М., «Музыка», 1976, 439 с., 1 л. портр. (Рус. клас. м. муз. критика).
С. 225—231: «По поводу новой постановки оперы „Руслан и Людмила“» [впервые: Санкт-Петербургские ведомости, 1871, 30 января; подпись: В. С.]. С. 231—232: «О постановке „Руслана и Людмилы“» [впервые: там же, 9 февраля; подпись: В. С.]. С. 235—241: «Первоначальный план оперы „Руслан и Людмила“» [впервые: Русская старина, 1871, март, с. 367—384]. С. 255—257: «Автограф А. С. Даргомыжского, пожертвованный в Публичную библиотеку» [впервые: Санкт-Петербургские ведомости, 1872, 12 февраля; подпись: В. С.; без заглавия]. С. 308—310: «Урезки в „Борисе Годунове“ Мусоргского. (Письмо в редакцию)» [впервые под заглавием «Письмо в редакцию»: Новое время, 1876, 27 октября; подпись: В. С.]. С. 373—375: «Печатная партитура „Руслана и Людмилы“ Глинки» [впервые: Новое время, 1878, 10 декабря; подпись: В. С.].
- Степаненко Иван.** О книге «Пушкин и калмыки». (Заметки). — В альм.: Свет в степи. № 2. Элиста, 1976, с. 139—141.
Рец. на кн.: Суржок А. И. Пушкин и калмыки. Элиста, Калм. кн. изд-во, 1975.
- Тархов А.** Всего пять строф. Памяти Михаила Соковнина. — Знание — сила, 1976, № 2, с. 34—36.
Статья, как отмечено в авторском примечании, резюмирует книгу М. П. Алексеева «Стихотворение Пушкина „Я памятник себе воздвиг нерукотворный. . .“».
- Теребенина Р. Е.** Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1969—1974 гг. — Краткое описание автографов Пушкина, поступивших в Пушкинский Дом в 1968—1974 гг. (Второе дополнение к описанию, составленному О. С. Соловьевой). — Новонайденные рисунки Пушкина.

кина. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., «Наука», 1976, с. 104—124. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

- Тихонов Н. С.** Собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 7. Очерки. Статьи. Выступления. Примеч. И. Гринберга. М., «Худож. лит.», 1976, 526 с. С. 255—305: «Александр Пушкин. («Речь о Пушкине»)» [впервые: Правда, 1937, 11 февраля]. — «Пушкин и советская поэзия» [впервые в кн.: Тихонов Н. С. Писатель и эпоха. М., 1972, с. 305—327]. — «В пушкинских местах» [впервые под заглавием «Из заметок писателя»: Знамя, 1949, № 6, с. 142—147].
- Тоддес Е. А.** [Рец. на кн.:] Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., «Наука», 1975. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1976, т. 35, № 5, с. 472—474.
- Тойбин И. М.** О романе Пушкина «Евгений Онегин». (Самоопределение поэзии в романе). — В кн.: Писатель и литературный процесс. Курск, 1976, с. 44—70. (Науч. труды Курск. гос. пед. ин-та, т. 68).
- Тойбин И. М.** Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1976, 280 с.
Содерж.: Введение. — Гл. 1. Проблема историзма в творчестве Пушкина 1830-х годов. Гл. 2. Философско-историческая поэма «Медный всадник». Гл. 3. «Капитанская дочка».
- Трубецкой Б. Пушкин в Молдавии.** Изд. 4-е, испр. и доп. Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 1976, 346 с.
Библиография к теме «Пушкин в Молдавии»: с. 328—344.
- Тынянов Юрий Николаевич.** Пушкин. Подгот. текста В. Каверина и Е. Тоддеса. Примеч. Б. Костелянца. Ил. А. Овсянникова. Л., «Худож. лит.», 1976, 502 с.
- Уварова Ирина.** «Пушкинская тропа». — Декоративное искусство СССР, 1976, № 6, с. 29—37.
О проекте филиала Музея А. С. Пушкина — мемориальной квартиры на Арбате.
- Февчук Людмила.** Рисунки Пушкина и его товарищей по Лицею. — Дон, 1976, № 7, с. 176—179 с ил.
- Федорова Г. Л.** Вставная песня в поэме А. С. Пушкина «Кавказский пленник». — В кн.: Русская литература. Вып. 6. Алма-Ата, 1976, с. 20—26. (М-во просвещения Казах. ССР. Казах. пед. ин-т им. Абая).
- Федотов Л. Наталья Николаевна Пушкина.** (Документальное повествование). — Сиб. огни, 1976, № 3, с. 167—185; № 4, с. 166—178; № 5, с. 164—177; № 6, с. 172—192.
Рец.:
- Саблина Алла.** Новая работа о Н. Н. Пушкиной. — Волга, 1977, № 7, с. 174—176.
- Фейнберг Илья.** Незавершенные работы Пушкина. Изд. 6-е. М., «Современник», 1976, 397 с. с ил. и портр. (Б-ка «Любителям российской словесности»).
- Фейнберг Илья.** Читая тетради Пушкина. М., «Сов. писатель», 1976, 264 с. с ил., 1 л. портр.
Содерж.: Разыскания и находки. Неведомая книга; «Заступники кнута и плети. . .» [впервые: Неделя, 1976, № 38, 20—26 сентября, с. 12; № 39, 4—10 октября, с. 10—11]; Исторический анекдот Пушкина [написано в 1971 г.]; Упущенный черновик [впервые под заглавием «Непаданый черновик Пушкина»: Вестн. АН СССР. 1956, № 3, с. 118—122]; «До последней запятой. . .» [написано в 1966 г.]. — В мастерской поэта. Работа над «Онегиным». — Пушкин. 1836 год. «Памятник» [написано в 1976 г.]; Джон Теннер [написано в 1937 г.]. — Дневники и «Записки». Сожженные «Записки» [впервые в кн.: Фейнберг Илья. История одной рукописи. М., 1963, с. 53—85]; Об оде «Вольность» [написано в 1937 г.]; Из «Дневника» Пушкина [впервые в кн.: Фейнберг Илья. История одной рукописи. М., 1963, с. 86—110]; Пропавший дневник

[впервые в кн.: Фейнберг Илья. История одной рукописи. Изд. 2-е, доп. М., 1967, с. 111—123]. — Последний труд. Последний труд [впервые, отд. изд., под заглавием «Последний труд Пушкина»: М., 1962, 47 с. (Б-ка «Огонек»)]. — Великие страны и рисунки Лермонтова [впервые в кн.: Фейнберг Илья. История одной рукописи. М., 1963, с. 5—9].

Рец.:

Френкель В. — Звезда, 1979, № 1, с. 221—222.

Фомичев С. Поэмы Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Поэмы. Л., «Худож. лит.», 1976, с. 3—14.

Хазин Михаил. «Все в ней пленяло. . .». — Кодры, 1976, № 12, с. 97—105.

О Е. М. Горчаковой, адресате стихотворения Пушкина «Красавица, которая нюхала табак».

Хлодовский Р. И. Пушкинская концепция классического национального стиля и его исторического развития. — В кн.: Типология стилевого развития нового времени. М., «Наука», 1976, с. 175—213.

Ципенюк С. А. Исследование анонимных писем, связанных с дуэлью А. С. Пушкина. — Криминалистика и судебная экспертиза, Киев, 1976, вып. 12, с. 81—90.

Черейский Лаазарь Абрамович. Пушкин и его окружение. Л., «Наука», 1976, 519 с., 1 л. портр. [Допечатка].

Рец.:

Гордин Я. Судьба среди судеб. — Вопр. лит., 1977, № 9, с. 265—271.

Федотов Л. — Сиб. огни, 1977, № 11, с. 189—190.

Френкель В. Знакомые Пушкина. — Звезда, 1977, № 2, с. 218—220.

Чистякова Е. В. Александра Осиповна Ишимова — последний адресат А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., «Наука», 1976, с. 346—353. (АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т истории СССР).

Чугунов Г. Город Пушкин. Л., «Худож. РСФСР», 1976, 76 с.

С. 16—21: «А. С. Пушкин в Лицее». С. 74—75: «Пушкинские места в городе».

Чумаков Ю. Н. «Отрывки из путешествия Онегина» как художественное единство. — В кн.: Вопросы поэтики литературных жанров. Сборник науч. статей. Вып. 1. Л., 1976, с. 3—12. (М-во просвещения РСФСР. Ленигр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

Чурин Л. К. Звуковая организация державинского и пушкинского стиха. (Опыт сравнительного анализа). — В кн.: Проблема целостности литературного произведения. Воронеж, 1976, с. 139—151. (Изв. Воронеж. пед. ин-та, т. 180).

Шагинян Р. Несколько слов об М. П. Алексееве и его книге «Пушкин». (К присуждению премии имени Белинского). — В кн.: Проблемы поэтики. Т. 3. Самарканд, 1976, с. 129—133. (Труды Самарканд. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, № 258).

Шарыкин Д. М. Пушкин и Тегнер. (Поэмы «Полтава» и «Аксель»). — В кн.: VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. II. Л.—М., 1976, с. 19—21. (АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории СССР. Ин-т всеобщей истории).

Шилгина З. А. Москва и Петербург в очерке 30-х годов XIX в. (Пушкин, Гоголь). — В кн.: Проблемы жанрового многообразия русской литературы XIX века. (Сборник статей). Рязань, 1976, с. 37—43. (М-во просвещения РСФСР. Рязан. пед. ин-т).

«Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина и «Петербургские записки» Гоголя.

Щеблыкин И. П. Элементы пушкинской поэтики в стихотворениях И. С. Никитина. — В кн.: Поэт-демократ И. С. Никитин. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1976, с. 77—83.

Эйдельман Н. В одном классе. . . — Знание — сила, 1976, № 9, с. 34—38.

Первые полностью публикуются характеристики лицейстов из «Дневника Корфа (1839 г.).

Эйдельман Н. Я. Из последних пушкинских открытий. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1975. М., «Наука», 1976, с. 73—85.

Пушкинские автографы из собрания П. И. Миллера.

Эйдельман Н. 11 января 1825 года. — Наука и жизнь, 1976, № 10, с. 112—117; № 11, с. 72—79.

Анализ воспоминаний И. И. Пущина о встрече с Пушкиным в Михайловском.

Эльберг Я. Е. Стили Пушкина и Гоголя и русская культура. — В кн.: Типология стилового развития нового времени. М., «Наука», 1976, с. 386—408.

Эльяш Н. И. Театрально-эстетические взгляды и драматургия А. С. Пушкина. — В кн.: Русский драматический театр. Учебник для ин-тов культуры, театр. и культ.-просвет. учебн. заведений. Под ред. проф. Б. Н. Асеева и проф. А. Г. Образцовой. М., «Просвещение», 1976, с. 93—105.

Юдин Василий. Дополнение к известному. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, А. М. Горький, А. С. Серафимович. Малоизвестные и забытые страницы жизни и творчества. Волгоград, Нижне-Волж. кн. изд-во, 1976, 143 с.

С. 5—24: «За строкой дневника Пушкина». С. 25—31: «С соизволения монарха» [история первой подписки на «Полное собрание сочинений» Пушкина].

Учебно-методическая литература

Бонди С. М. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Переизд. М., «Дет. лит.», 1976, с. 5—50. (Школьная б-ка. Для средн. школы).

Коренюк Л. Ю. Восприятие романа «Евгений Онегин» в процессе подготовки его к выразительному чтению. — В кн.: Выразительное чтение в вузе и школе. Иркутск, 1976, с. 56—70. (М-во просвещения РСФСР. Иркут. гос. пед. ин-т).

Лазуков А. М. Изучение творчества Пушкина в VIII классе. — Лит. в школе, 1976, № 4, с. 81—85.

Рец. на кн.: Демин Н. А. Изучение творчества А. С. Пушкина в 8 классе. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1974.

Митяева З. А. Комментарий к иллюстрациям учебника-хрестомати «Родная литература» для 6-го класса по теме «А. С. Пушкин». — В кн. Этическое и эстетическое воспитание средствами литературы. Вып. 3. Тула, 1976, с. 3—17. (Тульск. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого).

Саклешина Л. А. Воспитательная направленность первого вводного урока по литературе о Пушкине в 8-м классе. — В кн.: Идеино-политическое и нравственное воспитание учащихся. Вып. 5. Красноярск, 1976, с. 69—75. (М-во просвещения РСФСР. Краснояр. пед. ин-т).

Тараносова Г. Лингвистический анализ стихотворения А. С. Пушкина «На холмах Грузии». — Рус. яз. в школе, 1976, № 1, с. 78—82.

Тараносова Г. Н. Лингвистическое комментирование стихотворения А. С. Пушкина «Обвал». — Рус. яз. в нац. школе, 1976, № 6, с. 48—53.

М. П. А Л Е К С Е Е В

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ¹

4. К «Сцене из Фауста» Пушкина

Недавно Г. П. Макогоненко назвал «Сцену из Фауста» «одним из малоизученных произведений Пушкина», утверждая при этом, что у нас доныне будто бы «нет ясного представления ни о жанре „Сцены“, ни о ее соотношении с трагедией Гете „Фауст“, нет и убедительного раскрытия содержания и смысла „Сцены“, объяснения причин, побудивших Пушкина написать ее в 1825 г., места ее в ряду других сочинений поэта». Отмечая противоречивость истолкования «Сцены» и взаимоисключающий характер оценок, которые она получила у критиков и исследователей, Г. П. Макогоненко заявляет, что «все это делает ее загадочной», но тут же прибегает к оговорке, сводящей на нет только что сделанное им наблюдение: «В действительности „Сцена из Фауста“ лишена какой-либо загадочности или неопределенности — и то и другое появилось в результате столетнего ее изучения».² Если это мимоходом брошенный парадокс, который автор высказал исключительно ради юмористического эффекта, то с ним можно было бы даже согласиться: при усиленной разработке какой-либо проблемы естественны ошибки и заблуждения, уводящие в сторону от ее правильного решения; если же высказанный выше парадокс рассматривать как нигилистический призыв вовсе не считаться с предшествующими стадиями изучения какого-либо вопроса, то придется такой совет считать малопродуктивным и не заслуживающим подражания.

Конечно, в истории истолкования «Сцены из Фауста» Пушкина было немало увлечений и крайностей, недостаточно аргументированных суждений и предвзятых оценок, но, взятые в целом, они обеспечивали движение исследовательской мысли вперед, направляли возникавшие споры, требовали своевременного устранения явных ошибок и недоразумений. В качестве справедливости защищаемого нами положения сошлемся хотя бы лишь на один пример такого недоразумения, которое не было вскрыто своевременно и по этой

¹ Предшествующие «Заметки на полях» (1—3) опубликованы во «Временнике Пушкинской комиссии» на 1973 (Л., 1974, с. 90—94) и 1974 гг. (Л., 1977, с. 98—113).

² Макогоненко Г. П. Пушкин и Гете. (К истории истолкования пушкинской «Сцены из Фауста»). — В кн.: XVIII век, сб. 10. Л., 1975, с. 284—291.

причине нанесло немалый ущерб последующим исследователям той же проблемы.

В числе работ на тему «Пушкин и Гете», известных русской гетемане, но не попавших в поле зрения пушкиноведов, может быть названа книга чешского германиста Пауля Реймана, вышедшая в свет в 1956 г. на немецком языке, — «Основные течения в немецкой литературе. 1750—1848».³ Хотя это общая история немецкой литературы, начиная с деятельности Лессинга и кончая революционным периодом 1848—1849 гг., но книга отличается одной примечательной особенностью: Рейман очень интересовался проблемой взаимосвязей между немецкой и славянскими литературами, имеющей богатую традицию, но никогда не рассматривавшейся в систематическом изложении, тем более в книге, предназначенной для учебных целей. Раздел пятый в 44-й главе книги Реймана озаглавлен «Гете и Пушкин». Здесь кратко, но на основании довольно широко привлеченного к изложению фактического материала говорится о творческих связях обоих поэтов, немецкого и русского, и о посредниках между ними, также немецких и русских. Говоря об отношении Пушкина к «Фаусту» Гете, Рейман, к сожалению, ставит во главу угла отзыв о «Фаусте», якобы высказанный Пушкиным в разговоре с Жуковским и приведенный в «Записках А. О. Смирновой»: «Фауст стоит совсем особо. Это последнее слово немецкой литературы, это особый мир, как „Божественная комедия“, это в изящной форме альфа и омега человеческой мысли со времен христианства» и т. д.⁴ Хотя эта цитата в свое время приводилась в различных русских специальных трудах, но «Записки А. О. Смирновой» давно разоблачены как явная, безвкусная и грубая фальсификация ее дочери. Между тем книга Реймана переведена была на русский язык и рекомендована в качестве учебного пособия «для студентов литературных и филологических факультетов педагогических институтов и университетов»;⁵ приведенная выше цитата — псевдоотзыв о «Фаусте» Пушкина — оставлена в русском тексте перевода книги Реймана без каких-либо замечаний или оговорок.⁶

Пожалуй, приведенный случай может служить подтверждением того, что в процессе изучения любой вопрос может быть искусственно (хотя и не-

³ R e i m a n n Paul. Hauptströmungen der deutschen Literatur 1750—1848. Beiträge zu ihre Geschichte und Kritik. Berlin, 1956.

⁴ Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826—1845 гг.). СПб., 1895, с. 155.

⁵ Р е й м а н Пауль. Основные течения в немецкой литературе 1750—1848. Пер. с нем. О. Н. Михеевой. Под ред. и с предисл. А. С. Дмитриева. М., 1959, с. 371—378 (раздел 5 главы 44: «Гете и Пушкин»).

⁶ В рецензии Г. Слободкина на эту книгу, озаглавленной «Исследование по немецкой литературе» (Вопросы литературы, 1958, № 4, с. 239—242), сделаны некоторые замечания по поводу освещения Рейманом мифа о «золотых днях» Веймара, но сочиненные от имени А. О. Смирновой отзывы Пушкина о «Фаусте» остались незамеченными. Оправданием Рейману служит то, что эти цитаты в качестве подлинных записей слов Пушкина приводились — до разоблачения «Записок А. О. Смирновой» — и пушкиноведами (см., например: Р о з о в В. А. Пушкин и Гете. Киев, 1908, с. 144). Литература о фальсификации «Записок» в настоящее время довольно велика. См., например, статьи Н. Александрова (Историко-литературный сборник. Л., 1924, с. 297—334), Л. В. Крестовой (Смирнова А. О. Дневник. Воспоминания. Письма. М., 1929, с. 335—393), Б. Смирновского (Перо и меч. М., 1967, с. 85—87) и др.

преднамеренно) усложнен и запутан несведущими или недостаточно внимательными исследователями. Но отсюда далеко до признания необходимости изучать этот вопрос с непредвзятой точки зрения, без всякой оглядки на предшествующие усилия; мы полагаем, что для успеха дела надо ясно представлять себе, что сделано предшественниками, и быть в курсе всего, что было напечатано по этому поводу или введено в оборот без достаточной аргументации.

Библиографические справки, приведенные Г. П. Макогоненко в указанной выше работе для подтверждения слабой изученности «Сцены из Фауста» Пушкина, неполно освещают современное состояние этого вопроса, который, впрочем, действительно нуждается в дальнейшем прояснении, хотя посвященные ему исследования и этюды довольно многочисленны. В частности, новейшая литература о Пушкине и Гете значительно богаче и разнообразнее, чем это может показаться на первый взгляд, а ряд работ, относящихся к этой теме, к сожалению, основательно забыт или не был своевременно учтен исследователями пушкинской «Сцены».

Бросив общий взгляд на литературу, указанную в статье Г. П. Макогоненко, можно условно разделить ее, как это делает и сам автор, на две группы: первую из них составляют работы, рассматривающие «Сцену» в генетической связи с «Фаустом» Гете; вторую — вне этой связи, как пропавшее Пушкина автобиографического характера, возникшее под пером поэта независимо от каких-либо книжных влияний. Большинство новейших работ относится к этой последней группе.⁷ Сам Г. П. Макогоненко считает, что «Сцена из Фауста» — «это маленькая трагедия, стоящая в ряду со многими другими европейскими произведениями о Фаусте, но сознательно соотнесенная Пушкиным с самым крупным и гениальным сочинением о Фаусте — трагедией Гете. Следует подчеркнуть при этом, что образ Фауста, его философия жизни, его идеалы и нравственные представления носили не только общечеловеческий характер, но и были одновременно выражением немецкого самосознания». Напоминая далее известное высказывание Белинского, что каждый народ имеет своего представителя в литературе, в частности «немцы — Фауста», Г. П. Макогоненко утверждает, что «Сцена из Фауста» Пушкина — «произведение общечеловеческое, но от характера решения трагедии Фауста, от понимания им смысла жизни, от трактовки его судьбы и эволюции его убеждений веет русским духом. Впервые в истории мировой литературы Фауст был раскрыт Пушкиным реалистически».⁸

Для того чтобы лучше пояснить собственное истолкование пушкинской «Сцены», Г. П. Макогоненко делает еще одно методическое указание, которым, по его мнению, не следует пренебрегать при сопоставлении обоих произведений — Пушкина и Гете: «Нельзя сопоставлять „Сцену“ Пушкина с трагедией

⁷ Макогоненко Г. П. Пушкин и Гете, с. 284—285. Мы не называем здесь не указанных автором работ, которые стоило бы иметь в виду исследователям пушкинской «Сцены из Фауста», так как важнейшие из них будут названы нами ниже; что касается работ на русском языке, то их легко найти в прекрасно составленной книге З. В. Житомирской, см.: Ж и т о м и р с к а я З. В. Иоганн-Вольфганг Гете. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1780—1971. М., 1972 (по указателю, с. 602—603, под словом «Пушкин»).

⁸ Макогоненко Г. П. Пушкин и Гете, с. 286.

Гете, философский смысл которой извлекается из второй части, неизвестной Пушкину. . . .) Об этом приходится говорить, ибо существует устойчивая традиция рассматривать „Фауста“ Гете как произведение, окончательно сложившееся в 1831 г. в своей нынешней цельности».⁹

Здесь как раз и уместно напомнить, что пушкиноведы, изучавшие «Сцену из Фауста», упустили из виду несколько исследований — советских и зарубежных, авторы которых стремились доказать возможность воздействия пушкинской «Сцены» на заключительный V акт второй части «Фауста» Гете. Как ни неожиданна на первый взгляд такая догадка, но она существует; при этом она высказана несколькими исследователями совершенно независимо друг от друга и аргументация каждого из них привлекает особые ряды фактов, отсутствующие у другого исследователя. Во всяком случае две работы — русского и французского германистов, Б. Я. Геймана и А. Менье (A. Meunier), о которых речь пойдет ниже, — должны быть учтены наукой о Пушкине.

Мы остановимся прежде всего на статье Б. Я. Геймана «Петербург в „Фаусте“ Гете», опубликованной в 1950 г.¹⁰ В этом исследовании, богатом фактами и наблюдениями, автор собрал ряд данных, позволяющих, по его словам, «углубить и сделать более ясным понимание одного из главных опорных звеньев сюжета „Фауста“, именно развязки драмы, ее оптимистического, мажорного финала». Ему представляется, что в свете приводимых им данных «становится вполне понятным значение „подвига“, которым Фауст заканчивает свою жизнь, которым просветлены и оправданы предшествующие „похождения“ Фауста».¹¹

Как известно, последние сцены трагедии Гете и донныне еще являются предметом затяжных и взволнованных споров. Ряд зарубежных исследователей (Б. Визе, Г. А. Корф) развивают, например, утверждение, что Фауст в финальных сценах будто бы представлен как человек, «совершенно одинокий в своем презрении к людям и самовластности, как герой, оторванный от общества, идейно побежденный и лишенный важнейших, присущих ему, „фаустовских“ черт». Это, естественно, вызвало справедливые возражения советских гетеведов, указывавших, в частности, на то, что сам Гете (в своей беседе с Эккерманом 6 июня 1831 г.) рассматривал Фауста последних сцен своей трагедии «относительно не как уединенного от общества и замкнутого в себе пустого мечтателя, идейно побежденного героя, а как человека деятельного, вечно стремящегося вперед, человека, приблизившегося к осуществлению своих идеалов».¹² С другой стороны, у нас сделана была попытка, неудачная с нашей точки зрения, доказать, что Пушкин «уже в первой части трагедии

⁹ Там же.

¹⁰ Гейман Б. Я. Петербург в «Фаусте» Гете. (К творческой истории 2-й части «Фауста»). — В кн.: Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского университета, вып. 2. Л., 1950, с. 64—96. Мне неизвестно, на каком основании в указанном выше библиографическом указателе З. В. Житомирской о Гете эта статья Б. Я. Геймана снабжена пометой: «Сокращенный текст»; насколько мы знаем, более полный текст этой работы в печати не появлялся, равно как и критические отзывы о ней.

¹¹ Гейман Б. Я. Петербург в «Фаусте» Гете, с. 65.

¹² Chawtassi Grigorij. Auseinandersetzung mit Benno v. Wieses «Faust»-Interpretation. — Weimarer Beiträge, 1966, Н. 2, S. 337—351;

Гете усмотрел нечто такое, что было созвучно его свободолюбивым настроениям, и что «нужно было поистине обладать пушкинской гениальностью, чтобы сразу же так верно почувствовать то, о чем осторожный Гете впоследствии говорил во второй части своей трагедии осторожными полунамеками, став предельно откровенным лишь в финале трагедии». Эти неосторожные допущения привели автора не только к искажениям, но и к ненужным преувеличениям: «Вообще, насколько мы знаем, — заключает отсюда А. Л. Яценко, — А. С. Пушкин первый во всей мировой литературе поднял вопрос об антиклерикальной и антимонархической направленности „Фауста“ < . . . > Эта пушкинская точка зрения оказала заметное влияние на всю последующую интерпретацию идей гетевского „Фауста“ в России».¹³ Отсюда представляется необходимым подробнее познакомиться с гипотезой Б. Я. Геймана, так как она основана не на произвольных домыслах, а на солидной аргументации. Исследователь обращает внимание на то, что в начале IV акта 2-й части «Фауста» очень неожиданно для читателя, без всякой подготовки, Фауст раскрывает Мефистофелю внезапно возникший у него замысел борьбы с морем:

«У моря я стоял. Вода росла,
Прилив готовя, грозно пред очами
Остановилась — и, встряхнув волнами,
На плоский берег приступом пошла.
Тогда меня досада обуяла:
Свободный дух, ценивший все права,
Противник страстный грубого начала
Не терпит дикой силы торжества. . .

И далее:

В отчаянье и страх меня привел
Слепой стихии дикый произвол,
Но сам себя дух превзойти стремится:
Здесь побороть, здесь торжества добиться!
И можно это. . .

Х а в т а с и Г. Г. Об одной интерпретации финальных сцен гетевского «Фауста». — Филологические науки, 1974, № 4 (82), с. 10—13.

¹³ Я ц е н к о А. Л. «Фауст» Гете. Ранние отклики в России (В. А. Жуковский и А. С. Пушкин). — Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия истор.-филол., 1964, вып. 65, с. 195. Весьма категорические и ничем не подкрепленные догадки А. Л. Яценко имели весьма зыбкую основу — публикацию в десятитомном академическом издании Пушкина черновых отрывков, известных со времен П. В. Анненкова под названием «адской поэмы», которым в академических изданиях, по нашему мнению, незаконно присвоено заглавие «Наброски к замыслу о Фаусте». Находясь под гипнотизирующим влиянием этого заглавия в авторитетном издании, А. Л. Яценко мог писать в своей работе: «Никаких сомнений в том, что „Фауст“ воспринимался Пушкиным как прозаические мятежное, тираноборческое, не оставляют наброски А. С. Пушкина, которые, по-видимому, были эскизами задуманной им драмы о Фаусте — своеобразного и оригинального произведения, в котором великий поэт хотел дать литературную интерпретацию (sic!) гетевского Фауста. Судя по этим отрывкам, Фауст и Мефистофель (?) совершают путешествие в ад» (там же, с. 194). На самом деле в этих отрывках имя Мефистофеля не упоминается, да и имя Фауста расшифровывается только предположительно и едва ли с достаточным основанием.

И Фауст излагает Мефистофелю свой план -- положить предел бушующей волне, самому вторгнуться в море, используя естественный закон прилива и отлива. Так вводится мотив развязки всей драмы.¹⁴

В другом месте своего исследования Б. Я. Гейман справедливо подчеркивает, что развязка «Фауста» «держится на двух темах, которые тесно связаны между собой, переходят одна в другую, но тем не менее представляют собою отдельные темы, с особыми звучаниями. Это темы: а) грандиозного материального строительства, покорения моря, создания новых пространств жизни, тема героической созидательной деятельности, пафоса труда и борьбы со стихией, превращения героя в героя-созидателя; б) тема построения нового общества, новой счастливой жизни для миллионов свободных тружеников, тема социального строительства. Идеино первая тема подчинена второй, как средство подчинено цели < . . . > Но дело как раз в том, что мотивы социальной программы Фауста разработаны в развязке „Фауста“ чрезвычайно суммарно, общо, остаются неясными, бледными. Гете явно не успел до конца обработать развязку „Фауста“ (см. запись в дневнике Гете от 24 января 1832 г.: «Новый импульс к „Фаусту“. Желание подробнее разработать основные мотивы, которые я, спешив закончить произведение, дал слишком лаконично»). Видимо, для самого Гете программа социальная оставалась не вполне ясной. Поэтому мотивы материального строительства Фауста, его преемников по борьбе с морской стихией звучат в развязке „Фауста“ громче, они художественно убедительнее, чем мотивы утопии.

С полным основанием Б. Я. Гейман подчеркивает также «утопический характер развязки «Фауста» («Новая счастливая жизнь строится Фаустом не в борьбе со старым обществом, а в борьбе со стихиями природы») и предостерегает исследователей против недооценки ими пафоса материального строительства Фауста — построения плотины, гавани, работ по осушке заболоченной местности и т. д., — поскольку такая недооценка является искажением идейного замысла драмы. Она приводит к обесцвеченному восприятию земной развязки драмы и играет на руку идеалистическим интерпретаторам «Фауста», утверждавшим, что развязка драмы дана отнюдь не на земле, а якобы только в загробных сценах финала «Фауста». Припоминая на следующих страницах ход творческой работы Гете над этим произведением, а также прежде указанные возможные источники заключительных сцен «Фауста», Б. Я. Гейман приходит к следующему выводу: «Достаточно внимательно ознакомиться с дневниками Гете периода работы над 2-й частью „Фауста“ (1825—1831), с сохранившимися его высказываниями и произведениями этой поры, чтобы стало ясным, какое глубокое впечатление произвело на Гете известие о петербургском наводнении 1824 г. На протяжении всех лет работы Гете над второй частью своего произведения он постоянно возвращается мысленно к этому событию, Это-то и позволяет утверждать, что конкретное содержание подвига Фауста было найдено Гете в ходе тех многообразных, сложных и длительных размышлений, которые были разбужены в его сознании известиями о петербургском наводнении 1824 г. Огромное впечатление от этого события не только подсказало Гете тему развязки, но и содействовало возобновлению интереса к „Фаусту“, которого он оставил много лет

¹⁴ Гейман Б. Я. Петербург в «Фаусте» Гете, с. 65—66.

тому назад. Не будь Гете так потрясен известием о катастрофе в Петербурге, 2 часть „Фауста“, возможно, осталась бы ненаписанной. В этом именно смысле можно ставить тему Петербурга в „Фаусте“ Гете». ¹⁵

Значительную часть своей работы Б. Я. Гейман посвятил выяснению истории отношений Гете к Петру I и к Петербургу, хотя это только частично могло входить в поставленные им себе задачи. «Трудно сказать, когда возник у Гете интерес к Петру и Петербургу. Он несомненно усиливался с годами, — пишет Б. Я. Гейман, — однако, судя по тому, что все высказывания Гете о Петре носят очень категорический характер, что Гете всегда говорит о Петре как о личности, всем известной, естественно предположить, что Гете не пришлось „открывать“ для себя Петра в сознательные годы своей жизни. Скорее образ Петра вошел в сознание Гете в детские его или ранние юношеские годы во Франкфурте, вошел и закрепился в его памяти. В зрелые годы и в старости Гете любил читать книги о Петре, беседовал о нем с Эккерманом и др.». Далее автор подробно говорит о том, что Гете близок к оценке Вольтера, данной Петру в «Истории Российской империи», что «для Гете Петр — один из гениальнейших людей XVIII в. и что в этом смысле взгляд Гете близок к воззрению Гердера, видевшего в Петре замечательный и редкий пример патриотической деятельности государя (см. гердеровскую статью «Кто был самым великим героем?» в 3-м томе его «Адрастее»)». ¹⁶ Вероятно, стоило бы в будущем подвергнуть этот вопрос новому и систематическому обозрению, так как у Б. Я. Геймана приведены не все данные, которые уместно было бы вспомнить по данному случаю.

Нам представляется, в частности, что стоило бы напомнить здесь об отношении к Петру и основанному им Петербургу Иоганна-Генриха Мерка (1741—1791), одного из преданнейших друзей Гете и предполагаемого прототипа образа Мефистофеля в «Фаусте» Гете. Мы говорим о двух статьях Мерка, посвященных памятнику Петра I, воздвигнутому в Петербурге скульптором Э. М. Фальконе. По странной случайности эти статьи о «Медном всаднике» выпали из внимания как русской литературы об этой знаменитой конной статуе, так и литературы немецкой. Историки Петербурга давно уже отметили, что если в первой половине XVIII в. центральной темой было строительство города, то во второй половине века, особенно в 70—80-е годы, основной темой, связанной с прославлением русской северной столицы, сделалось творение Фальконе — конная статуя Петра, торжественно открытая в 1782 г., т. е. в то время, когда еще многие помнили о наводнении 1777 г. Анализируя русские оды этого времени, Л. В. Пумпянский предположил, что именно тогда сложилась устная легенда, закрепленная и в русской поэзии, якобы «Медный всадник» «оберегает город от наводнения; его рука, „простертая к пучино“, запрещает волнам вздыматься и колебать Бельт. Вероятно, память о наводнении 1777 г. была в 1782 г. еще настолько свежа, что оба события объединены были в общем статуарном мифе». ¹⁷

¹⁵ Там же, с. 67—68.

¹⁶ Там же, с. 73.

¹⁷ П у м п я н с к и й Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 4—5. М.—Л., 1939, с. 111.

Две статьи И. Мерка о Петербурге и «Медном всаднике» имеют отношение к петербургским событиям 70-х и начала 80-х годов и к рассказам, ходившим по городу в это время. Сам И. Мерк был в России в 70-е годы; в его письмах сохранились отзывы о Петербурге и окрестностях, о его архитектуре и сокровищах искусства. По предположению его новейших биографов, Мерк жил в Петербурге одновременно с Дидро, состоявшим в близкой дружбе с Фальконе. Мерк познакомился с Дидро в Петербурге и, вероятно, беседовал с ним на темы, которыми интересовался всего более, — на темы об искусстве; конечно, собеседники не могли при этом обойти «Медного всадника» Фальконе, знакомство с которым Мерка также становится вполне вероятным.¹⁸

Обе статьи Мерка, которые мы имеем в виду, напечатаны в знаменитом журнале «Teutscher Merkur. Kritische Anzeigen», который в Веймаре издавал Х. М. Виланд. Хотя обе эти статьи напечатаны в журнале без подписи, но Гете знал, чьему перу они принадлежат, и несомненно читал их.

В первой статье¹⁹ говорится о Фальконе как о скульпторе, теоретике искусства, писателе и переводчике (в частности, упомянуты его перевод Плиния и написанный в Петербурге эстетический трактат «Наблюдения над статуей Марка Аврелия»), но центральное место в его деятельности отводится еще не законченной работе над монументом Петру I. Автор рассказывает о спорах вокруг модели памятника, выставленной для всеобщего обозрения, о постаменте, уже доставленном на площадь, где должен стоять будущий памятник.

Вторая статья Мерка²⁰ появилась в том же веймарском журнале за месяц до открытия памятника (оно состоялось 7 августа 1782 г.): торжество было приурочено, как известно, к столетию со дня вступления Петра I на престол. Закончились работы по созданию монумента, продолжавшиеся почти шестнадцать лет: последние стадии создания памятника, в связи с готовящимся праздником в Петербурге и предстоящей юбилейной датой, и отражает статья Мерка, который называет свою статью о «Медном всаднике» материалом для «правдивой истории одного из знаменитейших произведений искусства нового времени» («die wahre Geschichte eines des berühmtesten Werke der Kunst neuerer Zeit»). Несомненно, что будущий исследователь отношений Гете к Петру I и русскому государству XVIII в., идя по стопам Б. Я. Геймана, не должен будет обойти вниманием всю, случайно упущенную им, историю дружбы Гете с Иоганном Мерком, который, вероятно, одним из первых внушил Гете продолжавшийся столь долгое время интерес и к русской столице, и к случавшимся в ней опустошительным наводнениям.

Естественно, особо подчеркнуты Б. Я. Гейманом династические связи между Веймарским герцогством и русским двором, расширявшие и укрепляв-

¹⁸ См.: Diderot et Falconet. Le pour et le contre. Correspondance polemique. Introduction et notes de Yves Benot. Paris, 1958. Ср. отрывки из воспоминаний А. Николаи о встречах с Дидро и с Фальконе в Петербурге в журнале «Искусство» (1965, № 4).

¹⁹ Wraxalls Reisen nach Norden. — Teutscher Merkur. Kritische Anzeigen, 1776, Juni, S. 291—292. Поводом для статьи явился немецкий перевод книги английского путешественника Роксолла, посетившего Петербург.

²⁰ Einige nähere wahre Umstände, den Guß der Statue Peters des Großen betreffend. — Teutscher Merkur. Kritische Anzeigen, 1782, Juli, S. 63—73.

шие интерес великого немецкого поэта к истории Петербурга. «Достаточно напомнить, — пишет Б. Я. Гейман, — что женой наследника веймарского престола, а с 1828 г. женой великого герцога была воспитанная в Петербурге родная сестра русского императора Александра I — Мария Павловна, в окружении которой всегда находились какие-либо гости из русской столицы. Связь между петербургским и веймарским дворами поддерживалась непрерывно. Более того, как подчеркнул С. Дурылин (Русские писатели у Гете в Веймаре. — Литературное наследство, № 4—6, 1932, с. 81—504), веймарский двор и в особенности культурные учреждения герцогства, непосредственно находившиеся в ведении Гете, субсидировались русскими деньгами. Среди многочисленных заезжих посетителей Гете было много и петербуржцев. Из бесед с ними Гете не мог не составить себе довольно обширного представления о Петербурге».²¹

Существенны также приведенные далее в статье Б. Я. Геймана выдержки из переписки Гете с музыкантом К. Цельтером (Karl Friedrich Zelter, 1758—1832) о привезенной в Берлин из России (в марте 1827 г., т. е. в разгар работы над второй частью «Фауста») огромной и очень искусно выполненной модели города Петербурга, которую возили на 12 больших четырехтонных телегах по всей Европе. К. Цельтер подробно описал Гете эту модель, виденную им в Берлине, и возбудил у поэта живейшее любопытство: на этой модели были изображены «главная река, каналы, набережные, церкви» и были заметны даже отдельные фигуры и группы людей, находящиеся на улицах; Цельтер жалел лишь, что к модели не было приложено ее подробное описание или хотя бы объяснительный план города, который Гете хотел иметь перед собою.²²

Несколько месяцев спустя после переписки с К. Цельтером по поводу выставленной в Берлине модели Петербурга Гете принял у себя в доме (2 января 1828 г.) в Веймаре известного врача Августа Гренвилля (Auguste Granville, 1783—1872), возвращавшегося в Англию из России и только что побывавшего в Петербурге. «В течение этого свидания, которое длилось более часа, — рассказывает Гренвилль, — Гете проявил огромный интерес к . . . также и к Петербургу. В Петербурге, основываясь на мнении многих авторитетных путешественников, с которыми он встречался и беседовал на эту тему, он видел город, быстро поднимающийся до значения первой столицы на континенте».²³ Эта запись путешественника, которую приводит

²¹ Гейман Б. Я. Петербург в «Фаусте» Гете, с. 74.

²² Там же, с. 75.

²³ Granville A. B. St. Petersburg: A Journal of Travels to and from that capital. 2 vols. London, 1828 (о встрече с Гете в Веймаре см.: т. II, с. 628). О визите к нему Гренвилля Гете упоминает также в своем дневнике; беседы с ним путешественника были очень разнообразны. Гренвилль подарил Гете на память с подписью от автора свой «Опыт о египетских мумиях», изданный им в Лондоне в 1825 г. на английском языке (см.: Goethes Bibliothek. Katalog. Bearbeiter der Ausgabe Hans Rupert. Weimar, 1958, S. 295, № 2045). Б. Я. Гейман, указавший на запись Гренвилля о Гете, не обратил внимания на то, что в первом томе сочинения Гренвилля о России есть также отзыв о Пушкине — как о поэте, имя которого, «вероятно, известно большинству английских читателей»: «Свою литературную деятельность он начал четырнадцать лет, будучи тогда воспитанником императорского Лицея, а в возрасте девятнадцати лет он написал свою прославленную поэму „Руслан и Людмила“. С тех пор он написал много других произведений, несмотря на свои двадцать девять

Б. Я. Гейман в подтверждение повышенного внимания Гете к Петербургу после наводнения 1824 г., особенно в тот период, когда он работал над второй частью «Фауста» (1825—1831), представляется действительно весьма убедительной, и прежде всего потому, что Гренвилл недаром ссылается на многих других «авторитетных» путешественников, у которых Гете подробно спрашивал о Петербурге.²⁴

В заключение характеристики статьи Б. Я. Геймана, столь же интересной, по нашему мнению, для гетеведения, как и для пушкиноведения, отметим, что в основной части своей работы он подробно рассматривает подобранные им факты о чрезвычайном интересе Гете к петербургскому наводнению, начиная от свидетельства И. П. Эккермана (от 9 декабря 1824 г.): «Под вечер я отправился к Гетек. . .» Берлинские газеты лежали перед ним, и он рассказал мне о большом наводнении в Петербурге. Он дал мне газету, чтобы я прочитал об этом. Он говорил потом о плохом местоположении Петербурга и сочувственно посмеялся над изречением Руссо, который сказал, что землетрясение не предотвратит тем, что рядом с огнедышащей горой будет выстроен город ²⁵ < . . . » Мы упомянули потом о больших бурях, которые бушевали у всех берегов, так же как и о других грозных явлениях природы < . . . » Явился главный директор сооружений Кудрэ и с ним вместе профессор Ример. Они присоединились к нам, и разговор снова сосредоточился на обсуждении петербургского наводнения.²⁶ Приводит Б. Я. Гейман также цитаты из переписки Гете с Цельтером в феврале—марте 1827 г. Отвечая своему корреспонденту на замечание о «страхе», возникающем при мысли о том, что такое широкое, столь великолепно застроенное пространство, как Петербург, ежечасно может быть поглощено водой, Гете пишет следующие знаменательные слова: «С тех пор как великое бедствие сделало особенно очевидным плохое местоположение этого громаднейшего города, я не могу не вспомнить об этой местности всякий раз, когда барометр падает низко, особенно по ночам, когда сильный ветер бушует в моих соснах».²⁷

По мнению исследователя, это непрестанное обращение мысли Гете к Петербургу в то время, когда обдумывался оптимистический конец второй части его трагедии, и внушило ему новый замысел развязки «Фауста», в основе ко-

лет. Мои читатели, без сомнения, знакомы с тем временным неудовольствием, которое этот юный и пылкий поэт возбудил в высшем свете до вступления имп. Николая своей *Одой к свободе* (G r a n v i l l e A. В. St. Petersburg. . ., vol. I, p. 244—245). Хронологические даты, приведенные в указанной записи Гренвилля, свидетельствуют, что он был довольно хорошо осведомлен о биографии Пушкина; вполне вероятно, что и Гете мог расспрашивать Гренвилля о русском поэте. О Гренвилле см.: А р и н ш т е й н Л. М. Одесский собеседник Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979, с. 63—64.

²⁴ Гейман Б. Я. Петербург в «Фаусте» Гете, с. 75.

²⁵ Слова о городе, выстроенном рядом с огнедышащей горой, относятся к португальской столице — Лиссабону и находятся в полемическом письме Руссо к Вольтеру (от 18 августа 1756 г.), написанном после появления вольтеровской поэмы «О разрушении Лиссабона».

²⁶ Гейман Б. Я. Петербург в «Фаусте» Гете, с. 80—81.

²⁷ Там же, с. 85. Ср.: Эккерман И. П. Разговоры с Гете. М., 1934, с. 255.

торой лежит мотив борьбы с водной стихией, грозящей разрушить плоды человеческого труда и угрожающей самой жизни человека.

С полным основанием Б. Я. Гейман проводит параллель между Вольтером, как автором поэмы «О разрушении Лиссабона» (1756), для которого «несчастье, постигшее португальскую столицу, вытеснило или затемнило известия о многочисленных других землетрясениях, которые произошли одновременно с лиссабонской катастрофой во многих местностях южной части Пиренейского полуострова, а также в Северной Африке»,²⁸ и Гете, как автором второй части «Фауста», для которого воспоминание о петербургском наводнении 1824 г. главенствовало над многими известными ему в последние десятилетия его жизни свидетельствами о стихийных бедствиях, обрушивавшихся на города современной ему Европы. Размышления Гете о причинах и следствиях наводнения в Петербурге не прекращались и не забывались поэтом вплоть до завершения им второй части «Фауста»; именно они подсказали поэту оптимистическую концовку для долго писавшейся трагедии о человеке, искавшем смысл существования и нашедшем его в подлинной, а не в иллюзорной деятельности на общее благо. Поэтому Б. Я. Гейман в итоге своего исследования и смог утверждать, что «не будь Гете так потрясен известием о петербургском наводнении, 2-я часть „Фауста“, возможно, осталась бы ненаписанной», или, добавим мы, была бы закончена совершенно иначе.²⁹

Статья Б. Я. Геймана, напечатанная в малораспространенном специальном издании, осталась малоизвестной специалистам-германистам и у нас и за рубежом. Не называет ее и Андре Менье в своей статье, о которой пойдет

²⁸ Гейман Б. Я. Петербург в «Фаусте» Гете, с. 84.

²⁹ Б. Я. Гейман не знал, на чем основывался Л. В. Пумпянский, когда писал: «Нам теперь точно известно, что и Гете, создавая символ осушаемого морского дна, думал и об основании Петербурга, замечательнейшем для Гете примере организованной борьбы человека с природой» (Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века, с. 92). Действительно, Л. В. Пумпянский не дал никаких объяснений по этому поводу; можно, однако, предположить, что он имел в виду либо указанные нами выше статьи Мерка о «Медном всаднике» Фальконе, либо один из многочисленных отзывов Гете о цивилизаторской деятельности Петра I при основании Петербурга. В статье Л. В. Пумпянского, из которой Гейман привел цитату, дается более развернутая мысль о типологическом сходстве между концом второй части «Фауста» и «Медным всадником» Пушкина (как известно, эта поэма увидела свет лишь после смерти Гете): «Петр в „Медном всаднике“ — вождь-цивилизатор, — писал Пумпянский. — С этой стороны конфликт между ним и Евгением находит разительную параллель в почти одновременно (1831) написанном эпизоде „Филемон и Бавкида“ в 5 акте второго „Фауста“: цивилизаторская деятельность Фауста уничтожает идиллическое счастье старческой четы. Гете имел в виду темную сторону промышленного переворота, но ведь и Пушкин решает в своей повести не узко исторический вопрос о событии 1703 г., а в высшей степени современный вопрос о ряде общественных противоречий XIX в.» (с. 92). Возможно, что эта типологическая параллель была подсказана Л. В. Пумпянскому статьей Альфреда Куреллы (переведенной с немецкой рукописи), в которой дается анализ эпизода о Филемоне и Бавкиде у Гете с точки зрения отразившегося здесь глубокого понимания поэтом движущих сил истории, утверждающей силы человеческого прогресса, нового, действительного, создающего духа, в чем Гете противостоял большинству своих современников — немецких писателей-романтиков (см.: Курелла Альфред. Проблемы немецкого романтизма. — Интернациональная литература, 1938, № 9, с. 183).

речь ниже, хотя работа Геймана о Петербурге в «Фаусте» могла служить фундаментальной основой для смелых гипотез, высказанных французским ученым — первоначально филологом-германистом, ставшим затем видным французским исследователем-славистом и одним из лучших знатоков Пушкина.

Работа А. Менье, которую мы имеем в виду, озаглавлена «Пушкин и окончание второго Фауста»; она представляет собой доклад, предназначенный для прочтения и обсуждения на VI Международном съезде славистов, собравшемся в Праге (Чехословакия) в августе 1968 г.³⁰ Этот доклад, как и все предшествующие многочисленные работы Андре Менье о Пушкине, был основан на тщательном изучении первоисточников и предлагал новые и весьма неожиданные догадки по поводу старой проблемы о соотношениях между «Фаустом» Гете и «Сценой из Фауста» Пушкина. Эта работа была последним исследованием А. Менье о Пушкине. Приехав в Прагу, он по состоянию здоровья не смог прочесть свой доклад, предварительно розданный участникам съезда; обсуждение его не состоялось, а два месяца спустя А. Менье скончался.³¹ Брошюра его, затерянная в многочисленных печатных материалах пражского съезда, не дошла до тех, к кому он обращался, — к исследователям Пушкина и русско-немецких отношений в начале XIX в., и в итоге была основательно забыта: мне неизвестна ни одна рецензия на нее, ни какой-либо печатный отклик о ней. А между тем, с моей точки зрения, она безусловно заслуживает внимания как новое слово о пушкинской «Сцене из Фауста» и должна быть упомянута в советской пушкинине.

Одним из оснований для гипотез А. Менье, по-видимому, послужило то обстоятельство, что как у Пушкина в его «Сцене», так и у Гете в заключительных сценах V акта второй части «Фауста» действие происходит поблизости от моря. Попытка найти аналогию к месту действия пушкинской «Сцены» в первой части гетевского «Фауста», как хорошо известно, успехом не увенчалась. Но не могло ли здесь произойти обратное воздействие — от Пушкина к Гете, а не наоборот? — рассуждал А. Менье. Нет ничего неправдоподобного в том, что Гете мог знать пушкинскую сцену по устному пересказу от кого-либо из русских путешественников, столь часто бывавших у него во второй половине 20-х годов, или из какого-либо письменного (или даже печатного — французского или английского) известия о ней: ведь эта сцена появилась в печати на русском языке в 1828 г.,³² т. е. как раз в тот период, когда Гете обдумывал и завершал развязку второй части «Фауста».

Напомним, что у Пушкина его «Сцене» предшествует ремарка: «Берег моря, Фауст и Мефистофель» — и что включает ее диалог, в котором Фауст

³⁰ Meunier A. Puškin et la conclusion du second Faust. — Revue des études slaves. Paris, 1967, p. 48—108; то же в виде отдельного отиска: VI Congrès International des Slavistes. Communications de la délégation française et de la délégation suisse. Paris, 1968, 14 p.

³¹ См. некролог Андре Менье и перечень его работ о Пушкине, опубликованных на французском и русском языках, в кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 126—135.

³² Первоначально «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем» была напечатана в журнале «Московский вестник» (1828, ч. IX, № 9, с. 3—8). Под заглавием «Сцена из Фауста» перепечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (СПб., 1829, с. 60—63).

с раздражением и досадой прогоняет от себя слишком услужливого Мефистофеля:

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Все утопить

Мефистофель

Сей час.

(Исчезает)

(II, 437—438)

У Гете — в одной из последних сцен V акта второй части «Фауста» и одной из важнейших в общем замысле трагедии — мы находим очень сходную ситуацию: между Фаустом и Мефистофелем на берегу моря, в виду большого парусника, приближающегося к берегу, происходит острый и полный раздражения спор о позорной роли колониализма в истории современной европейской цивилизации. Сцена эта озаглавлена «Дворец», и ее тексту предшествует следующая авторская ремарка: «Роскошный сад, прорезанный большим, ровно выведенным каналом. Фауст, в глубокой старости, задумчиво прогуливается по саду». До него доносятся ужасающие его слова, которые Линцей (Глашатай), стоящий на башне дворца, говорит в рупор:

Линцей

Садится солнце, подплывая,
Бегут последние суда.
Вот барка в порт вошла большая
И к нам в канал идет сюда.
На ней игриво вьются флаги
И махают крепкие стеньги,

И полный счастья и отваги
Тебя восславить боцман рад.³³

Но у Фауста этот корабль, возвращающийся из далеких заморских краев с награбленными колониальными товарами, вызывает глубокое отвращение: ему ненавистен и самый вид этого парусника, и все богатства, которые он ему везет. «О, если б прочь отсель уйти!» — восклицает Фауст, видя, что корабль быстро приближается к берегу. Линцей продолжает вещать с высокой дворцовой башни:

С вечерним ветром мчится барка
На парусах, нагружена
Пестро, блистательно и ярко,
Мешков и ящиков полна. . .³⁴

Следующая за этим авторская ремарка гласит: «Подходит великолепная барка, богато нагруженная произведениями чужих краев». Появляются Мефистофель и с ним «Трое сильных», которые привезли Фаусту на барке богатства и ожидают от него награды как от своего владыки.

По остроумной догадке А. Менье, эта «барка» внушена Гете тем «трехмачтовым испанским кораблем», который в «Сцене» Пушкина Фауст велит «утопить» Мефистофелю. Для такого сопоставления на самом деле существуют достаточные основания: оба корабля, о которых говорится у Пушкина и у Гете, — типичные «пиратские» корабли, возвращающиеся в Европу с награбленной добычей. У Пушкина эта добыча, вывезенная из тропических регионов Африки или Южной Америки, исчислена совершенно точно: названы не только вещи и предметы, но и живые существа; у Гете она несколько обобщена в соответствии со стилистическими особенностями второй части «Фауста» — ощутительно проявляющими себя наклонностями автора к символике и аллегоризму.³⁵ В пушкинской «Сцене» именно Мефистофель перечисляет, что везет большой («трехмачтовый») корабль; Менье догадывается, что изображаемая Гете «барка» нагружена тем же самым товаром.

Гораздо существеннее указанного сходства тот спор, который в трагедии Гете завязывается между Фаустом и Мефистофелем при виде разгружаемой «барки» — он как бы продолжает тот диалог между ними, который обрывается у Пушкина. Некоторые исследователи не сумели оценить многозначительность неожиданной развязки пушкинской «Сцены»; А. Менье ссылается, в частности, на своего предшественника и соотечественника французского слависта Жюля Легра, сопоставлявшего «Сцену из Фауста» Пушкина с творением Гете и отказавшегося признать какой-либо интерес в пушкинской концовке.³⁶ Для А. Менье, напротив, лаконичное приказание Фауста («Все

³³ Пользуюсь лучшим и наиболее точным из русских переводов: Гете И.-В. Фауст, ч. II. Пер. Н. А. Холодковского. М.—Л., «Academia», 1936, с. 280. В статье А. Менье «Пушкин и окончание второго Фауста» цитаты из «Фауста» приведены во французском переводе или немецком оригинале.

³⁴ Гете И.-В. Фауст, ч. II, с. 280.
³⁵ См.: Emrich Wilhelm. Die Symbolik von Faust II. Sinn und Vorformen. Frankfurt a. M.—Bonn, 1964.

³⁶ Legras Jules. Pouchkine et Goethe, la scène tirée de Faust. — *Revue de Littérature comparée*, 1937, vol. XVIII, № 65, p. 117—128.

утопить») полно смысла и значения для истолкования всей сцены в целом. Это не столько нигилизм или человеконенавистничество, сколько безоговорочное осуждение колониального грабежа. А. Менье убежден, что именно так отнесся бы к этой концовке и Гете, даже в том случае, если бы он знал пушкинскую сцену только в устном пересказе. Недаром Гете вкладывает в уста Мефистофелю откровенную апологию ширатства и колониальных захватов и заставляет Фауста осуждать такую практику с гневом и досадой. Это принципиальный спор между владыкой и слишком расторопным слугой о пороках и язвах современной жизни; этот спор представляется очень важным в трагедии не только потому, что он является последним в жизни Фауста, но и потому, что он имеет характер итога всего им пережитого и переживаемого.

Слова Мефистофеля у Гете, похваляющегося перед Фаустом привезенным грузом, полны не только жестокой правды, но и проникнуты сарказмом и горькой усмешкой: он славит «свободное море», которое освобождает мысль и поглощает всяческое преступление; это лучшее поприще для ненаказуемого разбоя и наиболее легкий способ для обогащения. Он говорит о разгружаемом корабле:

Nur mit zwei Schiffen ging es fort
Mit zwanzig sind wir nun im Port,
Was grosse Dinge wir getan
Das sieht man unsrer Ladung an.
Das freie Meer befreit den Geist,
Wer weisst da, was Besinnen heisst! etc.

(Акт V, стихи 11173—11178)

См. эти стихи в переводе Н. А. Холодковского:

Мы вышли с парой кораблей,
Теперь же в гавани твоей
Их двадцать: много было нам
Хлопот: их плод ты видишь сам.
В свободном мире дух всегда
Свободен: медлить, разбирать!
Не станешь: надо смело брать!
То рыбу ловишь, то суда,
Уж скоро три я их имел,
Потом четыре; там, забрав
Еще корабль, — пятью владел.
Имеешь силу, так и прав!
Лишь был бы наш карман набит.
Кто спросит, как наш груз добыт?
Разбой, торговля и война —
Не все ль равно? Их цель одна.³⁷

³⁷ Гете И.-В. Фауст, ч. II, с. 282. Приводим заключительные стихи цитаты (стихи 11186—11188) в оригинале, так как они заключают в себе очень существенную мысль, облеченную в отточенную афористическую форму:

Ich müsste keine Schiffahrt kennen:
Krieg, Handel und Piraterie,
Dreienig sind sie nicht zu trennen,

т. е. «Война, торговля и ширатство триединны и неразлучны».

Эти слова Фауст слышит от Мефистофеля в присутствии корабельщиков, которые замечают явное недовольство ими Фауста и его полное безучастие к привезенному для него богатству:

Т р о е с и л ь н ы х

Привета нет,
И нет наград,
Как будто дрянь
У нас, не клад!
На нас глядит
И царский дар
Ему претит.³⁸

Исследователям и комментаторам второй части «Фауста» оставалось недостаточно ясным, как Гете удалось найти развязку трагедии, и трудно было представить себе логический ход творческой мысли автора в столь, казалось бы, резких и внезапных переходах его героя от эгоистического самоудовлетворения к упадочному, скептическому сомнению и, наконец, к мощному духовному взлету перед самой его гибелью — к утверждению общепользительной деятельности как высшей цели жизни. Гипотезы Б. Я. Геймана и Андре Менье, если они верны, могут бросить, каждая на свой лад, некоторый свет на конечное просветление Фауста в заключительных сценах трагедии. Размышления Фауста о море как о враждебной человеку стихии, искажающей его нравственный облик, когда он всецело доверяется ей, и грозящей ему физическим истреблением, когда он пытается призвать ее себе на помощь, — таков мог быть тот клубок мыслей, который получил художественное претворение и воплощение в финале «Фауста», творческими импульсами которого служили для Гете постоянно тревожившие его мысли о наводнениях в Петербурге и хотя бы мимолетное знакомство со «Сценой из Фауста» Пушкина.

Напомним, что после сцены с приходом корабля и спора с Мефистофелем развязка трагедии наступает быстро. Короткие сцены следуют одна за другой. Послав проклятия корабельщикам за морской разбой и «дикую силу» и упрекая Мефистофеля за то, что он слишком быстро выполнил его приказ, погубив в огне Филемона и Бавкиду в их мирном патриархальном жилище («И слишком скоро все свершилось. . . Я тому выпой!»), Фауст остается один. В полночь появляются перед ним «четыре седые женщины» — Порок, Грех, Забота и Нужда,³⁹ которым он неподвластен. И только тогда, когда его, умирающего, ослепляет Забота, он как бы прозревает духовно, охваченный жаждой созидательного труда, и даже в бреду принимает стук могильных лопат за шум от воздвигаемой плотины. «Фауст, — гласит ремарка, — говорит, выходя из дворца, ошущью, у дверных косяков»:

Как звон лопат ласкает ухо мне!
Здесь вся толпа мой замысл исполняет,
Она кладет предел морской волне,
С собою землю примиряет,
Грань строгую для моря создает. . .⁴⁰

³⁸ Гете И.-В. Фауст, ч. II, с. 282.

³⁹ В оригинале: «Mangel, Schuld, Sorge, Not».

⁴⁰ Гете И.-В. Фауст, ч. II, с. 295—296.

Гипотезы А. Менье о вдохновляющей роли, которую могло сыграть для Гете при окончании им второй части «Фауста» знакомство со «Сценой из Фауста» Пушкина, очень заманчивы, хотя еще не доказаны полностью и требуют, вероятно, дополнительных изысканий. Свою статью А. Менье начинал с установления возможности знакомства Гете с интересующей нас «Сценой» Пушкина. Хронологически такая возможность неопровержима (вторую часть «Фауста» Гете заканчивал в 1831 г.);⁴¹ фактическое же знакомство Гете предполагалось Менье на довольно шатких основаниях (через Жуковского, приехавшего в Веймар в 1827 г. и даже, по старой легенде, привезшего Пушкину подарок от Гете в виде пера и сопровождавшего его стихотворного послания). Хотя достоверность этой легенды была давно под подозрением и уделивший ей особое внимание С. Дурьилин отрицал не только ее возможность, но сомневался и в более позднем знакомстве Гете с произведениями Пушкина, все же даже этот внимательный и авторитетный исследователь писал, что «слышать от Жуковского о Пушкине Гете, конечно, мог: обидная краткость дневника Жуковского, где целое посещение великого веймарского поэта объясняется иной раз одним словом „Гете“, допускает полную вероятность того, что такой разговор о Пушкине не удостоился отметки».⁴²

Доказательность указанной гипотезы в известной степени ослабляется тем, что в ней идет речь о возможном воздействии на Гете в 1827 г. русского поэтического произведения, напечатанного лишь год спустя и, следовательно, известного вероятному передатчику его лишь в рукописи. Не забудем, однако, что таким посредником мог быть в данном случае не один Жуковский: ⁴³ за эти и последующие годы у Гете побывало в Веймаре множество русских путешественников и среди них немало литераторов и переводчиков. За последнее время после известных работ С. А. Дурьилина и В. М. Жирмунского, в которых подвергнуты были анализу контакты Гете с русскими литераторами, появился ряд работ, в которых опубликованы новые данные об этом и высказаны свежие соображения.⁴⁴ Существенно, что «Сцена» Пушкина, как уже было указано выше, напечатана впервые в журнале «любомудров» — «Московском вестнике» в 1828 г., где и ранее печатались критические статьи

⁴¹ М е н ь е А. Puškin et la conclusion du second Faust, p. 99—100. Менье ссылается на указанную выше работу В. Эмриха и статью К. Эро (A u r a u l t K. La structure du V acte dans la deuxième partie de Faust. — Etudes germaniques, 1951, juillet—décembre, p. 231—239). Менье указывает на тематическую близость Пушкина к мотивам IV акта второй части трагедии Гете и особенно к начальным и заключительным сценам V акта. И это позволяет допустить возможность того, что «в творческом сознании старого Гете легко могло созреть зерно, брошенное в него молодым русским».

⁴² Д у р ы л и н С. Русские писатели у Гете в Веймаре. — Литературное наследство, т. 4—6. М., 1932, с. 351—352.

⁴³ В качестве «близкого друга» Жуковского канцлер Мюллер 4 мая 1829 г. представил Гете заехавшего в Веймар А. И. Тургенева, возвращавшегося в Россию из Шотландии (см.: Kanzler von Müller. Unterhaltungen mit Goethe. Kritische Ausgabe v. Ernst Grumach. Weimar, 1956, S. 355—356; переписка Мюллера с Жуковским, сколько знаем, обследована еще не полностью).

⁴⁴ См., например: P r o p p e r M., von Goethe und Puschkin — Wahrheit und Legende. — In: Goethe. Neue Folge des Jahrbuches der Goethe-Gesellschaft, Bd XII. 1950, S. 226; W a h l H. Russische Weisheitsfreunde bei Goethe

о Гете и переводы его произведений; именно в этом году Гете получил первое представление о русском журнале от своего московского почитателя Николая Борхардта, который прислал в Веймар сделанный им русский перевод критической статьи С. П. Шевырева, посвященной образу Елены в «Фаусте». Как известно, эта статья вызвала ответное благодарственное письмо Гете к Борхардту (от 1 мая 1828 г., из Веймара), вскоре получившее известность в России через тот же «Московский вестник» (1828, ч. IX, с. 326). Хотя переписка Гете и Борхардта давно опубликована, русским исследователям Гете не была до недавнего времени известна литературная деятельность Борхардта как переводчика и популяризатора русской литературы среди живших в России немцев, печатавшегося в ревельском журнале «Esthona». ⁴⁵ Здесь можно вспомнить и еще один пример. Молодой русский литератор Н. М. Рожалин, член редакции «Московского вестника», лично знавший Пушкина и состоявший с поэтом в переписке по поводу участия его в этом журнале, побывав в Веймаре, был представлен Гете и писал после этой встречи своим родителям 4 июля 1829 г.: «Гете интересуется всем, что касается до России, читал все какие есть французские, немецкие, английские и итальянские переводы наших стихотворений, расспрашивал меня, что переведено на русский с английского и немецкого, звал на другой день опять к себе». ⁴⁶ Прежние выводы того же С. Дурылина о малом знакомстве Гете с произведениями Пушкина требуют в настоящее время значительных исправлений, в результате которых можно будет с большей уверенностью утверждать, когда и при каких обстоятельствах Гете стала известна и пушкинская «Сцена из Фауста».

Мы имеем все основания предположить, что основательно забытые нашими пушкиноведами разыскания Б. Я. Геймана и А. Менье — о новых аспектах проблемы взаимоотношений Пушкина и Гете — непременно должны будут привлечь их заинтересованное внимание для лучшего истолкования как Пушкина, так и Гете.

5. Пушкин и французская народная книга о Фаусте

В статье 1974 г. «Читал ли Пушкин „Фауста“ Гете?» ¹ Д. Д. Благой еще раз вернулся к своей более ранней работе, дважды напечатанной под заглавием «Фауст в аду», ² в которой была сделана попытка окончательно

und im Goetheshaus (1829 und 1838).— In: Goethe. Vierteljahresschrift der Goethe-Gesellschaft, Bd 2, S. 185; R a a b Harald. Die Lyrik Puškins in Deutschland. Berlin, 1964.

⁴⁵ См.: Ziegengeist G. Borchardt — ein früher Propagandist Puschkins und der russischen Literatur.— Zeitschrift für Slawistik, 1963, Bd VIII, H. 1, S. 10—19.

⁴⁶ Русский архив, 1909, кн. 2, с. 565.

¹ Б л а г о й Д. Д. Читал ли Пушкин «Фауста» Гете? — В кн.: Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974, с. 104—111.

² См.: Б л а г о й Д. Д. Фауст в аду. (Об одном неизученном замысле Пушкина). — В кн.: Исследования в честь акад. Михаил Арнаудов. София, 1970, с. 263—275. Позднее статья вошла в кн.: Б л а г о й Д. Д. От Кантемира до наших дней, т. I. М., 1972, с. 286—303.

утвердить в пушкиноведении ранее высказанную догадку о том, что сохранившиеся в черновых рукописях Пушкина фрагменты, печатавшиеся под различными заглавиями, но более известные под заглавием «адской поэмы», имеют непосредственное отношение к «Фаусту» Гете; такую попытку оправдало заглавие, присвоенное указанным фрагментам в академическом 16-томном «Полном собрании сочинений» Пушкина: «Наброски к замыслу о Фаусте» (II, 380—382).³

В названной выше статье 1974 г., содержащей свод всех дошедших до нас данных о знакомстве Пушкина с творением Гете, Д. Д. Благой писал: «В набросках Пушкина Фауст в сопровождении Мефистофия (?) предпринимает добровольно путешествие в ад, еще будучи живым, с целью узнать, что там творится (?). Такого эпизода во всей фаустовиане нет, за исключением как раз той самой народной книги, из которой Пушкин заимствовал (?) свое название „отрицающего духа“ — Мефистофия — и в которой подобный эпизод имеется (главка 24 «Как доктор Фауст совершил путешествие в ад»); причем совершает он его также по собственному желанию и требованию, но черти его обманывают, и на самом деле все, что там с ним происходит, он видит во сне. Наличие уже двух совпадений делает версию знакомства Пушкина с народной книгой еще более вероятной < . . . > Как и в каком виде книга Шписа могла стать известной Пушкину, требует дальнейшего изучения. Но сам этот факт не заключает в себе ничего невероятного».⁴

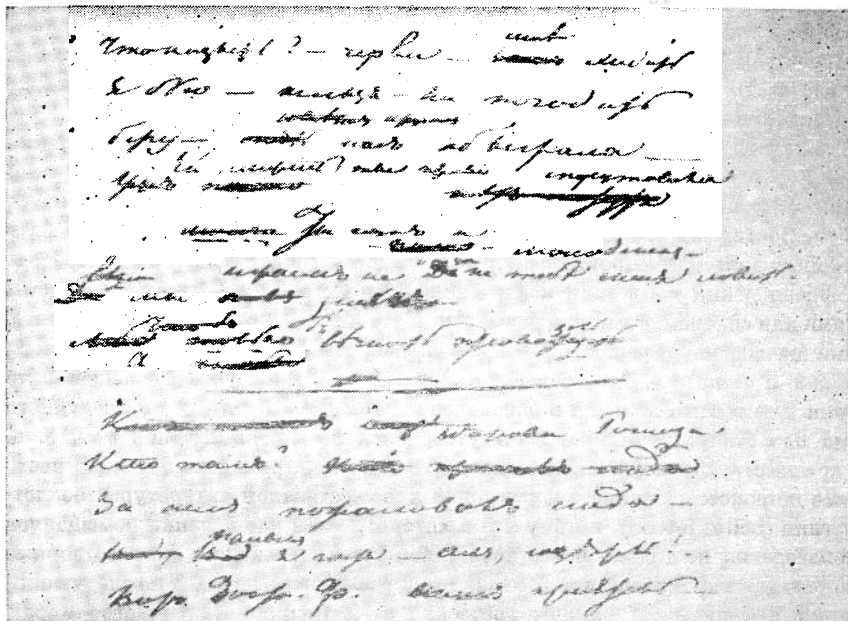
Вопросительные знаки в приведенной цитате проставлены мною; поясню, что они стоят в тех местах, где заключающиеся в них утверждения, с моей точки зрения, не соответствуют истине или вызывают желание видеть дополнительную аргументацию для утверждений подобного рода. Так, например, в рукописных «набросках» Пушкина, о которых идет речь, ни разу нигде не упоминается Мефистофель; не встречается здесь также имя Фауста: лишь в одной строке это имя предполагается читаемым или угадываемым из неразборчивого сочетания букв «Фау» (которое некоторые текстологи раскрывают не как собственное имя, а как наречие «сразу»), а в другом фрагменте фигурирует в виде инициала — «доктор Ф.»; эта буква лишь в 1916 г. была раскрыта как возможный инициал имени Фауста по догадке П. О. Морозова, а затем это имя стало печататься в раскрытом виде, без всяких оговорок, во всех изданиях сочинений Пушкина, вплоть до «большого» академического.⁵

³ Текст этих фрагментов напечатан также в статье Д. Д. Благого «Фауст в аду», даже дважды (с. 263—268 и 270—271), первый раз — в обычной редакции академического издания, второй раз — в собственной, в которой исследователь, по его словам, «попытался придать большую композиционную стройность» этим фрагментам; в таком виде они были напечатаны еще раз в многотиражном издании, вышедшем под его редакцией, см.: П у ш к и н А. С. Собр. соч. в 6-ти т., т. 3. М., изд-во «Правда», 1969, с. 468—470 (6-ка «Огонек»).

⁴ Б л а г о й Д. Д. Читал ли Пушкин «Фауста» Гете?, с. 111—112.

⁵ См. для наглядности воспроизведенный в данном выпуске снимок с рукописи данного фрагмента (с. 99). В статье «Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина» (в кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IX. Л., 1979) я сделал попытку дать более или менее подробную характеристику текстологического изучения всех этих фрагментов. В 1950-е годы Б. В. Томашевский в работе, опубликованной посмертно, вкратце коснулся фрагментов «адской поэмы» — по его словам, «не то поэмы, не то драмы „из адской жизни“, где упоминается и имя Фауста». «Наброски эти настолько

Что касается немецкой народной книги о Фаусте, изданной книгопродавцем Иоганном Шписом во Франкфурте-на-Майне в 1587 г., то категорическое утверждение Д. Д. Благого, что Пушкин именно отсюда якобы «заимствовал» свое написание Мефистофеля с «и» в конечном слоге («Мефистофиль»), как увидим ниже, не только неосторожно и неправдоподобно, но и ошибочно. Тем не менее можно вполне согласиться с тем предположением, которого придерживается Д. Д. Благой, что факт знакомства Пушкина с этой народной

Фрагмент черновика из общей тетради А. С. Пушкина.
(ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 835, л. 54 об.).

книгой «не заключает в себе ничего невероятного» и что «требуется дальнейшего изучения» лишь то, «как и в каком виде книга Шписа могла стать известной Пушкину».

Бесспорный факт знакомства Пушкина с книгой Шписа — правда, в поздней и сокращенной французской переделке — был уже давно установлен в советском пушкиноведении, хотя, как это ни странно, основательно забыт. Бесспорным я называю этот факт потому, что речь идет о неопровержимом вещественном свидетельстве — о книге, принадлежавшей личной библи-

отрывочны, — писал исследователь, — что по ним трудно восстановить сюжет задуманного произведения. Видно только, что в нем присутствовали элементы сильной политической сатиры <...> Однако связь между этими отрывками неясна. Возможно, впрочем, что „Сцена из Фауста“ не имеет отношения к сюжету этих отрывков» (Т о м а ш е в с к и й Б. Пушкин, кн. 2. М.—Л., 1961, с. 92).

отеке Пушкина и ныне сохраняющейся в ее составе; о том, что она была в руках Пушкина, свидетельствует несколько закладок, собственноручно вложенных поэтом в эту книгу.

Книга эта входила в большую серию книг под общим заглавием «Всеобщая библиотека романов» («Bibliothèque Universelle des Romans»), которая выходила в Париже периодически, небольшими томиками (в 12-ю долю листа, в среднем по шестнадцать томиков в год), в течение довольно долгого времени (1775—1789); всего за это время вышло в свет 224 тома серии, а с дополнительными томами полная их коллекция состоит более чем из 300 книг. В библиотеке Пушкина, как видно из описания ее, выполненного Б. Л. Модзалевским, вся серия «Всеобщей библиотеки» сохранилась не полностью; но и дошедшая до нас часть все же довольно значительна, так как в ней числится свыше двухсот томов.⁶

История этого очень популярного в свое время периодического издания ныне хорошо изучена.⁷ Нам известно сейчас, что в первые два года существования «Всеобщей библиотеки романов» ее редакторами-издателями являлись Ж.-Ф. Бастид, маркиз де Польми д'Арженсон и граф де Трессан. Все опубликованные ими здесь произведения беллетристического характера в переводе на французский язык (или извлечения из них), сопровождавшиеся пояснениями или специальными критическими статьями, разделены были составителями на восемь разделов (classes), с нашей точки зрения очень условных, зыбких и нечетких, что, вероятно, объясняется еще существовавшей в то время неясностью понятия и обозначения «roman». В смысле литературного рода или жанра термин «roman» утвердился во Франции лишь в XIX в. В предшествующем столетии заглавие «Библиотека романов» означало нечто более широкое: собрание произведений художественной литературы, беллетристики (belles lettres), потому что в интересующем нас издании помещались произведения не только повествовательно-прозаические, но и стихотворные и порою даже драматические. Все они распределялись в издании по следующим восьми рубрикам: 1) романы греческие и латинские (античного мира); 2) романы рыцарские (сюда вошли «романы круглого стола» с «Тристаном», адаптированным Трессаном, романы из цикла о Карле Великом, «Амадис Галльский» и др.); 3) романы исторические; 4) романы любовные; 5) романы нравственно-философско-политические (romans moraux: spiritualité, morale et politique); 6) романы комические и сатирические; 7) новеллы и сказки; 8) романы о волшебстве (romans merveilleux), сказки о феях, воображаемые путешествия.

Современники «Всеобщей библиотеки романов» очень ценили это большое собрание литературных текстов, с одной стороны, за то, что в нем они всегда

⁶ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, с. 166—172 (№ 640—654). Содержание сохранившихся томов Б. Л. Модзалевский не описывает, но ссылается на указатель по всей серии «Bibliothèque», помещенный в IV томе за 1789 г.: «Table alphabétique des extraits contenus dans la Bibliothèque des Romans. Depuis son origine au mois de Juillet 1775 jusqu'au mois Juin 1789 inclusivement» (с. 172).

⁷ См.: Martin H. Histoire de la Bibliothèque de l'Arsenal. Paris, 1899, p. 38—41; Jacobon. Le comte de Tressan. Paris, 1923, p. 178—179, 188, 219.

BIBLIOTHÈQUE

UNIVERSELLE

DES ROMANS,

OUVRAGE PÉRIODIQUE,

DANS lequel on donne l'analyse raisonnée des Romans anciens & modernes, François ou traduits dans notre langue; avec des Anecdotes & des Notices historiques & critiques concernant les Auteurs ou leurs Ouvrages; ainsi que les mœurs, les usages du temps, les circonstances particulières & relatives, & les personnages connus, déguisés ou emblématiques.

DÉCEMBRE, 1776.

A PARIS,

AU BUREAU, rue du Four S. Honoré, près S.
Eustache, pour Paris & pour la Province.
Et chez DEMONVILLE, Imprimeur - Libraire,
rue Saint Severin

Avec Approbation & Privilège du Roi

Титульный лист журнала «Всеобщая библиотека романов» (1776)
из библиотеки Пушкина.

могли найти хорошо составленные извлечения из произведений, которые не стоило читать целиком или ставить на полки своих личных библиотек, и, с другой стороны, — за сопровождавшие эти тексты вводные заметки об авторах, о месте и времени возникновения их произведений и нечто вроде исторического и реального к ним комментария.

В 1778 г. между маркизом де Польми д'Арженсоном и Ж.-Ф. Бастидом, бывшим фактическим издателем «Библиотеки», возникли разногласия и ссора, повлекшие за собой отказ первого из них от участия в издании «Библиотеки» и вызвавшие некоторые структурные изменения в серии.⁸ Но издание ее продолжалось еще многие годы, и это многотомное собрание книг на самом деле превратилось в огромную библиотеку, дававшую читателям довольно полное представление об истории развития многих разноязычных литератур Европы и характеристику важнейших литературных произведений древнего и нового мира за несколько веков.⁹ Хотя в первые годы издания «Библиотека» была содержательнее, чем в последующие, когда печаталось много второстепенных произведений, малоинтересных и бесцветных, вся серия пользовалась долголетней популярностью как во Франции, так и в других странах. В России она попадала в различные библиотеки, сельские и городские, читалась, а многие произведения, в ней помещенные, переводились на русский язык и печатались отдельно и в русских журналах.¹⁰

Публикация сокращенного изложения французского перевода народной книги о Фаусте относится к первому, лучшему периоду издания «Всеобщей библиотеки романов» — к 1776 г. Оно опубликовано под заглавием «Необычайная и жалостная история Жана Фоста (Фауста), великого и страшного волшебника, а также его ужасающей смерти» («Histoire prodigieuse et lamentable de Jean Fauste, grand et horrible Enchanteur avec sa mort éprouvable»).¹¹ Характерно, что эта небольшая повесть напечатана в «разделе шестом» «Библиотеки», предназначенном для публикации «романов комических, сатирических и мещанских», что не вполне согласуется с содержанием немецкого оригинала. «Histoire prodigieuse et lamentable de Jean Fauste» — это краткое изложение первой французской адаптации немецкой народной книги о Фаусте, вышедшей в 1587 г.; немецкая книга была переведена на фран-

⁸ Ж.-Ф. Бастид (Jean-François Bastide, 1724—1798) был плодовитым писателем и компилятором, на имя которого была выдана лицензия на выпуск всей серии. Пользуясь библиотекой маркиза де Польми (Paulmy d'Argenson, 1722—1798), дипломата и писателя, бывшего также страстным библиофилом и имевшего одну из крупнейших в то время личных библиотек, Бастид издал в «Библиотеке» целый ряд редких и забытых произведений мировой литературы. Поссорившись с маркизом, Бастид, вероятно, лишился также возможности пользоваться его библиотекой, в которой было до ста тысяч книг, в том числе многие редкие издания. Эта знаменитая библиотека в конце концов была завещана парижскому Арсеналу.

⁹ Между 1775 и 1789 г. вышло 224 части «Bibliothèque des Romans»; впоследствии, после перерыва, серия продолжилась под измененным заглавием — «Nouvelle Bibliothèque des Romans»; в 1798—1803 гг. вышло 112 частей этого издания в 56 томах.

¹⁰ См.: Силовский В. В. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 2. СПб., 1910, с. 22, 86—88, 108, 137, 158 и др.

¹¹ Bibliothèque Universelle des Romans. Ouvrage périodique, t. VIII. Paris, 1776, Décembre, p. 69—83.

SIXIÈME CLASSE.

ROMANS SATYRIQUES, COMIQUES
ET BOURGEOIS.

*Histoire prodigieuse & lamentable de
Jean Fauste, grand & horrible En-
chanteur, avec sa mors épouvanta-
ble, &c.*

CU ROMAN, qui est véritablement de la Classe dans laquelle nous le plaçons, est aussi certainement Allemand, puisqu'il a été originairement composé & imprimé dans cette langue dès le seizième siècle, & qu'il eut alors un succès prodigieux en Allemagne. On mit ce sujet en Tragédie, & cette Pièce a été longtemps suivie sur le Théâtre Allemand, avant que ce Théâtre eût été perfectionné & épuré. La grande quantité de machines, de métamorphoses, de prodiges dont elle étoit ornée, attiroit l'admiration du peuple.

Cette Histoire a été traduite en beaucoup de langues, entre-autres, en François; mais elle est devenue rare dans notre langue, & la Bi-

цузский язык и издана через два года после немецкого оригинала, в 1586 г., Пьером-Виктором Каёе (Pierre-Victor Cayet, 1525—1610); его перевод содержит в себе ряд самостоятельных дополнений и переиздавался 15 раз.¹² Насколько можно судить, в адаптации этой книги, опубликованной во «Всеобщей библиотеке романов», сделаны значительные сокращения переводного текста, отсутствует разбивка на главы и новый текст сбивается на пересказ; ему предшествует небольшое редакционное предисловие, которое стоит привести здесь целиком.

«Этот роман (*le roman*) действительно относится к разделу, в котором мы его помещаем, и имеет немецкое происхождение, так как он написан и напечатан на немецком языке в конце XVI столетия и имел в Германии огромный успех. Он дал сюжет для немецкой трагедии, которая долго давалась в Немецком театре еще до того, как этот театр был облагорожен и усовершенствован. Большое количество машин, которыми он был снабжен, и совершаемых в нем чудесных превращений привлекали к нему восхищение народа.

Эта история (*cette histoire*) переведена на множество языков, в частности на французский; но на нашем языке она стала редкой, и библиография Дебора относит ее к числу книг наиболее разыскиваемых. Стоило бы написать длинное рассуждение, чтобы представить в нем человека, которого автор имел в виду, сочиняя эту историю. Некоторые считают, что это был Иоганн Фуст или Фауст (*Jean Fust ou Faust*) из Майнца, один из первых изобретателей книгопечатания;¹³ другие считают, что эта книга — произведение некоего католика, пожелавшего очернить Лютера, представив его эмблематически в виде волшебника; иные, наконец, считают, что доктор Фауст существовал в действительности, что он имел беседы с императором Карлом V и показывал ему удивительные штуки. Ключиус (написавший по-латыни *Annales de Sonate*), а также некоторые другие историки Германии упоминают об этом. Как бы там ни было, к предполагаемой сатирической цели автор прибавил еще свою мораль, заключающуюся в том, что никогда не стоит вверяться демону, что если в течение некоторого времени он может доставлять нам большие преимущества, то затем он заставит нас за них расплатиться достойным

¹² В. М. Жирмунский (*Ж и р м у н с к и й В. М.* История легенды о Фаусте. — В кн.: Легенда о докторе Фаусте. М.—Л., 1958 (сер. «Лит. памятники»), с. 419—420) отмечает, что народная книга о Фаусте «имела широкий международный успех. Вскоре последовал ряд переводов на другие языки, в основе которых лежат различные печатные редакции, сперва самого Шписа, а в XVII—XVIII вв. — его продолжателей» (см. здесь же о переводе Ж. Каёе). Ср.: *D é d é u a n Ch. Le thème de Faust dans la littérature européenne, t. I (Humanisme et classicisme, XVI, XVII et XVIII siècles.) Paris, 1954, p. 98.*

¹³ *Bibliothèque Universelle des Romans, t. VIII, p. 70.* В книге Дж. Смиды (*S m e e d J. W. Faust in Literature. Oxford University Press, 1975*) имеется особая глава (*ch. 5 — «Faust and Fust», p. 99—109*), в которой приведено большое количество данных, заимствованных из печатных источников XVI—XVIII вв., о смещении доктора Фауста с типографшиком Фустом; указание на «*Bibliothèques des romans*» здесь, однако, отсутствует; Дж. Смид, впрочем, отмечает, что популярности этой ошибки в конце XVIII в. в немалой степени способствовал Ф. М. Клингер со своим романом «*Faust's Leben, Thaten and Höllenfahrt*» (1791).

сожаления концом. Эта прекрасная мораль подчеркнута в предварительных размышлениях к книге и в последней речи доктора Фауста к студентам Виттембергского университета. Однако, относясь к этой книге с другой точки зрения, мы выберем для наших читателей из примеров его обманов (*les tours de passe-passe*) особенно необычные и кроме того, такие, по которым можно судить о вкусе немецких писателей XVI в., независимо от того, претендовали ли они на написание правдивых историй или тогда, когда они хотели представить лишь нравственные аллегории». ¹⁴

Таким образом, статья, напечатанная во «Всеобщей библиотеке романов», представляет собою лишь небольшое сокращение из книги Шписа по французскому переводу П.-В. Кайе. Среди избранных из этого перевода страниц для адаптации «Библиотеки» мы находим извлечение из рассказа о путешествии Фауста в ад (соответствующее 24-й главе немецкого подлинника). В адаптации путешествие Фауста в ад является одним из первых эпизодов его жизни после заключения договора с дьяволом: он еще молод и неопытен, умерен в своих желаниях и не умеет пользоваться преимуществом своего положения, неожиданно приобретенным благодаря договору с дьяволом, заключенному на двадцать пять лет. По этому договору Фауст получает беса в качестве слуги или лакея (по имени *Metastophiles*), к которому причислены также в качестве помощников-исполнителей еще около десятка чертей, имеющих каждый свою специальность — для удовлетворения всех прихотей хозяина, приказания которого они обязаны выполнять беспрекословно и мгновенно.

Сначала слуга Фауста занимается тем, что таскает для своего хозяина лучшие куски из яств со столов наиболее богатых жителей Германии, но это были слишком легкие колдовские проказы, а Фауст желал большего. Потом Фауст задумал жениться, но этот пункт был отклонен его слугой, так как он прямо противоречил договору. Тогда Фауст начал составлять «альманахи» (т. е. предсказатели будущего) и имел успех во многих знатных домах, но слуга предупредил Фауста, что эти «альманахи» могут стать пригодными для предсказания и его собственного будущего, и отклонил дальнейшие занятия Фауста этим отнюдь не веселым развлечением. Затем у него возникла новая идея: «Доктору хотелось узнать, как устроен ад. Его бесы (*ses diables*) сопровождали его туда. Он видел (но на этот раз мимоходом) это ужасное место и не без горести задумался о том, что однажды он вступит в это жилище, чтобы никогда больше не выйти оттуда. Чтобы немного утешить его, дьявол заставил совершить путешествие в воздушном пространстве между планетами и звездами. Когда, возвращаясь, он приближался к земле, его внимание обратили на главные страны и важнейшие города Европы. После этих больших путешествий, во время которых он получил столь прекрасные наставления (*il avait reçu si belles instructions*), Фауст становился более ловким (*habile*)». ¹⁵

Так кончается в этой статье изложение интересующего нас эпизода о путешествии Фауста в преисподнюю. Как видим, извлечь из него что-либо или вдохновиться им для пересоздания или полного переосмысления было довольно затруднительно. Литературным источником для Пушкина

¹⁴ *Bibliothèque Universelle des Romans*, t. VIII, p. 69—71.

¹⁵ Там же, с. 72—73.

текст, опубликованный во «Всеобщей библиотеке романов», служить не мог, а возможности познакомиться с книгой Шписа в переводе Кайе — в одном из изданий XVII в. — предположить трудно: все эти издания были редкими и для французских читателей того времени. Единственно, что, может быть, стоило бы учесть — сведения о Фаусте во вступительной заметке к указанной публикации и среди них указание на то, что некоторые писатели считали его историческим лицом и одним из «изобретателей книгопечатания». Об этом писал и Пушкин в написанной им по-французски программе к драматическому произведению о «папессе Иоанне».

Что касается «бесовского слуги» и «злого духа» Фауста, который упоминается во французском тексте — *Metastophiles* (Метастофилес), то это, несомненно, небольшое искажение того имени, которое ему присвоено в немецкой народной книге о Фаусте (*Mephostophiles*) и которое встречается и в других книгах, гравюрах и картинках XVI—XVII вв. В упомянутых выше статьях о Фаусте в творчестве Пушкина Д. Д. Благой, придавая важное значение одной особенности написания этого имени у Пушкина, писал: «У Гете он зовется *Mephistopheles*. Однако в „Сцене из Фауста“ Пушкин это имя систематически (все девять раз, когда оно встречается) пишет в последнем слоге через *и*: Мефистофиль. То же написание в более позднем (1828) пушкинском стихотворении, обращенном к художнику Доу (*Dawe*): „Зачем твой дивный карандаш || Рисует мой арабский профиль? || Хоть ты векам его предашь, || Его освещет Мефистофиль“ < . . > в некоторых изданиях пушкинское написание сохранено лишь в стихотворении 1828 г. — по-видимому, чтобы не ослаблять рифмы: профиль — Мефистофиль. Между тем пушкинское написание через *и* не является ни ошибкой, ни случайной оплошностью. Именно так назван черт в народной книге о Фаусте, которая была издана Шписом в 1587 г.». Заканчивая свое рассуждение, Д. Д. Благой признается, что на данном примере он убедился лишней раз, «сколько необходимо возможно менее модернизировать письменную речь Пушкина, что, как видно из данного случая, не всегда соблюдается даже виднейшими текстологами-пушкинистами. В слове „Мефистофиль“ дело идет об одной букве, а какой существенной эта одна-единственная буква оказывается для исследователей!».

В результате исследователь пришел к удивительному выводу: по его мнению, «в своем усвоении гетевского „Фауста“ поэт не только не ограничился „книгой де Сталь“ (обращался и к французским переводам и, что особенно важно, к немецкому подлиннику), но пошел еще далее: в соответствии с первоисточником всей литературной фаустовианы вообще своим написанием имени Мефистофиль, восходящим к самым истокам ее, „поправил“ в этой, пусть небольшой, но характерной детали самого Гете».¹⁶

К сожалению, это странное, ничем не оправданное умозаключение основано на недоразумении и прямой ошибке: в «первоисточнике» фаустовианы — книге Шписа, а также в других ранних изложениях легенды

¹⁶ Благой Д. Д. Читал ли Пушкин «Фауста» Гете?, с. 110—112. Отметим, кстати, что под «Мефистофилем», упомянутым Пушкиным в стихотворении, обращенном к художнику Доу, подразумевается не персонаж Гете, а прозвище сотрудника «Московского вестника», приятеля Погодина — И. С. Мальцева (см.: Старина и новизна, 1907, т. 7, с. 161).

о Фаусте нигде не встречается то написание имени Мефистофеля, какое мы находим у Пушкина и которому невозможно придать какое-либо значение. Написание с «и» в последнем слоге встречается только у Пушкина. Полагаем, что это свидетельствует не о близком знакомстве Пушкина с подлинными немецкими текстами трагедии Гете или народной книги о Фаусте, а скорее наоборот — о малом, недостаточном знакомстве с ними, особенно с книгой Шписа. По нашему мнению, это очевидный результат усвоения имени Мефистофель на слух, не в печатной, а в устной форме: гласные в конечном неударяемом слоге, особенно при плохой артикуляции говорящего, путаются легко при произнесении вслух слова, состоящего из двух или трех слогов; при этом замена «е» на «и» не имеет никакого смыслового значения.¹⁷ Если Пушкин внимательно всматривался в написание с «и» в конечном слоге имени Мефистофиль, то он должен был заметить также, что в «первоисточнике» легенды о Фаусте, в книге Шписа 1587 г., это имя всегда пишется иначе: Мефостофиль (Mephostophiles), т. е. произведена замена гласной не только в последнем слоге («и» вместо «е»), но и во втором («о» вместо «е»)!

Книга Шписа существует в полном и точном русском переводе, помещенном в исследовании В. М. Жирмунского «Легенда о докторе Фаусте», на которое ссылается и Д. Д. Благой; в этом издании имя Мефистофель упоминается много раз, но не в том написании, которое Д. Д. Благой рекомендует для воспроизведения даже в собраниях сочинений Пушкина: в русском переводе книги Шписа везде печатается Мефостофиль.¹⁸ То же написание (Mephostophiles) можно увидеть на голландской гравюре И. Сихема (XVII в.) «Фауст и Мефостофиль в одежде монаха», где над фигурой монаха сделана отчетливая надпись: «Mephostofiles».¹⁹

¹⁷ Этимологии имени Мефистофель посвящена большая специальная литература, в которой приводится много разнообразных, более или менее фантастических догадок. Некоторые из них проникли и в русскую литературу. Н. Г. Чернышевский в подготовленных для 10-й книжки «Современника» 1856 г., но не появившихся в журнале «Примечаниях к переводу Фауста» говорит по этому поводу: «Происхождение этого имени темно. Обыкновенно производят его от Mephitis (Моровое поветрие). Если такое производство справедливо, вторую половину этого слова легко объяснить греческим словом *philein*: быть приятному. В таком случае Мефистофель значил бы: тот, кому приятно убивать людей» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 783, 866—867). По другим толкованиям, форма Mephostophiles может быть производима от латинского *mephitis* и греческого *philos* (в совокупности — «любящий адский серный запах»); существует также гипотеза, по которой имя Мефистофель получилось от слияния двух еврейских причастий: *mephez* («разрушитель») и *torhel* («лжец»). Нам неизвестна, однако, такая этимология имен злого всеотрицающего начала, согласно которой придавалось бы какое-либо значение написанию его с «и» в конечном слоге. Кроме того, заметим, что имя Мефистофель в мировой литературе чаще всего употребляется в сокращенной форме — «Мефисто» (Mephisto).

¹⁸ См.: Легенда о докторе Фаусте. Издание подготовил В. М. Жирмунский. М.—Л., 1958, с. 52 (гл. 4 — «Второе прение Фауста с духом, называемым Мефостофиелем»), с. 57 («...отвечал дух, что зовется он Мефостофиелем»), 60, 61, 63, 66, 81, 83, 86—87 и др.

¹⁹ Гравюра И. Сихема воспроизведена в книге В. М. Жирмунского «Легенда о докторе Фаусте» на вклейке между с. 56—57.

Следует сослаться еще на статью К. Мармье «Предания о Фаусте», напечатанную в надеждинском журнале «Телескоп» (из «Revue de Paris»). Здесь упоминается французский перевод книги Шписа, сделанный П. В. Кайе (по изданию: Руан, 1604). Имя Мефистофеля имеет здесь то же написание (за исключением еще одной измененной гласной в предпоследнем слоге): Мефостофолис. Публикуя эту статью в своем журнале, Н. И. Надеждин снабдил ее следующим редакционным примечанием: «Статья сия принадлежит Ксаверию Мармье, одному из ревностнейших любителей и лучших знатоков немецкой литературы во Франции. Мы помещаем ее как материал к изучению знаменитого „Фауста“ Гете».²⁰ Статья Мармье могла быть известна Пушкину: «Телескоп» он читал систематически. Указанная статья о Фаусте могла заинтересовать нашего поэта; Мармье привел в ней много любопытных исторических и историко-литературных данных о Фаусте, свидетельства о нем немецких историков и хронистов, указав, кстати, на «некоторых писателей», которые смешивают Фауста с книгопечатником Фустом (с. 388), но в особенности подробно остановился на франкфуртской книге о Фаусте 1587 г., т. е. книге, изданной Иоганном Шписом. Мармье приводит полное длинное заглавие этой повести, сообщая: «Книга сия ныне весьма редка; даже в самой Германии весьма трудно добыть ее» (с. 390), и дает ей следующую характеристику: «Впрочем, не ожидайте, что вы в сей книге найдете повествование о приключениях действительно странных и историю в самом деле такую трагическую, как по заглавию книги можно бы было заключить. Фауст нередко представляется в ней добрым, разгульным малым, коего веселость весьма сходствует с простодушной национальной веселостью немцев, как она описана в известном Зеркале Сов (Eulenspiegel), не носит на себе никаких признаков дьявольской злобы. В Германии нет ни одного бойкого студента, который не мог бы с ним состязаться в некоторых из главнейших примеров его молодечества и безнравственности, нет ни одного фокусника, который не перещеголял бы его в волшебстве. Бедный Фауст отличается иногда таким смирением, бывает в таком замешательстве, что заслуживает истинную жалость. Вместо того чтобы своим помыкать как угодно Мефостофолисом, он боится его; все, получаемое им от дьявола, так маловажно, что весьма немного наберется людей, которые захотели бы за такую цену продать себя дьяволу».²¹

Мы не имеем точных данных, была ли статья К. Мармье, появившаяся в русском переводе в «Телескопе», знакома Пушкину, хотя это достаточно правдоподобно. Но французский оригинал этой статьи был Пушкину известен безусловно, даже в несколько расширенном виде; вся эта статья, первоначально опубликованная в парижском журнале «Revue de Paris» в 1832 г., вскоре вошла в большую книгу К. Мармье «Этюды о Гете» в качестве отдельной главы, дополненной более обширными фактическими сведениями и библиографическими указаниями; книга эта была в личной библиотеке поэта и несомненно читана им именно в той ее части, которая ка-

²⁰ [Мармье К.]. Предания о Фаусте, знаменитом чернокнижнике и колдуне. — Телескоп, 1834, ч. XXI, с. 385—411,

²¹ Там же, с. 392—393,

сается преданий о Фаусте и их традиций в различных литературах Западной Европы.²²

Сколько знаем, указанная книга К. Мармье исследователями Пушкина к изучению истории освоения им «фаустовской темы» не привлекалась, хотя она давно известна в русской библиографической фаустовиане. Напротив, статья о народной книге о Фаусте 1776 г. в «Bibliothèque Universelle des Romans» пушкиноведам давно и хорошо известна; экземпляр ее (с закладками) в составе личной библиотеки Пушкина хранится в Пушкинском Доме в Ленинграде, а подробное указание на нее можно найти в VII томе академического «Полного собрания сочинений» Пушкина, в комментариях к неосуществленным замыслам его «маленьких трагедий».²³

²² Etudes sur Goethe, par X. Marmier. Paris, 1835. Б. Л. Модзалевский, описавший экземпляр этой книги, принадлежавший Пушкину, сопровождал описание следующим указанием: «Разрезано; заметок нет, кроме отметки ногтем на поле на стр. 465. . .» (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, с. 282, № 1135; отметка сделана против фразы об интересе Гете к литературам Востока, сербской, персидской и др.). Оригинал статьи, появившейся в «Телескопе», включен в «Этюды о Гете», в главу «Faust» (La chronique) (с. 67—101; все эти главы напечатаны на с. 53—101). «Фаусту» Гете в этой книге посвящены две последующие главы (с. 158—216 и 217—246).

²³ Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII. Драматические произведения. Л., Изд-во АН СССР, 1935, с. 699.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

«СМЕСЬ ОБЕЗЬЯНЫ С ТИГРОМ»

19 октября 1828 г. лицеисты первого выпуска по обычаю собирались на праздник. Протокол вел Пушкин. Перечисляя присутствующих, он записал: «Собрались на пепелище скотобратца Курнофеиуса Тыркова (по прозвищу Кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а имянно: Дельвиг — Тося, Илличевский — Олосенька, Яковлев — пояс, Корф — дьячок мордан, Стевен Швед Тырков (смотри выше), Комовский — лиса, Пушкин — француз (смесь обезьяны с тигром)».¹ Далее в протоколе Пушкин еще три раза назван «французом».

Лицейская кличка (клички?) Пушкина неоднократно пояснялась самими лицеистами. Комовский в первой редакции своих воспоминаний пояснял, что «по страсти Пушкина к французскому языку <...> называли его в насмешку французом, а по физиономии и некоторым привычкам обезьяною или даже смесью обезьяны с тигром».² Это замечание Комовского вызвало ремарку Яковлева, который протестовал против того, чтобы дружеские клички выносились за пределы интимного круга, но подтверждал, что Пушкина «звали обезьяной, смесью обезьяны с тигром».³

Те же данные сообщил Гаевский со слов Корфа в своей статье, и они прочно вошли в биографическую литературу о поэте. Кличка была, однако, видимо, широко известна за пределами лицейского круга, и она заметно повлияла на восприятие внешности Пушкина современниками и на те сравнения, которые использовали мемуаристы при ее описании. Так, Д. Ф. Фикельмон записала в дневнике: «Невозможно быть более некрасивым — это смесь наружности обезьяны и тигра».⁴ Эти два «зооморфных» сравнения встречаются применительно к Пушкину и в документах, выпущенных из-под пера других современников.

Выражение «смесь обезьяны и тигра» («tigre—singe») было пущено в ход Вольтером как характеристика нравственного облика француза. В период

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 733.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 69.

³ Там же. Показательно мнение Ю. Н. Тынянова, что у Пушкина были в Лицее даже три различные клички: «француз», «обезьяна» и «тигр». В романе он объяснил последние две тем, что Пушкин имел склонность к прыжкам, грыз перья и что «когда он сердился, его походка становилась плавная, а шаги растягивались» (Тынянов Ю. Н. Избр. произв. М., 1956, с. 576).

⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 140.

борьбы за пересмотр дела Каласа, в выступлениях в защиту Сирвена и Ла Барра Вольтер неоднократно обращался к этому образу. Он писал д'Аржанталю, что французы «слыгут милым стадом обезьян, но среди этих обезьян имеются и всегда были тигры».⁵ В письме маркизе Дю Деффан он утверждал, что французская нация «делится на два рода: одни это беспечные обезьяны, готовые из всего сделать потеху, другие — тигры, все раздирающие».⁶ Характеристика эта иногда варьируется: «Арлекины-людоеды!» (в письме к д'Аржанталю от 16 июля 1766 г.),⁷ «танцующие обезьяны» и «рычащие медведи».⁸ Однако именно сочетание «тигр—обезьяна» закрепилось во фразеологическом употреблении, видимо, потому, что опиралось на устойчивую образную традицию: обезьяна — щеголь, петиметр; тигр — тиран, свирепый человек. Соединение этих двух сатирических штампов воспринималось как типовая характеристика француза. Именно с таким значением этот фразеологизм получил распространение. Так его употребляет, например, Герцен в письме к А. А. Тучкову в 1857 г.: «Мы очень близко смотрим на некогда милых (ср. «милое стадо» у Вольтера, — Ю. Л.) tiges—singes и теперь облезших и противно состарившихся».⁹ Ср. в «Моих литературных и нравственных скитальчествах» А. Григорьева: «Француз тоже, за исключением лихорадочных эпох истории, когда милая tigre—singe разыгрывается до головокружения, вообще весьма наклонен к *нравственной жизни*».¹⁰

Итак, «tigre—singe», «обезьяна—тигр» или «смесь обезьяны с тигром» означают «француз». Две лицейские клички Пушкина по сути являются одной кличкой («когда французом называли Меня задорные друзья. . .» — VI, 508) и ее парафразом. Именно так воспринимал это и сам поэт, когда писал вторую в скобках, как расшифровку первой: «француз (смесь обезьяны с тигром)».

Однако кличка, которая в своей первооснове, т. е. применительно к французскому характеру, никаких зрительных ассоциаций не имела, будучи отнесена к Пушкину, получала дополнительные смыслы в связи с некоторыми особенностями мимики и внешности поэта. Одновременно, получив, видимо, широкую огласку, она давала поверхностному наблюдателю готовый штамп восприятия именно внешности.

В период, когда вокруг Пушкина начал стягиваться узел светских сплетен и личность его стала привлекать недоброжелательное любопытство, старая дружеская лицейская кличка в руках его преследователей легко превратилась в направленное против него оружие. Связь с «французом» была окончательно забыта, и на поверхность выступила пасквильная характеристика внешности, что вписывалось в штамп «безобразный муж прекрасной жены». По воспоминаниям В. А. Соллогуба, Пушкин однажды сказал,

⁵ Voltaire. Oeuvres complètes, t. 80. De l'imprimerie de la Société littéraire-typographique, 1785, p. 208.

⁶ Ibid., t. 78, p. 123.

⁷ Ibid., t. 77, p. 473.

⁸ Цит. по: Державин К. Н. Вольтер. [М.], 1946, с. 414.

⁹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XXVI. М., 1962, с. 110.

¹⁰ Григорьев Аполлон. Собр. соч., вып. 1. Под ред. В. Ф. Сародника, М., 1915, с. 73.

что Дантес носит перстень с изображением обезьяны. Дантес был тогда легитимистом и носил на руке портрет Генриха V. — Посмотрите на эти черты, — воскликнул тотчас Дантес, — похожи ли они на господина Пушкина?»¹¹

Сам по себе этот эпизод маловероятен — он представляет интерес для характеристики того светского фольклора, который создавался в эти дни вокруг трагедии Пушкина. Показательно, что здесь эта кличка вкладывается в уста француза Дантеса, т. е. совершенно теряет связь со своим первоначальным значением.

Вот еще один факт. С. Н. Карамзина пишет 23 декабря 1836 г.: «Пушкин по-прежнему ведет себя до крайности глупо и нелепо. Выражение лица у него как у тигра».¹² Образ для сравнения здесь, возможно, подсказан и французской поговоркой: «Jalous comme un tigre» («Ревнив, как тигр»);¹³ однако и совпадение с лицейской кличкой едва ли случайно. Горькая шутка Вольтера, сделавшись лицейской кличкой, с одной стороны, повлияла на мемуарные свидетельства о внешности поэта. Без учета этого мы рискуем слишком буквально понимать документы, вместо того чтобы их дешифровать. С другой, она вплелась в предсмертную трагедию поэта, давая в руки его врагов удобное «объяснение» характера, подлинные размеры которого были выше их понимания,

Ю. М. Лотман

¹¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 297.

¹² Андроников И. Я хочу рассказать вам. . . М., 1965, с. 122.

¹³ В данном случае, конечно, надо думать, что лицо Пушкина было не тигрообразным, а яростным, выражение же ярости шифровалось во французской фразеологии с помощью образа тигра. Мы уже отмечали, что поговорка связывала ревность с маской тигра. В дореволюционной французской фразеологии (и, под ее влиянием, в русской) тигр выступал как символ беспощадности, не только выражавшейся в чувствах, но и захватывавшей область идей. Радищев называл тигром атеиста, убивающего веру в бессмертие души: «О, тигр, ты ее (вечности, — Ю. Л.) не чаешь» (Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., 1941, с. 56). В революционной публицистике понятие «тигр» сделалось лестной характеристикой революционной ярости. Тигром называли Дантона. Пушкин именовал Робеспьера «сентиментальным тигром». Слово это вошло в язык декабристов, причем характерно, что во французской форме. Так, Матвей Муравьев-Апостол на следствии показал, что кн. Ф. Шаховской «говорил, что он готов посягнуть на жизнь государя. После того Сергей Муравьев называл его *le tigre*» (Восстание декабристов. Материалы, вып. III. М.—Л., 1927, с. 108). Свидетельство это вызвало переполох в Следственном комитете, который затеял специальное расследование, домогаясь на очных ставках: «Правда ли, что после того Сергей Муравьев-Апостол не иначе называл его в разговорах, как *le tigre*?» (там же, с. 103). Весь этот колеблющийся ореол значений следует учитывать, когда мы встречаем свидетельства, подобные словам Е. Н. Карамзиной о «тигровой маске» Пушкина.

ОБ АРАБСКОМ ИСТОЧНИКЕ МОТИВА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ В СКАЗКЕ ПУШКИНА

Тема Востока и его отображения в творчестве Пушкина не перестает привлекать внимание исследователей. Выяснение восточных корней и мотивов в сюжетных линиях и образах стихотворных произведений поэта в последние годы вновь легло в основу ряда работ.¹ К числу произведений с восточными заимствованиями относятся и некоторые сказки поэта. Пожалуй, наибольший интерес в этом плане вызывала и вызывает «Сказка о царе Салтане». И в наше время продолжают выявляться восточные параллели или варианты данного сюжета, как показано на примерах из фольклора народов Востока, в частности Средней Азии.²

Восточное начало другой не менее известной сказки Пушкина, «Сказки о золотом петушке», — даже после того как был выяснен ее непосредственный источник (об этом речь ниже) — почему-то не вызвало к себе должного внимания литературоведов и фольклористов. Определение первоисточника (или первоисточников) сюжетной линии и образов сказки требует кропотливой работы. В этом сообщении мы затронем лишь мотив волшебной птицы — петушка и попытаемся определить по крайней мере один из путей, по которому сможет развиваться исследование.

В фольклоре некоторых народов Европы, Востока и Африки встречается образ птицы, которая предвещает что-либо или предупреждает о чем-либо.³ Известен в восточном фольклоре и петух, который извещает о приходе врага.⁴

В сказке Пушкина, созданной в 1834 г. и опубликованной в 1835 г. (III, 557—563), мотив петушка навеян одним таким восточным фольклорным сюжетом, только взят он не прямо из самого источника, а из литературного произведения, в котором этот восточный сюжет использован. Имеется в виду «Легенда об арабском астрологе» из книги новелл американского писателя В. Ирвинга «Альгамбра», выпущенной в свет в 1832 г.⁵

¹ См., например: Белкин Д. И. Индийские мотивы в творчестве А. С. Пушкина. Горький, 1970; Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. Очерки. М., 1974.

² См., например: Оранский И. М. Еще один среднеазиатский вариант «Сказки о царе Салтане». — В кн.: Семинар иранистов Ленинграда. Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А. Н. Болдырева. М., 1969, с. 69—72; Туманович Н. Н. К среднеазиатским вариантам «Сказки о царе Салтане». — Там же, с. 84—87; Винников И. Н. Язык и фольклор бухарских арабов. М., 1969, с. 43—52, 97—101; Оранский И. М. A Folk-Tale in the Indo-Aryan Parya Dialect (A Central Asia Variant of the Tale of Czar Salтан). — East and West. Rome, 1970, vol. 20, N 1—2, p. 169—178.

³ Thompson S. Motif-Index of Folk Literature. Revised and enlarged Edition. Vol. I. A—C. Bloomington, Indiana, 1955, p. 379, B 122.1.

⁴ Ibid., B 122.7.

⁵ The Alhambra, or the new Sketch-Book by Washington Irving. Paris, 1832. Из многочисленных русских переводов «Легенды об арабском астрологе» см., например: Ирвинг Вашингтон. Новеллы. Пер. с англ. А. С. Бовича. М.—Л., 1947, с. 359—376.

Этот непосредственный источник сказки Пушкина установила А. А. Ахматова.⁶ Проведенное ею параллельное сличение текстов двух произведений поэта — чернового наброска «Царь увидел пред собою столик с шахматной доскою» (относится к 1833 г. — III, 304) и самой сказки, с одной стороны, и легенды об астрологе Ирвинга — с другой, показало близость или местами совпадение фабулы у того и другого.⁷ Вывод Ахматовой относительно использования Пушкиным фабулы новеллы Ирвинга подкрепляется фактом наличия в его библиотеке двухтомного сборника «Альгамбра».⁸

В основу сказочных повестей Ирвинга из его «Альгамбры» несомненно положены давние предания об испанских арабах («маврах») с отголосками отдельных событий из многовековой эпопеи мусульманского владычества в Испании и даже в не столь отдаленном от нее Египте. Источниками этих арабо-испанских повестей Ирвинга, насколько известно, никто до сих пор не занимался. Выявление некоторых из них могло бы привести к решению той же проблемы и для «Сказки о золотом петушке», поскольку сюжет ее, как сказано, прямо зависит от «Легенды об арабском астрологе».⁹

Так как в высказываниях Ирвинга нет разъяснений, какие именно рассказы и предания легли в основу «Легенды об арабском астрологе» и откуда, например, заимствован мотив волшебной птицы, попробуем все же обратиться к самой новелле. Могло бы показаться поначалу, что служащий чудесным талисманом петушок у Ирвинга — порождение мира арабо-испанской легенды. Но внимательное прочтение сказки об астрологе убеждает нас, что это не так. На это указывает ряд существенных моментов. Во-пер-

⁶ А х м а т о в а А. А. Последняя сказка Пушкина. — Звезда, 1933, № 1, с. 161—176.

⁷ У Пушкина и Ирвинга имеются, правда, расхождения в том, что касается самого талисмана. Если у Ирвинга действуют совместно бронзовые баран и на нем петушок, которые вращаются на особой оси, то у Пушкина выступает один золотой петушок на спице. У Ирвинга роль флюгера играет баран (поворачивается в сторону, откуда исходит опасность), а петушок кукарекает, у Пушкина же и то и другое выполняет петушок.

⁸ Во французском переводе, который вышел в свет одновременно с английским изданием: *Les contes del'Alhambra, précédés d'un Voyage dans la province de Grenade, t. I—II. Traduits de Washington Irving, par M-lle A. Sobry. Paris, 1832.* См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, с. 256, № 1019.

⁹ Из писем самого Ирвинга явствует, что источники эти были как устные, так и письменные. К первым относились, например, предания об Альгамбре его слуги и проводника Матео Хименеса, которые Ирвинг записал. Ко вторым принадлежали многие старые испанские рукописные и печатные хроники и документы, которыми он пользовался в библиотеках и архивах Мадрида, Кордовы, Севильи, Гранады и других мест Испании. Работая в 1828 г. над своей хроникой о завоевании арабами Гранады («A Cronicle of the Conquest of Granada») и «Альгамброй», он, в частности, читал в средневековом кастильском (или же португальском) переводе историю аль-Андалуса (Андалусии) арабо-испанского анналиста X в. Ахмада ар-Рази. Кстати, в тот же период, находясь в Севилье, Ирвинг общался с английским ученым Дж. Н. Холлом, знатоком персидского и арабского языков. Обо всем этом см.: *The Life and Letters of Washington Irving, vol. II. By his nephew, Pierre M. Irving. London, 1864, p. 237, 291—293, 315, 316, 320, 324; Washington Irving and The Storrows. Letters from England and the Continent, 1821—1828. Ed. by Stanley T. Williams. Cambridge, Mass., 1933, p. 91, 107, 109, 123, 134, 136.*

вых, древний арабский астролог прибыл ко двору властителя Гранады из Египта; согласно легенде, он жил еще во времена Мухаммеда и был сыном одного из сподвижников пророка; в Египет будущий астролог попал ребенком вместе с войском завоевателя страны Амра ибн аль-Аса и поселился там на долгие годы, изучая у египетских жрецов чернокожию и магию; там ему удалось узнать секрет продления жизни, благодаря чему он и живет более двух столетий. Во-вторых, гранадский эмир жалуется астрологу на соседей, вторгающихся в его пределы, на что тот говорит: «Знай, повелитель, что, находясь в Египте, я лицезрел великое чудо, сотворенное некогда языческою жрицею. Над городом Борса, на горе, откуда открывается вид на долину великого Нила, стоит баран и на нем петушок — оба из литой меди, — и они вращаются на особой оси. Всякий раз как стране угрожает нашествие, баран поворачивается в сторону неприятеля, а петушок кукарекает, благодаря чему жители города заранее знают об опасности и о том, откуда она приближается, так что могут своевременно принять необходимые меры».¹⁰

Таким образом, мотив волшебного петушка (как и барана), играющего роль талисмана, у Ирвинга связывается с Египтом, локализуется его пределами. И другие талисманы, которые астролог создает в Испании для гранадского эмира, принадлежат также, как показано в повествовании, к искусству древней египетской магии. Так, для строительства башни с талисманами, возвещающими о нападении врага, он использует камни, привезенные из Египта и снятые будто бы с одной пирамиды. Более того, свое жилище мудреца он устраивает «в соответствии с тем, что он видел внутри пирамид и среди гигантских развалин Египта»: стены пещеры, в которой он поселился, были расписаны египетскими иероглифами, светильники заправлялись ароматическим маслом, приготовленным по рецепту, найденному им в гробницах Египта. Мы видим здесь, что сюжет легенды арабо-испанский, а реалии — иноземные, египетские.

В легенде с вымышленными мусульманскими персонажами и наличием элемента «сверхъестественного» такой акцент на Египте не случаен. Он отражает сложившийся в арабской литературе с раннего времени взгляд на древний Египет как родину ведовства и магии и соответственно на египтян как магов и чародеев. Такое отношение к народу завоеванной страны и к его историческому прошлому вошло в традицию в арабской литературе. Оно развилось, с одной стороны, под влиянием библейских и коранических представлений, а с другой — под сильным воздействием коптского фольклора, влившегося в какой-то своей части в мусульманский фольклор Египта.

Рассказы о чудесах египетской магии сохранились во многих памятниках арабской средневековой письменности, от одного из самых ранних — исторического труда «Футух Миср» Ибн Абд аль-Хакама и до более поздних — «аль-Хитат» аль-Макризи и «Хусн аль-мухадара» ас-Суйути. Наиболее полно древние местные предания о домусульманском Египте собраны в огромном своде аль-Макризи «аль-Хитат».¹¹ Он изобилует рассказами о древних

¹⁰ Ирвинг Вашингтон. Новеллы, с. 361.

¹¹ аль-Макризи. Китаб аль-хитат ва-ль-асар фи Миср ва-ль-Кахира, ч. 1—2. Булак, 1270.

египтянах (коптах), являвшихся, по отзыву греков, самыми искусными прорицателями и чародеями, которые создали знаменитые талисманы в виде говорящих и движущихся изображений животных, птиц и людей, в том числе талисманы для защиты родины от врагов.¹² Создание талисманов во многих городах и местностях страны обычно связывается с фараонами и легендарными царями, которые правили после них. Арабские авторы относят эти талисманы, вернее, рассказы о них, к категории «аджаиб» («диковинки», «чудеса»). Среди них часто встречаются описания изображения птицы (символа магии древних египтян), как абстрактной (та'ир), так и конкретной — петуха (дик), гуся (ивазза), орла или грифа (укаб). Сделана она из золота (иногда с инкрустацией из драгоценных камней), меди, бронзы или каких-либо сплавов или же, реже, из камня. Она всегда находится на возвышении (будь то золотой шар на куполе гробницы царя, городские ворота, колонна или столб из золота или меди, постамент из зеленого стекла и т. п.) и охраняет город от чужеземцев и даже от диких зверей, а царские гробницы от тех, кто пытается овладеть спрятанными в них сокровищами. Хлопаньем крыльев и пронзительным криком птица возвещает об опасности или же, широко раскинув крылья, мешает проникнуть в сокровищницу.¹³

Традиция передачи «аджаиб» о стерегущих птицах-талисманах у арабов достаточно древняя и прослеживается с VIII—IX вв. Один из самых ранних известных нам легендарных рассказов такого рода принадлежит египетскому законоведу Ибн Букайру (770—847) и посвящен поискам сокровищ в одной из гробниц, которые ведет наместник страны Абд аль-Азиз ибн Марван. В качестве стража сокровищ там описан золотой петух (ад-дик мин аз-захаб) на золотом столбе. В момент опасности он приходит в движение, хлопает крыльями и издает удивительный по своей силе крик.¹⁴

Через тысячу лет после Ибн Букайра фольклорный мотив петушка на оси и на спице повторили в своих произведениях В. Ирвинг и Пушкин, причем поражает сходство в изображении самого талисмана у египетского законоведа и у русского поэта: и у того и у другого действует один золотой петушок.¹⁵

¹² Там же, ч. 2, с. 481; Wüstenfeld F. Geschichte der Copten. Aus den Handschriften zu Gotha und Wien mit Übersetzung und Anmerkungen. Göttingen, 1845, S. 14 (см. также с. 3 арабского текста).

¹³ аль - М а к р и в и. Китаб аль-хитат. . . , ч. 1, с. 33, 129, 232—233, 234, 239.

¹⁴ Рассказ сохранился в передаче автора X в. аль-Мас ѳуд: М а с о у д и. Les prairies d'or, t. II. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863, p. 414—417. Рассказ Ибн Букайра цитирует также аль-Макризи: Китаб аль-хитат. . . , ч. 1, с. 40—41.

¹⁵ Ирвинг был знаком с сочинением аль-Масуди (тогда еще существовавшим в рукописи) по описанию, данному французским ориенталистом Ж. де Гинем, см.: G u i g n e s, de. Les Prairies d'or et les Mines de pierres précieuses. Histoire universelle par. . . Masoudi. . . — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi, lus au Comité établi par Sa Majesté dans l'Académie royale des Inscriptions et Belles-Lettres, t. I. Paris, 1787, p. 1—67. Фрагменты из сочинения аль-Масуди (там же, с. 6) он использовал в своей «Истории Нью-Йорка», вышедшей в 1809 г. (кн. I, гл. II — о космологии или сотворении мира), см.: И р в и н г В. История Нью-Йорка. Изд. подготовили А. А. Елистратова, А. Н. Николжкин, В. И. Ровицкий. М.,

Таким образом, выяснилось, что мотив волшебного петушка в новелле В. Ирвинга и соответственно в сказке Пушкина уходит своими корнями в глубь веков. Нити его тянутся в Египет, где волшебные сказки и предания имели древнюю традицию. Преемственность в их передаче и сохранение обеспечивала коптская среда, и не без воздействия этого фольклорного материала сложился у египетских арабов жанр рассказа о диковинках и чудесах.

В новелле о звездочете обращала на себя внимание одна особенность — манера передачи некоторых мусульманских имен. Она идет от первого ее издания на английском языке в 1832 г. и от выпущенного в тот же год французского перевода, который читал Пушкин (кстати, она сохранилась во всех русских ее переводах, вплоть до последних).¹⁶ Такая передача, отражающая общепринятую в арабистике старинную транскрипцию, навела на мысль, что источник новеллы должен быть книжный и относиться к востоковедной литературе, посвященной легендарной истории Египта, и в частности сюжетам древней египетской магии. Искать его следовало скорее всего среди переводов на европейские языки арабских сочинений о Древнем Египте. Непосредственное же обращение к самим источникам исключалось, так как Ирвинг не знал арабского языка.

Среди этого круга литературы нужно было обнаружить соответствие тому месту в «Легенде об арабском астрологе», где содержится описание волшебного талисмана. Следует отметить, что наш поиск был направлен также и на самое местонахождение талисмана — некий город Борса, который называет Ирвинг. Старания отыскать в источниках и на картах неведомый египетский топоним оказывались безуспешными. Они и не могли увенчаться успехом, ибо, как потом выяснилось, такого города на берегах Нила не существовало.

Между тем просмотр и изучение арабских источников и литературы в связи с темой наших занятий — египетской историографией — привели нас к одному арабскому сочинению, посвященному легендарной истории Древнего Египта. Точнее, речь идет о его французском переводе, изданном в Париже в 1666 г. Перевод был выполнен французским арабистом Пьером Ватье по рукописи из собрания кардинала Мазарини, переписанной в 992 (1584) г. и впоследствии утраченной. Произведение следует считать анонимным, ибо его авторство, как полагал И. Ю. Крачковский, было приписано

1968, с. 18. См. также: L u d e n b e r g Н. М. Irving's Knickerbocker and Some of the Its Sources. New York, 1953, p. 22—23. В том же описании де Гиня, которое читал Ирвинг, содержится изложение рассказа Ибн Букайра. Правда, у французского ориенталиста фигурирует «золотая птица», а имя египетского рассказчика опущено (G u i g n e s, de. Les Prairies d'or... p. 26).

¹⁶ Так, завоеватель Египта арабский полководец Амр ибн аль-Ас, который дважды упомянут Ирвингом, дважды же назван им как Амру. Такое написание арабского имени не является опечаткой или каким-либо недоразумением. Оно точно воспроизводит существовавшую в европейской востоковедной литературе вплоть до XIX в. транскрипцию имени عمرو—*Amrou* (Amrou по-французски и латыни, Амру по-английски, Амру или Амру по-немецки),

переводчиком совершенно мифическому лицу — некоему Муртада ибн Афифу.¹⁷ Название сочинения, если верить переводу, в тексте не приводится и дано на титульном листе описательно самим П. Ватье: «L'Egypte de Murtadi fils du Gaphiphe, ou il est traité des Pyramides, du débordement du Nil et des autres merveilles de cette Province, selon les opinions et traditions des Arabes».

Сочинение это представляет, как отмечал в свое время Крачковский, достаточно известный анонимный сборник «Китаб ахбар аз-заман ва-ль-аджаиб аль-булдан» («Рассказы времени и диковинки стран»), сохранившийся в нескольких списках в Парижской национальной библиотеке.¹⁸ Он называется также «Мухтасар аль-аджаиб ва-ль-гараиб» («Сокращение диковинок и чудес») и приписывается без всяких оснований аль-Мас'уди. В Европе с ним впервые познакомились благодаря переводу Ватье.

При просмотре сочинения (назовем его здесь условно Аноним), в котором перечислялись легендарные правители и правительницы, жрецы и жрицы Древнего Египта, встретился один рассказ, посвященный «жрице огня», царице и волшебнице по имени Борса (la Prestresse Borsa).¹⁹ И сразу в памяти возник сказочный город Борса на Ниле из новеллы Ирвинга — местонахождение стерегущего талисмана, сотворенного языческой жрицей. Это заставило нас с особой внимательностью прочесть рассказ. Вот его начало, которое здесь дается в русском переводе: «В этих книгах коптов есть упоминание среди других царей — жрицы по имени Борса, которая вершила правосудие народу, восседая на огненном троне. Когда какой-либо человек приходил просить у нее справедливости и если его дело было правым и он говорил истину, огонь отступал от него. Если же, напротив, это был лжец и обманщик, то, когда он приближался к огню, он тотчас же сгорал < . . . »²⁰ Именно эта царица приказала соорудить барана из твердого красного камня на пьедестале из того же материала. Затем она велела поместить на пьедестале железный стержень и просверлить камень, на котором находилась фигура барана, таким образом, чтобы стержень оказался бы сверху, и она велела поместить на кончике этого стержня челнок из бронзы, передняя часть которого была сделана как голова петуха, а задняя часть — как хвост той же самой птицы. Этот мельничный жернов из камня вращался вместе с бараном движениями ровными и точными. Она велела поместить это на склоне горы, на которой была выстроена впоследствии большая мечеть Ибн Тулуна, — да будет милосердие бога над ним; вот почему еще называют ее горой барана и ее будут так называть всегда. Когда какой-либо враг шел атаковать Египет, этот баран вращался как жернов и отскакивал на той стороне, откуда враг шел, и в то же самое время этот петух пел».

Совпадение содержания этих фрагментов из Анонима и Ирвинга совершенно очевидно. У американского писателя изложение более сжатое и хотя и есть по сравнению с предшественником некоторые различия в деталях, но суть абсолютно та же. Во-первых, и у того и у другого действие проис-

¹⁷ Крачковский И. Ю. Избр. соч., т. IV. М.—Л., 1957, с. 184.

¹⁸ Там же, с. 182.

¹⁹ L'Egypte de Murtadi fils du Gaphiphe. . . Paris, 1666, p. 13—15.

²⁰ Здесь опущен фрагмент, который повествует о дворце для ведения тяжеб, выстроенном по приказу этой жрицы (с. 13—14).

ходит в Египте, на берегах Нила (у Анонима место на горе, где возведен талисман и где впоследствии была построена мечеть Ибн Тулуна, идентифицируется с Каиром); во-вторых, у обоих создательница талисмана — женщина, языческая жрица; в-третьих, и у Анонима и у Ирвинга талисман представляет из себя барана с расположенным над ним петушком, которые вращаются на стержне или оси; в случае нападения на Египет баран поворачивается в сторону врага, а петух издает крик, что дает возможность предупредить нападение. Мы видим, что американский писатель воспроизводит талисман точно так, как он описан у Анонима.

Зависимость от него Ирвинга не вызывает сомнений, и то, что в арабском источнике жрица названа Борсой, а у Ирвинга Борса превращается в топоним, не меняет сути дела.

Чтобы оценить расказ о «жрице огня» и ее талисмана и сделать окончательный вывод, нам следовало заняться поисками сведений об этом легендарном женском персонаже среди других однотипных арабских сочинений о Древнем Египте.

Во французском критическом переводе «Мухтасар аль-аджаиб» Карра де Во, основанном на списках Парижской национальной библиотеки, рассказ о «жрице огня» гораздо меньше по объему,²¹ чем в версии П. Ватье. Он кончается описанием дворца для ведения тяжб, который выстроила эта жрица. Никаких упоминаний о талисмана там нет. Таким же образом обстоит дело и с другими источниками о Древнем Египте, где упоминается легендарная жрица: «Китаб аль-аджаиб аль-кабир» Ибрахима ибн Васиф Шаха,²² «аль-Хитат» аль-Макризи²³ и «Китф аль-азхар мин аль-хитат аль-асар» ас-Сиддики.²⁴ В них рассказы о «жрице огня» также завершаются описанием дворца тяжб, упоминание о талисмана отсутствует. Более того, существуют разные варианты имени жрицы и ни разу она не названа как Борса.

Но это-то как раз и показывает особую уникальность сказки о волшебном талисмана в версии Ватье, которую нигде больше не удалось обнаружить. Французский перевод Ватье был выполнен, возможно, по редкому варианту списка «Мухтасар аль-аджаиб». В нем, как удалось заметить, цитируются источники, отсутствующие в других списках этого произведения.

Из сказанного выше следует вывод о том, что источником Ирвинга в его «Легенде об арабском астрологе» в той части, которая содержит описание талисмана, является анонимное сочинение «Мухтасар аль-аджаиб ва-ль-гараиб» во французском переводе Ватье.

Мотив золотого петушка в сказке Пушкина, следовательно, восходит к этому памятнику в его французской версии. Заключение в нем легендарная история Древнего Египта, как заметил Крачковский, «не основана ни на греческой традиции, ни на иероглифических преданиях».²⁵ Это собра-

²¹ L'Abregé des Merveilles. Traduit de l'arabe d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale de Paris par le Bon Carra de Vaux, 1898, p. 165.

²² По «Краткому каталогу арабских рукописей», подготовленному Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР, под редакцией А. Б. Халидова, и находящемуся сейчас в печати, — № 9594.

²³ аль-Макризи. Китаб аль-хитат. . . , ч. 1, с. 139.

²⁴ По «Краткому каталогу арабских рукописей» — № 9637.

²⁵ Крачковский И. Ю. Избр. соч., т. IV, с. 182.

ние коптского фольклора — преданий и мифов, сохранных в арабской передаче и основанных на богатой письменной традиции коптов. На это указывают часто встречающиеся в тексте ссылки на их книги и свитки. В этом памятнике отразилось стремление коптов прославить свою страну, показать ее былое величие, блеск и мудрость, то, что принято называть «асабийя». Но здесь заключена также и арабо-мусульманская «асабийя», о чем хорошо свидетельствует весьма широкое распространение этих исторических легенд среди самих египетских арабов.

К. А. Бойко

К ИСТОЛКОВАНИЮ ОБРАЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ

Во время последнего приезда в Болдино Пушкин закончил «Сказку о золотом петушке»,

В статьях М. К. Азадовского, М. А. Шнейерсон, И. М. Колесницкой, В. Непомнящего и других, посвященных этой «Сказке», нет объяснений, почему Пушкин нарек царицу Шамаханской, откуда возникло это наименование и чем оно привлекло творческое воображение поэта.¹

Исходя из звуковой ассоциации, А. А. Ахматова увязала имя восточной красавицы с селением Шамаха, славившимся далеко за пределами Азербайджана производством шелка. Шамаха была присоединена к России в 1820 г., хотя русские и английские купцы посещали этот важный торговый центр еще со времен Ивана Грозного.

Пушкин был современником включения в состав русского государства ряда областей Кавказа, однако он сразу остановился на эпитете «шамаханская». В черновиках нет иных вариантов. В то время об этом отдаленном восточном селении можно было прочесть следующее: «Старая Шемаха, представляющая ныне почти одни развалины, была некогда цветущим и значительным торговым городом. Построения ее относят к самой отдаленной древности. Вольтер в истории Петра Великого утверждал, что она одно время была столицей царства Мидийского < . . . > Таламанский шелк < . . . > и по сию пору известен у нас под именем шамаханского».²

Немало любопытного о женщинах из шахского серала в Шамахе Пушкин мог найти в книге голландского моряка Яна Стрейса (Jean Struys), очевидца военных действий Степана Разина. Известно, что какое-то издание его записок Пушкин брал из обширной библиотеки А. С. Норова.³ Пленный дагестанским князем, голландец несколько лет прожил в Шамахе на положении раба. Оба тома записок Я. Стрейса, изданных в 1827 г. в Париже, сохранились

¹ См.: Азадовский М. К. Источник сказок Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 1. М.—Л., 1936; Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 441 и след.; Непомнящий и В. Заметки о сказках Пушкина. — Вопросы литературы, 1972, № 3.

² Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, с. 187.

³ См.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, с. 256, № 1019.

в библиотеке поэта. Писали об этом путешественнике и русские журналы.⁴ В середине 30-х годов о Шамаханской области упоминал в своей кавказской повести «Мулла-Нур» А. Марлинский. Однако Пушкин, создавая образ Шамаханской царицы, оставил в стороне сведения мемуаристов.

Наименование восточной красавицы, как и некоторые из ее поступков, могло быть подсказано поэту иными источниками и обстоятельствами и, как полагаем, менее всего реальной Шамахой. Основание для такого предположения дает стихотворная сказка Павла Катенина «Княжна Милуша».

Пушкин и Катенин — тема в отечественном литературоведении не нова. Достаточно вспомнить классическое исследование Ю. Н. Тынянова «Архасты и Пушкин» или работу более позднего времени — «Павел Катенин» Вл. Орлова.⁵ Творческое взаимоотношение поэтов продолжает и ныне интересоваться филологов.⁶

Сравнительно недавно в исследовании о Катенине было отмечено наличие прямой связи между пушкинским царем Дадоном из «Сказки о золотом петушке» и образом киевского князя Владимира из катенинской «Княжны Милуши».⁷

По нашим наблюдениям, помимо этого, имеет место еще одна форма творческой связи между названными произведениями, в частности между образами Зюльфиры и Шамаханской царицы.

Здесь уместно вспомнить глубоко верное наблюдение А. А. Ахматовой, что «смысловая двуплановость сказки о ссоре царя с звездочетом может быть раскрыта только на фоне событий 1834 года».⁸

Не затрагивая ни истории взаимоотношений поэтов, ни характера пародирования Пушкинскими катенинскими произведениями, отметим, что в начале 1834 г. Катенин опубликовал поэму-сказку, написанную октавами, — «Княжна Милуша».⁹ Критика холодно встретила это произведение, указав на его зависимость от «Руслана и Людмилы» как по общей композиции, так и по очень условному пониманию характера народности. Кроме того, отмечались следы «особенного знакомства» автора с «итальянской поэзией».¹⁰ Об уязвимых сторонах «Милуши» писал позднее и В. Миллер в работе «Катенин и Пушкин».¹¹

⁴ См.: Голландец Ян Янсен Стрейс. Отрывок из опыта «Истории путешествия в Россию». — Северный архив, 1824, ч. 9, с. 275—290. См. рецензию на немецкий перевод 1832 г.: Журнал Мин-ва нар. просвещения, 1834, ч. 15, с. 327—328.

⁵ Орлов Вл. Пути и судьбы. Л., 1971, с. 127—178.

⁶ Илюшин А. А. К истории статьи Пушкина о «Сочинениях и переводах в стихах Павла Катенина». — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Горький, 1971, с. 79—83; Киреева Э. Н. Катенин и Пушкин. (Проблема историзма). — В кн.: Вопросы художественного метода, жанра и характера в русской литературе XVIII—XIX вв. Сб. трудов Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1975, с. 69—81.

⁷ См. вступительную статью Г. В. Ермаковой-Битнер в кн.: Катенин П. А. Избр. произв. М.—Л., 1965 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 50.

⁸ Ахматова А. А. Последняя сказка Пушкина. — Звезда, 1933, № 1, с. 175.

⁹ Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 653.

¹⁰ Молва, 1834, № 14, с. 219.

¹¹ Пушкинский сборник. Статьи студентов Московского университета. Под ред. проф. А. И. Кирпичникова. М., 1910, с. 37—38.

Единого мнения о художественных достоинствах этого произведения нет и сегодня.

10 марта 1834 г. Катенин писал Пушкину: «Посылаю тебе, любезнейший Александр Сергеевич, только что вышедшую из печати сказку мою» (XV, 115). Письмо, в котором Пушкин назвал «Княжну Милушу» лучшим произведением Катенина, не сохранилось, но факт этот известен (XVI, 26). Катенин справедливо уловил в ответе больше дипломатического такта, чем подлинной оценки произведения.

Личных встреч после марта 1834 г. между писателями, к сожалению, не было, но Пушкин вряд ли пожелал ограничиться только письмом к автору. Известно, что для него и в середине 30-х годов «катенинские проблемы продолжают жить»; он, по его словам, только один «не устает задумываться над принципами поэтического творчества Катенина»,¹² который «всегда шел своим путем» (XI, 220).

В «Княжне Милуше» юный герой Всеслав, «боец и воин с детства», лишившийся, как и пушкинский Руслан, невесты во время брачного пира (ее увезла на воздушной колеснице колдунья Проведа), отправляется на поиски, которые оказались очень длительными. Во второй песни «Княжны Милуши» Всеслав случайно вступает в боевой спор «о державе ханской» между Моргудом и Зюльфирой, дядей и племянницей, за владение землей, «той славной Шамаханской», которая известна на Руси «по дорогим шелкам». Хитростью и умом сумела Зюльфира склонить на свою сторону русских воинов, призванных ее врагом-дядей. Моргуд надеялся с помощью Всеслава убить венценосную племянницу «и в Шамахе упрочить сан царя». Однако на поле боя Зюльфира с открытым лицом обращается к Всеславу:

Я Шамахи законная царица,
Моим добром корыстится Моргуд
.....
С младенчества сражения мне милы,
И равному не сдамся я врагу.¹³

Хотя автор рисовал Шамаханскую царицу современницей легендарных киевских князей, она лишена конкретных исторических черт. Перед читателем возникает весьма условный образ восточной красавицы, по-мужски воинственной, твердой в решениях, своенравной и смелой в поступках:

Сто юношей и десять дев удалых
Всегда при ней, и все ей равных лет;
Ее наряд отличен пред собором
Лишь головным из яхонтов убором:
Румяней роз, рассыпным искр огнем
Горят они как звезды только днем.¹⁴

Русскому богатырю Всеславу сравнительно легко удастся решить спор в пользу Зюльфиры.¹⁵ В благодарность герой получает приглашение «в ее

¹² Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 45.

¹³ Катенин П. А. Избр. произв., с. 289.

¹⁴ Там же, с. 287.

¹⁵ Исследователи полагают, что в основу отдельных событий второй песни Катенин положил эпизод борьбы религиозных фанатиков-мюридов, имевший

дворце взять отдых от трудов», где ему был оказан «ласковый прием» и он испытал «дремоту сладкую»; Всеслав «руками обнял шею красавицы, поцеловался с нею» и был готов с «царицею Шамахи» забыть — правда, на время — русскую Милушу.

«Законная царица» Шамахи, как и царица из «Сказки о золотом петушке», не соблюдает национальных традиций: не закрывает своего лица от взглядов незнакомых мужчин.

Итак, сказка Катенина повторяла сюжеты и приемы русской поэзии 20-х годов, их жанрово-стиховую форму. Традиции, которых придерживался Пушкин в пору создания «Руслана и Людмилы» и которые увлекли Катенина в начале 30-х, были пройденным этапом. Они принадлежали уже истории.¹⁶

Рассматривая структуру образа Шамаханской царицы из «Сказки о золотом петушке», можно увидеть, как изменились художественные идеалы к 30-м годам, чему в свою очередь способствовали и произведения самого Пушкина.

Между образом «законной царицы» Шамахи Катенина и Шамаханской царицей у Пушкина обнаруживается не столько сходство, сколько различия.

Как и у Катенина, царица в «Золотом петушке», представ перед Дадоном,

Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.

(III, 354)

Как и в «Княжне Милуше», образ Шамаханской царицы у Пушкина не принадлежит ни к определенному типу национальной культуры, ни к определенной исторической эпохе, хотя трактовка его в «Золотом петушке» шла от сказочности, характерной для стиля классицизма, к правдоподобию. Отгалкиваясь от образа, нарисованного Катениным, а точнее, сохраняя лишь имя, Пушкин предложил читателю свой образ Шамаханской царицы, более загадочный, не по-женски жестокий, эгоистичный, но более правдоподобный, хотя во многом и театральный.¹⁷ Пушкин исключил из облика «законной царицы» Шамахи черты воинственности, богатырские поступки, биографические сведения, не заинтересовали его и ориентальная декоративность костюма, описание царской свиты, что так увлекло Катенина. Как показывают черновики, Пушкин поначалу намеревался подробно описать внешность «девицы» («черноброва, круглолица» — III, 1121), но потом оставил подобный замысел, зато усилил в структуре задуманного образа элементы недосказанности, таинственности. Читатель остается в неведении, откуда появилась Шамаханская девица и куда исчезла.

место на Кавказе в 1830—1832 гг. Там благодаря мужеству ханши Пахубике, правительницы Хунзаха, потерпело поражение в схватке с абреками шеститысячное войско имама Кази-мулы. Допускают, что воинственная ханша Пахубике и послужила Катенину прообразом Зюльфиры (см. примечания Г. В. Ермаковой-Битнер к кн.: Катенин П. А. Избр. произв. с. 701).

¹⁶ Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976, с. 38, 39, 47, 48 и след.

¹⁷ О театральности пушкинских сказок писали в последние годы В. Н. Турбин (Филологические науки, 1968, № 6) и В. Непомнящий (Заметки о сказках Пушкина).

Действие обвораживающей красоты Шамаханской царицы поэт зачастую передает косвенно: фактом гибели сынов Дадона и тем, что старик-царь оказался «околдован» «девицей молодой».

Для Пушкина суть образа Шамаханской царицы — в ее красоте, лишенной черт милосердия, гуманизма, а потому и несущей в мир гибель. Он отмечает только результаты мгновенного воздействия ее красоты, силу колдовского очарования:

Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.

(III, 354)

Возможно, Шамаханская царица — тоже колдунья, но только не добрая, как Проведа в сказке Катенина, а злая и коварная: не зря же ополчились против нее и золотой петушок, и скопец «в сарачинской шапке белой», потребовавший от царя именно «девицу» в подарок. Может, мудрец хотел забрать ее у Дадона, чтобы сохранить его для государства, о судьбе которого царь забыл. В. Непомнящий, анализируя структуру пушкинских сказок, справедливо заметил: «Там же, где присутствует чудо, назидание исключается, „мораль“ не нужна».¹⁸

Следуя весьма давней литературной традиции, Катенин хвалил свою героиню в заключительных октавах как пример для «барынь и княгинь» «по всей Руси». Пушкин же своей сказкой показал, что связи между действующими лицами и автором могут строиться на иных началах, чем в «Княжне Милуше» или «Руслане и Людмиле». Между образом Шамаханской царицы, как одним из центральных в «Золотом петушке», и поэтом — отчуждение; между ними дистанция, уходящая в бесконечность. События сюжета, логика образа, а не «произвол» поэта, как в сказке Катенина, приоткрывают зловещий внутренний облик царицы. В этом проявилась перестройка привычной структуры ориентальной сказки. «Механизм» «Золотого петушка», несмотря на то что источником его, помимо «Княжны Милуши», могли быть и, видимо, были и другие литературные произведения, оказался качественно новым: он отвечал духу времени, возросшим и изменившимся историческим и эстетическим требованиям. Об этом аспекте в числе других, кстати, говорит и реплика-резюме: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». «Намек» и «урок» содержат в себе также эстетический заряд, обращенный к другу-сопернику. Желая, чтобы «урок» «доброму молодцу» не выглядел сурово, Пушкин, как нам представляется, специально включил в сюжет своей сказки образ Шамаханской царицы, нарисованный Катениным, но придал ему иные, во многом противоположные черты. Катенин в своей оценке пушкинских сказок этого, к сожалению, не заметил,¹⁹ хотя «Золотым петушком» Пушкин показал современникам, в том числе и Катенину, как должно в середине 30-х годов писать сказки, включающие ориентальные образы.

Д. И. Белкин

¹⁸ Непомнящий В. Заметки о сказках Пушкина, с. 126.

¹⁹ Литературное наследство, т. 16—18, с. 642, 643.

К ДАТИРОВКЕ ОДНОГО ПИСЬМА ПУШКИНА

Известно письмо Пушкина к П. А. Вяземскому: «Вот в чем дело: Рязанским губернатором было сделано представление (№ 11.483) касательно пенсии, следующей вдове Степана Савельевича Губанова, губернского землемера. Жена его в крайности и просит ускорить время получения оной пенсии.

Пожалуйста, мой милый, сделай это через Д. В. Дашкова, от которого дело это зависит. Очень обяжешь и Акулова, у которого пишу эту записку и который о том же тебя просит.

7 мая.

А. Пушкин» (XVI, 113).

Письмо это, хранящееся в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 1, № 1566), написано на белой бумаге с водяным знаком «С. Heidunoff 1829». В изданиях сочинений Пушкина оно обычно датируется 7 мая 1836 г.¹

По тону обращения письмо является «продолжением» недавнего (может быть, в тот же день или накануне) разговора Пушкина с Вяземским, и происходил он в Москве, так как М. А. Окулов, в доме которого Пушкин писал записку, — коренной москвич, директор училищ Московской губернии.²

С. С. Губанов служил губерньским землемером в Рязани в 1828—1829 гг. и умер не позднее 1829 г.³

7 мая Пушкин был в Москве одновременно с Вяземским только в 1827 и 1831 гг., что дает право датировать вышеприведенную записку 1831 г. Д. В. Дашков был в это время товарищем министра юстиции, и Пушкину было известно, что межевые конторы, в том числе и рязанская, входили в это министерство и назначение пенсии действительно зависело от Дашкова. Рязанским гражданским губернатором в это время был Николай Мартынович Грохольский.⁴

Л. А. Черейский

ПУШКИН И МЕМУАРЫ КАЗАНОВЫ

1

Имя знаменитого авантюриста Джованни-Джакомо Казановы де-Сенгальта (вымышленное дворянское звание, 1725—1798 или, что менее вероятно, 1803) Пушкин упоминает четырежды.

¹ См., например: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 137, 308, и др.

² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 285—286.

³ В «Месяцеслове и общем штате Российской империи» на 1829 г. (т. II. СПб., 1829, раздел «Рязанская губерния», с. 142) значится (по состоянию на 8 февраля 1828 г.) «землемер, титулярный советник Степан Савельевич Губанов». В «Месяцеслове. . .» на 1830 г. (по состоянию на 2 декабря 1829 г.) землемером значится уже А. Т. Леонтьев.

⁴ См.: Исторические данные об образовании губерний, областей, градоначальств и других частей внутреннего управления империи. СПб., 1902, с. 127.

В заметке, условно называемой «О записках Самсона», написанной, вероятно, в конце 1829 г. (напечатана в январе 1830 г.), Пушкин между прочим сообщает: «. . .но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильон, Казановы и Современницы» (XI, 94, 366). Стоит отметить, что имя Казановы в рукописи вписано сверху.

Вторичное упоминание относится ко времени до 18 октября 1832 г. На рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» к словам: «Нет сомнения, что Сен-Жермен был шарлатан» — Пушкин дописал: «И шпион. См. Casanova».¹ На следующей странице и Вяземский и Пушкин упоминают видного французского политического деятеля XVIII в., поэта, кардинала Ф. Берни. В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсон доускают, что «замечание Пушкина навеяно мемуарами Казановы, который близко общался с Берни в 1750-е годы», и ссылаются на соответствующее место из IV тома брюссельского издания воспоминаний Казановы 1833 г. (о нем см. ниже).²

Третье упоминание — в I главе повести «Пиковая дама»: «. . .Казанова в своих записках говорит, что он (Сен-Жермен, — С. Р.) был шпион» (VIII, 228) — относится к 1833 г. (о нем речь пойдет особо).

Четвертое — находится в заметке 1835 г. «Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 г.)»; Пушкин написал, что записки эти «не имеют ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы» (X, 295).³

Обстоятельнейшая работа Жозефа Поллио, составившего библиографию сочинений Казановы,⁴ позволяет с полной определенностью ответить на вопрос, что мог прочитать Пушкин из его мемуаров начиная с 1829 г.

Первое издание воспоминаний Казановы вышло на немецком языке («Aus den Memoiren...») в обработке и переводе с французского оригинала Вильгельма Шютца (Schütz). Издание было осуществлено владельцем (с 1820 г.) подлинной рукописи Ф.-А. Брокгаузом в Лейпциге в 12 томах в 1822—1828 гг. Но немецким языком Пушкин владел слабо и едва ли читал Казанову в этом издании.

К тому же изданию восходит французское неполное издание («Mémoires. . .»), вышедшее в Париже в 14 томах в 1825—1829 гг. и представлявшее обратный перевод с немецкого на французский (М. Юнга и А. де Витри).

¹ Вацуро В. Э. и Гиллельсон М. И. Новонайденный автограф Пушкина. М.—Л., 1968, с. 4, 41.

² Там же, с. 125.

³ В 1935 г. в сборнике «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» (М.—Л., 1935, с. 281) в «Перечне статей и рецензий о книгах для помещения в „Современнике“» была опубликована запись Пушкина: «St. Kaz.». В комментарии эта строка была разъяснена как относящаяся к Казанове (там же, с. 282). Однако впоследствии было установлено, что ее следует расшифровать иначе: «St. Raz.», т. е. «Stepan Razine». См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 535; Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти т., т. VI. М., «Художеств. литература», 1976, с. 218, и др.

⁴ Pollio J. Bibliographie anecdotique et critique des oeuvres de Jacques Casanova. Paris, L. Giraud-Badin, 1926. 235 p. (книга редкая, вышедшая тиражом в 600 экземпляров).

Воспоминания Казановы были выпущены книгопродавцем Турнашоном-Моленом (Tournachon-Molin). Пушкин вполне мог знать это издание, но оно отсутствует в наших основных книгохранилищах, и поэтому неизвестно, есть ли в нем упоминание подозреваемого в шпионаже Сен-Жермена.

Первое полное французское издание («Mémoires. . .») выпущено Ф.-А. Брокгаузом в Лейпциге и Понтье и К^о в Париже. Оно состоит из 12 томов и вышло в свет в 1826—1838 гг. Издание было подготовлено по рукописи Казановы при участии проф. Жана Лафорта; оно послужило прототипом для дальнейших перепечаток — переизданий и контрафакций. В частности, среди контрафакций, в основном восходящих к изданию 1826—1838 гг., следует назвать два издания: издание Полена (Paulin), вышедшее в Париже в 1833—1837 гг. в 10 томах (восемь томов вышли в 1833 г., два — в 1837 г.), и брюссельское издание Мелина (Meline), тоже в 10 (?) томах, выпущенных в 1833 г.

Следует упомянуть еще незавершенное парижское издание («Mémoires. . .») Шарля Гейделова (Heideloff) и К^о — вышли лишь два первых тома.

Из этого обзора (он восходит к названной библиографии Поллио)⁵ видно, что репертуар изданий Казановы в 1829, 1832, 1833 и 1835 гг. был таков, что поэт легко мог познакомиться с одной или несколькими из указанных здесь книг.⁶ Р. В. Иезуитова в статье «Пушкин и „Дневник“ В. А. Жуковского 1834 г.» совершенно справедливо указывает, что «чтение в пушкинском кругу произведений знаменитых мемуаристов (Е. Р. Дашковой, Екатерины II, Дидро, Казановы, Маргариты Валуа, упоминаемых выше Жуковским апокрифических мемуаров Людовика XVIII и др.), известных исторических сочинений, обмен мнениями по их поводу, беседы с очевидцами нашумевших происшествий и событий становятся характерной приметой 30-х годов».⁷ Конечно, в Петербурге, в кругу, в котором вращался Пушкин, мемуары популярного авантюриста были достаточно широко распространены. Они «зачитывались», как «зачитываются» сейчас у нас детективные романы. В этом основная причина того, что в наших книгохранилищах воспоминания Казановы представлены мало и плохо, главным образом разрозненными томами разных изданий. Так, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде сохранились лишь одиннадцать из четырнадцати томов издания 1825—1829 гг., пять из десяти томов брюссельского из-

⁵ Pollio J. Bibliographie anecdotique et critique des oeuvres de Jacques Casanova, p. 161—231.

⁶ Остаются библиографически неучтенными публикации отрывков из воспоминаний Казановы в иностранных журналах и альманахах — Пушкин, конечно, мог их знать. В отечественных неперидических изданиях, судя по работе Ник. Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв.» (М., 1965), их не было. В русских журналах Пушкин, насколько мне известно, мог прочитать (в переводах с немецкого) отрывки: «Поединок Казановы с Браницким» (Вестник Европы, 1822, с. 124, № 15, с. 199—215; № 16, с. 266—295) и «Париж в половине XVIII столетия» (Сын отечества, 1823, т. 86, № 25, с. 212—217; № 26, с. 263—272; т. 87, № 27, с. 19—31). Первый из названных отрывков 4 января 1833 г. читал заключенный в крепости В. К. Кюхельбекер. В его дневнике за этот день записано: «. . .пройдоха тут виден на каждой строке, но пройдоха умный» (К ю х е л ь б е к е р В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979 (сер. «Лит. памятники»), с. 218).

⁷ Пушкин. Материалы и исследования, т. VIII. Л., 1978, с. 229.

дания 1833 г. В Библиотеке Академии наук СССР полностью сохранились десять томов издания 1833—1837 гг., но из четырнадцати томов издания 1825—1829 гг. представлено только восемь. В Научной библиотеке Ленинградского государственного университета нашлись только пять из четырнадцати томов этого же издания, и т. д.⁸

Особо следует остановиться на одном, может быть, более позднем издании, обнаруженном нами в Научной библиотеке Ленинградского университета. Его библиографическое описание таково: «*Mémoires écrits par lui-même, suivi de fragments de mémoires du prince de Ligne, vol. I—VIII. Paris, Garnier-frères*». Дата выхода в свет этого издания остается неустановленной. Оно отсутствует у Поллио, его нет ни в «*Catalogue général. . .*», ни в каких иных известных мне источниках. Поэтому ответить на вопрос: мог ли знать его Пушкин — пока невозможно.

Но дело в том, что именно это издание, возможно, вышло вторично в Париже в 1880 г. Оно имеет на обложке и на титульном листе дополнительные данные: «*Nouvelle édition collationnée sur l'édition originale de Leipsick*». Это «новое издание» описано в названных выше источниках и имеется в библиотеках Ленинграда. Так как первое издание обнаружить не удалось, кажется, никому, приходится думать, что «*Nouvelle édition*» — лишь издательская уловка, и это надо понимать в том смысле, что издание новое, ибо сличено с лейпцигским первоизданием 1826—1833 гг.

Так или иначе, но «новое издание» первое и до 1962 г. единственное, содержащее в последнем томе «*Index analytique des Mémoires de Casanova*», занимающий 33 страницы. Среди других восемнадцати отсылок к имени Сен-Жермена на с. 542 такая: «*Espion du duc de Choiseul à Londres, t. V, p. 366*». Текст, содержащийся на этой странице (в главе XIV), не оставляет сомнения в том, что именно его имел в виду Пушкин, когда писал «Пиковую даму» и делал помету на рукописи П. А. Вяземского. Слова эти до сих пор оставались непрокомментированными.⁹

Между тем Пушкин пользовался другим, более ранним изданием.

Повесть «Пиковая дама», как известно, была написана в Болдине в октябре—ноябре 1833 г. Мемуаров Казановы ни в каком издании у Пушкина с собою, конечно, не было. Однако как раз в 1833 г. поэт приобрел и прочитал десять томов упомянутого выше и сохранившегося в его библиотеке брюссельского издания: *Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt, écrits par lui-même. Edition originale, la seule complète. Bruxelles, J. P. Meline, Libraire-éditeur, 1833*. Все тома полностью разрезаны, но никаких пометок не содержат.¹⁰

⁸ Даже такое издание, как «*Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Auteurs*» (vol. XXIV. Paris, 1905, col. 500—503) не отражает всех изданий Казановы, а один раз содержит помету: «*Incomplete*».

⁹ Это относится, в частности, к заметке: Б э л з а С. За пушкинской строкой. — Наука и жизнь, 1974, № 9, с. 114—116.

¹⁰ См.: М о д з а л е в с к и й Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, с. 185, № 706. По-видимому, это издание имело продолжение. В библиотеке Пушкинского Дома Академии наук СССР есть XII том этого издания с тем же обозначением: «*Bruxelles, 1833*», такого же формата и оформления. Но на титульном листе в отличие от всех предшествовавших томов отсутст-

Для того чтобы найти в брюссельском издании обнаруженное в издании 1880 г. упоминание «шпиона» Сен-Жермена, пришлось терпеливо просмотреть все тома, читанные Пушкиным. Последовательность текста в изданиях разная; притом твердой уверенности, что нужное место вообще будет найдено, у меня не было — как известно, тексты воспоминаний Казановы существуют в ряде подлинных и фальшивых версий.¹¹ Пушкин мог прочесть запомнившиеся ему строки и в ином издании.

Брюссельское издание в Ленинграде нашлось: в Государственной Публичной библиотеке — тома III, V, VI, VII, VIII, в Пушкинском Доме — тома II, III, IV, V, X. Тома I и IX сохранились только в личной библиотеке Пушкина, хранящейся в Пушкинском Доме.

Просмотр последовательно производился том за томом: в каждом в среднем почти триста страниц. Интересующие нас слова нашлись, как всегда в таких случаях бывает, к самому концу работы — том IX, глава VIII, с. 243.

Вот эти, интересующие нас слова: «Le duc de Choiseul avait fait semblant de disgracier St.-Germain en France, pour l'avoir à Londres en qualité d'espion; mais lord Halifax, n'en fut pas la dupe; il trouva même la ruse grossière; mais ce sont là des gentillesse que tous les gouvernements se prêtent et se rendent pour n'avoir point de reproches à se faire» («Герцог Шуазель сделал вид, что Сен-Жермен лишился его доверия во Франции, для того чтобы он в качестве шпиона служил ему в Лондоне. Но лорд Галифакс не поддался на этот обман — он даже нашел хитрость неуклюжей. Но это лишь обычные любезности, которыми все правительства обмениваются, чтобы казаться безупречными»). Здесь и далее перевод М. М. Штерн).

Так как это единственное место, в котором упоминается «шпион» Сен-Жермен, можно уверенно допустить, что именно его припомнил Пушкин в Болдине — Казанову он перечитывал совсем недавно. Любопытно, что никаких других упоминаний Сен-Жермена у поэта нигде больше нет.

Оставалось проверить аутентичность текста.

Недавно вышло в свет шеститомное научное издание воспоминаний Казановы. Его библиографическое описание: Jacques Casanova de Seingalt. Histoire de ma vie. [Mémoires]. Edition intégrale. Vol. I—VI. Wiesbaden, F.-A. Brockhaus—Paris, Plon, 1960—1962. Annotations et index par M. et M-me Arthur Hübscher. Это единственное издание, снабженное указателем имен. К сожалению, в библиотеках Москвы и Ленинграда оно отсутствует. Любезности Н. Л. Гурфинкель (Париж) я обязан тем, что получил копии отдельных мест этого издания с упоминанием Сен-Жермена. Нужное место находится в главе I (t. IV, vol. VIII).

Так как новое издание мне держать в руках не пришлось, не могу сказать, какой текст в целом там напечатан и насколько его последовательность и содержание главы соответствуют брюссельскому изданию.

Пушкин категорически и, конечно, по памяти дважды сообщает, что Казанова считал Сен-Жермена шпионом.¹² Буквально такого утверждения вуют слова: «La seule complète». Ни XI том этого издания (если он был), ни XII ни в одной библиографии, насколько мне известно, не отражены.

¹¹ Об этом см.: Pollio J. Bibliographie anecdotique et critique des oeuvres de Jacques Casanova, p. 174.

¹² Этот эпизод с высылкой Сен-Жермена из Лондона относится к 1761 г. Он подробно рассмотрен в работе: Barthold F.-W. Die geschichtliche

у Казановы нет, но оно с очевидностью следует из контекста. Вообще граф Сен-Жермен (конец XVII в.—1784 или 1795) был ненавистным и постоянным соперником Казановы в самых различных областях их разнообразной деятельности.¹³

2

Когда Германн после смерти графини спускался вниз по лестнице, он думал о том, что, «может быть, лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в пилом кафтане, причесанный à l'oiseau royal, прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливец. . .» (глава IV).

Словарь Ларусса разъясняет, что «oiseau royal» — «ancienne sorte de coiffure», и приводит (без ссылки) пример из Вольтера: «. . .coiffés au rhinocéros et à l'oiseau royal» (t. IX, p. 1292).

Пушкин, можно быть уверенным, знал о такой прическе мужчин XVIII в. Возможно, что он припомнил и подходящее место из мемуаров Казановы: «Je me promenais dans une allée, sans plus penser à mon écorcheuse, lorsqu'un petit homme, coiffé à l'oiseau royal, ayant à sa boutonnière un énorme bouquet et portant à son côté une longue flamberge, m'aborde d'un air insolent et me dit sans autre préambule, qu'il avait envie de me couper la gorge» (t. IV, p. 29; глава I брюссельского издания) («Я прогуливался по аллее, не думая о плутовке (трактирщице, — С. Р.), когда какой-то человек, причесанный à l'oiseau royal, с большим букетом в петлице, при длинной шпаге на боку, с наглым видом приблизился ко мне и сказал без всяких околичностей, что он испытывает желание перерезать мне горло»).

Мемуары Казановы охватывают более полувека (с 1741 г.) и доводят изложение до самого конца XVIII в. В т. IX (на с. 270 брюссельского издания) упоминается смерть знакомого Казановы в 1792 г., четыре года назад, — значит, эта часть воспоминаний писалась в замке Дукс гр. Ф.-А. Вальдштейна в Чехии, где Казанова в качестве библиотекаря прожил не менее 13 лет, до самой смерти.

Действие в I главе IV тома, в котором находится упоминание модной мужской прически, относится, как видно из текста, ко времени после 1783 г. Но к 1833 г. эта прическа была уже совершенно забыта — об этом свидетельствует пояснительная (едва ли не издательская?) сноска к словам «l'oiseau royal» — «Petit chapeau sur l'oreille».

Действие «Пиковой дамы» занимает примерно месяц и относится ко времени около 1830 г.¹⁴ Дважды упомянутые (в главах I и IV) «лет шестьдесят назад» ведут нас к семидесятым годам XVIII в. Этот расчет совпадает со временем, описанным Казановой.

С. А. Рейсер

Persönlichkeiten in Jacob Casanova's Memoiren. Beiträge zur Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts, Bd 2. Berlin. Verlag Alexander Duncker, 1846, S. 90—94.

¹³ Об этом см.: Barthold F.-W. Die geschichtliche Persönlichkeiten. . ., S. 94.

¹⁴ См. об этом убедительные соображения: Г у к о в с к и й Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 343.

ЗАМЕТКИ О ПУШКИНЕ

(Комментарий археолога)

1. О гробнице Овидия

Как известно, в нескольких поэтических произведениях, созданных Пушкиным в период южной ссылки, отразилась легенда о том, что Овидий жил в изгнании на территории Молдавии и там же находится его могила. Пушкин знал, что это не соответствует истине: «Мнение, будто [бы] Овидий был сослан в нынешний Акерман, ни на чем не основано. В своих элегиях он ясно [описывает] назначает местом своего пребывания город Томы (Tomii) при самом устье Дуная» (II, 728). Тем не менее он писал о себе:

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед. . .

(II, 187)

и об Овидии:

. . . страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

(VI, 8)

В 1901 г. А. И. Яцимирский выдвинул наиболее популярное до сих пор объяснение этих строк. И. П. Липранди помнил, что Пушкин читал в Кишиневе книгу Дмитрия Кантемира «Описание Молдавии», а там содержится рассказ об уцелевшем в степях под Аккерманом надгробии с латинской эпитафией поэту, покнувшему родину из-за гнева цезаря — Августа. Сведения о памятнике Овидию Кантемир заимствовал у польского историка Станислава Сарницкого, а тот в свою очередь — у курляндца Лоренца Мюллера. В 1581 г. Мюллер видел камень с эпитафией в степях Поднепровья. Показал ему эту достопримечательность польский поэт Еремияж Войновский, скорее всего сам и сочинивший эпитафию. К Аккерману этот памятник приурочил уже Кантемир. Благодаря его книге восходящая к XVI в. легенда стала известна в Молдавии и косвенно повлияла на Пушкина.¹

Все это вполне вероятно. Нужно помнить, однако, и о других возможных источниках.

Когда в конце XVIII в. границы России достигли низовьев Днестра, на левом берегу Днестровского лимана в 1793—1795 гг. была построена крепость Овидиополь. В 1795 г. военный инженер Ф. П. Деволан (брабантский дворянин, перешедший на русскую службу в 1787 г.), возводя укрепления Овидиополя, наткнулся на древнюю могилу. Возникло предположение, что это могила Овидия. Судя по зарисовке Деволана, это было захоронение в ка-

¹ См.: Яцимирский А. И. Румынские параллели и отрывки к некоторым произведениям Пушкина. — Русский филологический вестник, Варшава, 1901, т. XLV, с. 205—213. См. также: Маленин А. И. Пушкин и Овидий. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXIII—XXIV. Пг., 1916, с. 58—59; Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967, с. 92, 103; Формозов А. А. Легенда о гробнице Овидия в русской литературе. — Вестник древней истории, 1976, № 4, с. 122—130.

менном ящике, сопровождавшееся вещами IV—III вв. до н. э. (т. е. не римского, а много более раннего времени). Доктор Метью Гетри послал из Петербурга три доклада о могиле Обществу антиквариев в Лондоне.² О сенсационной находке русских солдат на Днестре оповестили мир и парижские газеты.³

Рисунки Деволана и комментарии к ним опубликованы в двух книгах — англичанки Марии Гетри⁴ и русского академика П. С. Палласа. Гетри верила, что это останки Овидия; Паллас же резонно утверждал, что тот жил и умер значительно западнее.⁵

Не исключено, что Пушкин знал не только книгу Кантемира, но и какое-то из этих изданий или рассказ о находке, сделанной не очень задолго до того, как он сам попал в Бессарабию. Во всяком случае позабавившее Пушкина разъяснение И. П. Липранди, что Овидиево озеро у Аккермана в действительности всего лишь Овечье (не «Овидио́луй», а «Овио́луй»),⁶ придумано не Липранди, а приведено еще у Палласа. Вероятно, и труд Палласа и книга Марии Гетри были в библиотеках Липранди и В. Ф. Раевского, специально собиравших в Кишиневе литературу о Молдавии.

Позднее для своей петербургской библиотеки Пушкин купил другие книги Палласа и Метью Гетри — мужа Марии.⁷

2. К спору Пушкина с Рылевым о щите Олега

В письмах к брату в январе 1823 г. (XIII, 54) и к К. Ф. Рылеву в мае 1825 г. (XIII, 175), в примечании к своей «Песни о вещем Олеге» (II, 741) Пушкин отмечал историческую ошибку в думе Рылева «Олег вещий». Там сказано:

Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.⁸

Пушкин же писал: «Древний герб, с <вятой> Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III. Не прежде. Летописец просто говорит: Также повеси щит свой на вратах на показание победы» (XIII, 176).

² См.: Алексеев М. П. К истолкованию поэмы Радищева «Бова». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, с. 171.

³ См.: Черч А. Овидий. СПб., 1877, с. 158.

⁴ Guthrie M. A Tour performed in the years 1795—96 through the Taurida. London, 1802, p. 16—22, 417—442.

⁵ Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Staalthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd II. Leipzig, 1801, S. 306—308. Книга П. С. Палласа была переведена на французский и английский языки, см.: Observations, faites dans un voyage, entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de Russie dans les années 1793 et 1794 par P. S. Pallas, vol. II. Leipzig, 1801; Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the years 1793 and 1794, vol. II. London, 1803.

⁶ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 306.

⁷ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, с. 74—75, 243—244.

⁸ Рылев К. Ф. Полн. собр. соч. М., 1934, с. 123.

Замечание Пушкина справедливо, но, возможно, ошибка Рылеева не была результатом простого незнания исторических фактов. Дело в том, что в 1575 г. польский историк Мацей Стрыйковский писал о барельефе с изображением всадника на Галатских воротах Константинополя, считая, что это и есть щит Олега. То же повторил М. М. Щербатов в 1770 г.⁹ И. Н. Болтин¹⁰ и Н. М. Карамзин¹¹ отвергли эту догадку. Напомню, что Рылеев работал над «Думами», консультируясь с историком П. М. Строевым.

В петербургской библиотеке Пушкина была книга И. Н. Болтина, критикующая труд Щербатова,¹² но в 1820-х годах он мог знать об этом споре скорее из «Истории» Карамзина или из книги Г. П. Успенского «Опыт повествования о древностях русских». Последняя книга была в свое время у Пушкина,¹³ и интересующий нас вопрос там так же рассмотрен в согласии с мнением Болтина.¹⁴

3. «Археолог» в послании П. А. Катенина «А. С. Пушкину»

В 1828 г. П. А. Катенин и Пушкин обменялись стихотворными посланиями, внешне весьма комплиментарными, а на деле резко полемическими. Смысл полемики вскрыт Ю. Н. Тыняновым,¹⁵ но один момент разъяснения не получил.

В «Воспоминаниях о Пушкине» Катенин писал, что тот не издал его послания, причиной чего явилась, видимо, «шутка слегка над почтенным Историографом и над почтенным Археологом».¹⁶ Историограф — это, разумеется, Карамзин, но кто же «Археолог»?

В стихотворении «А. С. Пушкину» говорится:

С неумным прилежаньем,
Старинным убежден преданьем,
Один ученый наш искал
Подарков, что певцам в награду
Владимир щедрый раздавал;
И, вобрази его досаду,
Ведь не нашел. — Конь, верно, пал;
О славных латах слух пропал:
Французы ль, как пришли к Царьграду
.....
Изволили в числе трофеев
Их у наследников отнять,
Да по обычаю злодеев
В Парижский свой музеум взять;

⁹ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770, с. 205.

¹⁰ Критические примечания генерала майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, с. 220—221.

¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 1. СПб., 1818, Примечания, с. 130.

¹² Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина, с. 14.

¹³ См.: Обер Л. Мое знакомство с Пушкиным. — В кн.: Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, с. 341.

¹⁴ Опыт повествования о древностях русских Гавриила Успенского, ч. II, отд. II. Харьков, 1818, с. 272—273.

¹⁵ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 73—85.

¹⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 188.

Иль время, лет трудившись двести,
Подъело ржавчиной булат,
Но только не дошло к нам вести
Об участи несчастных лат.
Лишь кубок, говорят, остался
Один в живых из всех наград.¹⁷

Древние латы и кубки — это область интересов президента Академии художеств А. Н. Оленина. Он был в ту пору единственным археологом, специально изучавшим утварь русского средневековья.¹⁸ И Катенин упомянул о нем, конечно, не случайно. В 1828 г. Пушкин, увлеченный Анной Олениной, был завсегдаем в доме ее родителей. Таким образом, это еще одна «шарфянская стрела» в послании Катенина.

А. А. Формозов

К ИСТОЧНИКАМ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»

Во времена Пушкина не было принято подробно называть литературные источники, из которых заимствовались те или иные факты и сведения, особенно при написании произведений, содержащих фактический материал. Во всем «Путешествии в Арзрум» можно найти более или менее точно обозначенные ссылки только на три источника, которыми автор пользовался, для подтверждения приведенных в тексте данных (не считая, конечно, чисто литературных цитат и ссылок). Это прежде всего особо отмеченная в предисловии ссылка на французскую книгу «Путешествия на Восток, предпринятые по поручению французского правительства», с некоторыми высказываниями автора которой, Фонтанье, полемизирует Пушкин (VIII, 443), затем упоминание отчета о путешествии графа Потоцкого при описании Дарьяльского устья (VIII, 452) и, наконец, цитируемое замечание путешественника-ботаника Ж. П. Турнфора о том, что «в Арзруме больной может умереть за невозможностью достать ложку ревеня, между тем как целые мешки оного находятся в городе» (VIII, 477).

Однако в «Путешествии в Арзрум» приведено большое количество фактического материала, который мог быть почерпнут Пушкиным из самых различных, хотя и не названных им, литературных источников. В результате исследователям его творчества приходится проделывать большую работу по их отысканию.

В подобных исследованиях помимо общеизвестных методов, связанных с использованием дат, упоминаний, цитат и проч., очень большую пользу, на наш взгляд, может принести подробный анализ тех или иных источников, вкравшихся в литературное произведение только потому, что автор заимствовал сведения из источников, где они по той или иной причине оказались искаженными. В нашей работе мы применили этот метод с целью расширить число

¹⁷ Катенин П. А. Избр. произв. Л., 1965, с. 183—184.

¹⁸ См., например, его книгу «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словен от времени Траяна до нашествия татар» (СПб., 1832).

описанных различными исследователями источников, которыми пользовался Пушкин при написании «Путешествия в Арзрум», и перечисленных в академических изданиях его сочинений,¹ считая одновременно, что подобный анализ позволит в какой-то степени проследить за ходом его мыслей, а значит — заглянуть в творческую лабораторию великого поэта.

Для этой цели мы обратили внимание на неточность в названии города Тбилиси, сразу бросающуюся в глаза любому лицу, знающему грузинский язык.

Во второй главе «Путешествия в Арзрум» Пушкин, описывая Тбилиси, замечает: «Самое его название (*Тбилис-калар*) значит Жаркий Город» (VIII, 458). Обратимся к начертанию этого названия в белой пушкинской рукописи, хранящейся в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 1, № 1031, л. 6).

На одну из неточностей Пушкина обратил внимание И. К. Ениколопов, указавший источник, которым она могла быть внушена: «Неправильное окончание названия „Тбилискалар“ вместо „Тбилискалак“ <...> обусловлено опечаткой в первоисточнике; в русском переводе известной книги Гюльденштедта² Тбилиси обозначен именно так, как он приведен в „Путешествии“, хотя несколькими строчками ниже он показан уже правильно».³

Нисколько не умаляя приоритета И. К. Ениколопова в установлении этого факта, тем более что на основании его замечания во всех академических изданиях сочинений Пушкина начиная с 1940 г. эта неточность исправляется и объясняется в примечаниях к «Путешествию»,⁴ мы считаем нужным несколько подробнее разобраться в остальных неточностях, поскольку это позволяет не только установить, как они возникли, но и более детально выявить литературные источники, которыми пользовался Пушкин,

С самого начала следует отметить, что в названии города Тбилиси допущена не одна, а три неточности. Во-первых, оба слова оканчиваются на согласную букву, что не свойственно грузинскому языку, грамматика которого требует, чтобы имя существительное в именительном падеже оканчивалось на гласную букву (в данном случае на букву «и»). Во-вторых, допущена, как сказано выше, грубая неточность в самом названии — ошибка в последней букве (точнее, в предпоследней, так как по дореволюционной орфографии за ней следовал твердый знак — «ъ»): слова «калар» на грузинском языке нет, должно быть «калаки» (по-грузински «город»). И в-третьих, между словами вставлен дефис, совершенно неупотребляемый в грузинском языке в подобных словосочетаниях.

Прежде чем перейти к анализу этих неточностей, следует, однако, отметить, что помимо И. К. Ениколопова их анализировали также С. М. Бонди⁵

¹ См., например: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VI. М., Изд-во АН СССР, 1964, с. 807—814.

² См.: Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, с. 181.

³ Ениколопов И. К. Пушкин на Кавказе. Тбилиси, 1938, с. 133.

⁴ Однако в неакадемических изданиях это название по-прежнему давалось точно по Пушкину — «Тбилис-калар». См., например: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. IV. М., «Художеств. литература», 1949, с. 429.

⁵ Бонди С. Буква «с» у Пушкина. — В кн.: Бонди С. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. М., 1971, с. 205—206.

и Ю. Н. Тынянов,⁶ которые установили, что начиная с пушкинских времен название города Тбилиси в тексте «Путешествия» печаталось с еще одной неточностью, но уже в первом слове, а именно «Тбими-калар». Эта ошибка, как остроумно разгадал Ю. Н. Тынянов, была вызвана неправильным прочтением пушкинской транскрипции: последние буквы первого слова — «Тбилис» — были приняты издательскими работниками, готовившими первое издание «Путешествия», за слог «ми», что легко проследить по приведенному автографу. Ошибка не была исправлена, несмотря на то что издание осуществлялось под наблюдением автора.

Учитывая, что слова «Тбими» нет в грузинском языке, С. М. Бонди предложил печатать название города Тбилиси в последующих изданиях «Путешествия» так, как это написано у Пушкина (т. е. «Тбилис-калар»), что и делалось с 1930 г.,⁷ а с 1940 г., как сказано выше, исправляется и последняя буква второго слова.⁸

Необходимо также отметить, что С. М. Бонди в своей работе приводит (по рекомендации И. Л. Андроникова) правильное начертание второго слова — «калаки», однако в сноске на следующей странице появляются новые неточности. Он пишет: «. . . правильно, учитывая морфологию тюркского языка, надо было написать „Тбилис-каласи“». ⁹ Если замену буквы «к» буквой «с» можно объяснить очередной опечаткой (на которые так везет этому слову!), то ссылка на тюркский язык мало что разъясняет. Грузинское слово «калаки» (что значит «город»), по-видимому, действительно происходит от слова «кала» и может быть тюркского происхождения (так в средние века назывался квартал Тбилиси, где находилась городская цитадель — резиденция многих иезуитских захватчиков, и грузины могли заимствовать от них это слово), но в данном случае искажению подверглось окончание слова «калаки», а не его корень, причем это выразилось только в одном — отпадении последней буквы.

Следует установить, почему Пушкин, так тщательно соблюдавший начертания «иноплеменных слов», допустил указанные неточности. Разумеется, не приходится сомневаться в том, что он перенес в «Путешествие» ошибку (или опечатку) в названии, приведенном Гюльденштедтом, но откуда в таком случае взялся дефис, которого у последнего нет? Может быть, существовали и другие источники, которыми пользовался Пушкин? Для решения этого вопроса необходимо выяснить, какими описаниями Кавказа он мог располагать и не содержали ли они подобных неточностей, перекочевавших затем в «Путешествие».

⁶ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 198.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. IV. М.—Л., ГИХЛ, 1930, с. 554.

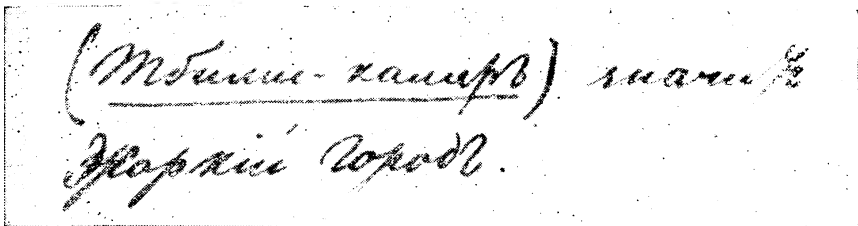
⁸ Но и это не спасло данное слово от очередной опечатки уже в наше время. Если сравнить идентичные академические издания сочинений А. С. Пушкина в 10-ти томах — 1949 и 1964 гг., то выясняется, что название города написано в них по-разному: в издании 1949 г. (т. VI, с. 663) стоит «Тбилис-Калак», а в издании 1964 г. (тог же том и та же страница) — «Тбилис-калык». Буква «ы» заменила букву «а» последнего слога второго слова по явному недосмотру издательства.

⁹ Бонди С. Буква «с» у Пушкина, с. 205—206.

Конечно, наши доказательства приобрели бы еще большую убедительность, если бы в библиотеке Пушкина оказались те книги, о которых мы будем говорить, но в известном списке, составленном Б. Л. Модзалевским, их нет. Поэтому придется довольствоваться косвенными соображениями.

Из сравнительно малого количества допушкинских описаний города Тбилиси Пушкин точно ссылается только на Турнфора,¹⁰ но ему могли быть доступны еще три работы.

Первая из них, уже упомянутая выше книга И.-А. Гюльденшtedта, написанная по данным путешествия этого ученого по Кавказу в 1768—1775 гг., была опубликована на немецком языке в 1787 г. В 1809 г. часть ее в переводе и обработке известного статистика К. Германа была издана на русском языке.

Строка из белого автографа «Путешествия в Арзрум» Пушкина.
(ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1031, л. 6).

Вторая, под заглавием «Путешествие по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах», написанная Клапротом, публиковалась русской Академией наук в 1812—1814 и 1823 гг. только на немецком и французском языках. Третье произведение, анонимное, озаглавленное «Исторические и географические известия о странах, расположенных между Черным и Каспийским морями», вышло в свет сначала в Париже на французском языке (в 1797 г.), а затем в Петербурге на русском (в 1810 г.); книга эта, по свидетельству М. Полиевктова и Г. Натадзе, имела довольно широкое распространение как справочник по Кавказу как раз в то время, когда Пушкин совершал путешествие по нему.¹¹ Именно в этих трех литературных источниках и дается название города Тбилиси в том начертании, которое применялось местными жителями (у Турнфора — во всяком случае в русском переводе — название имеет русское написание — «Тифлис»).

У Гюльденшtedта название города Тбилиси приведено дважды: «... грузины называют его *Тбилискалар*, т. е. теплый город» и (абзацем ниже) «... раньше нижнее предместье, под теплыми банями, и составляло город *Тбилискалаж*».¹²

¹⁰ Перечисленные источники и последующие в тексте ссылки на них даются по монографии М. Полиевктова и Г. Натадзе «Старый Тифлис в известиях современников» (Тифлис, 1929).

¹¹ Полиевктов М., Натадзе Г. Старый Тифлис в известиях современников, с. 50.

¹² Там же, с. 39.

В анонимных «Известиях» это начертание дано по-иному: «Столица Грузии и резиденция князя Гераклия, называемая жителями *Тбилис-кабар* — теплый город».¹³

У Клапрота оно приведено наиболее правильно, хотя и написано латинскими буквами: «Настоящее название этого города *Tphilissi* или *Trphilis-Kalaki*, т. е. „теплый город“».¹⁴

Посмотрим, как повторяются в этих написаниях «сомнительные» буквы. Нетрудно видеть, что повторяемость букв могла оказаться для Пушкина достаточным доказательством правильности их употребления, а однократность, напротив, свидетельством случайности, даже опечатки. Поэтому он и привел такое написание, которое основывалось на более или менее определенной закономерности: принял для написания в конце второго слова букву «р», а в начале последнего слова букву «л», так как они повторялись, как сказано, в приведенных написаниях не менее чем по два раза. Практически это совпало с первым начертанием, приведенным у Гюльденштедта.

Но одновременно Пушкин заимствует у автора «Известий» (и может быть, у Клапрота) дефис в названии города Тбилиси, правильно считая, что здесь не одно, а два соединенных слова и с точки зрения грамматики русского языка их разделение дефисом вполне закономерно.

Однако именно этот дефис и наличие буквы «р» в конце слова (сыгравшее роковую роль при подсчете повторяемости букв) убеждают в том, что Пушкин со свойственной ему тщательностью пользовался при написании названия города Тбилиси не одним, а не менее чем двумя литературными источниками (Гюльденштедтом, анонимными «Известиями» и, может быть, еще Клапротом).

Остается неясным, каким образом появились эти ошибки в двух из указанных источников; и хотя вопрос этот вряд ли представляет в настоящее время достаточно серьезный интерес, но происхождение несвойственных грузинскому языку окончаний на согласную букву можно с уверенностью объяснить тем, что авторы (кроме Клапрота) ориентировались не на чистый грузинский язык, а на городской говор Тбилиси конца XVIII столетия, сильно подвергшийся влиянию других восточных языков, в частности армянского и иранского (как указывает сам Пушкин: «В Тифлисе главную часть народонаселения составляют армяне» — VIII, 458), для которых как раз и характерно окончание слов в именительном падеже на согласную букву.

В заключение следует отметить, что в приведенной в начале нашего сообщения фразе Пушкин допускает еще одну неточность, но уже не в названии города Тбилиси, а в переводе этого названия. Он переводит его как «Жаркий Город», что не соответствует грузинскому значению первого слова. Гораздо правильнее, конечно, сказать «теплый город», как это сделали авторы указанных литературных источников. Здесь, по-видимому, сказались личные впечатления Пушкина, который писал: «Тифлис находится на берегах Куры, в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскалясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух. Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе» (VIII, 458).

¹³ Там же, с. 49.

¹⁴ Там же, с. 66.

Сказанное несколько не удивительно. Пушкин был в Тбилиси в самое жаркое время года — около 1 августа (по старому стилю), когда в дневные часы температура воздуха может достигать 40° С,¹⁵ что совершенно непривычно для жителя средних широт. Вот эта жара (и в особенности сопутствующая ей, при отсутствии ветров, духота) и могла трансформировать в восприятии Пушкина слово «теплый» в «жаркий».

Мы описываем этот факт только с одной целью — показать, что Пушкин в своем красочном, художественном описании путешествия по Кавказу давал предпочтение личным впечатлениям, а не ориентировался на литературные источники, какими бы убедительными они ни были.

Таково происхождение неточностей в названии города Тбилиси, допущенных Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». Нетрудно видеть, что их анализ позволил решить поставленные задачи и вместе с тем доказал перспективность использованного метода для аналогичных исследований.

Л. В. Чаудзе

АНГЛИЙСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК О ВСТРЕЧЕ С ПУШКИНЫМ

Английским знакомствам Пушкина, при всей их относительной немногочисленности,¹ принадлежит весьма заметное место и в светских связях, и в духовном общении поэта. В числе англичан, с которыми в разное время встречался Пушкин, выдающиеся живописцы Джордж Доу и Томас Райт, доктор Хатчинсон (Гутчинсон), крупный негодант Чарлз Томсон, дипломаты Уильям Хейтсбери, Джон Блай, Чарлз Лондондерри, Артур Меджис, путешественники Томас Рэйкс и Колуил Фрэнкленд, рассказавшие о встрече с Пушкиным в своих путевых заметках, и др.

К этому следует добавить еще одно сообщение о встречах с Пушкиным, ранее в пушкинской литературе не отмечавшееся: оно принадлежит английскому офицеру Джеймсу Эдварду Александру, находившемуся в России с мая 1829 по февраль 1830 г. и тогда же описавшему свою поездку в книге «Путешествие к театру военных действий на Востоке через Россию и Крым».²

Касаясь в своих заметках состояния русской литературы, Александр, в частности, пишет: «Причина, по которой мы так мало знаем об огромных успехах русской литературы, заключается в том, что русский язык распространен лишь внутри страны. Известность русских авторов поэтому ограничена, хотя все они, как правило, принадлежат к привилегированному социальному слою. Многие писатели занимаются здесь переводами, но и оригинальные произведения русских авторов многочисленны и по большей части

¹⁵ См.: Климатологический справочник СССР, вып. 14. Л., 1969.

¹ По данным Л. А. Черейского, среди 2500 знакомых и собеседников Пушкина насчитывалось немногим более двадцати англичан (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975).

² Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829. 2 vols. London, Colburn and Bentley, 1830.

отличаются высокими литературными достоинствами.³ Карамзин — великий историограф Севера: его главный труд переведен на французский язык. Я имел удовольствие часто встречаться с поэтами Жуковским и Пушкиным (I had the pleasure of frequently seeing the poets Joukoffsky and Pouskin). Первому доверено обучение наследника престола, которому сейчас 12 лет. Оригинальные произведения Жуковского поражают живостью воображения и глубиной чувств. Ему же принадлежат восхитительные (admirable) переводы „Элегии“ Грея и некоторых произведений Мура и Шиллера. Пушкин столь же успешно владеет могучей лирой Байрона; многие из его оригинальных произведений имеют сатирический оттенок (Pouskin has been equally successful with Lord Byron's vigorous strains, and many of his original pieces have a satirical vein pervading them).⁴

Автор сообщает далее о характере творчества других русских писателей, упоминая, в частности, Батюшкова, Крылова, Дмитриева, Княжнина, Озерова. К сожалению, это первое по времени английское сообщение о личной встрече с Пушкиным⁵ не содержит уточнений относительно того, где, когда и при каких обстоятельствах Дж. Александер встречался с Жуковским и Пушкиным, сколько таких встреч было и т. п. Впрочем, тщательное изучение записок и знакомство с личностью их автора в какой-то мере проясняют некоторые из этих вопросов.

Джеймс Эдвард Александер (Alexander J. E., 1803—1885), потомок аристократического шотландского рода, по семейной традиции избрал военную карьеру, которая завершилась много лет спустя получением высшего в английской армии чина — полного генерала (1881). В интересующий же нас период Александер был еще молодым офицером, который провел несколько лет на военно-дипломатической службе в Индии и Иране, вернулся в Англию, где пополнил свое военное образование в специальном колледже в Сэндхёрсте, и весной 1829 г. направился в Россию с целью ознакомления с боевыми действиями на русско-турецком фронте.

Военная карьера не мешала Александеру жить полнокровной духовной жизнью. Он хорошо знал и любил поэзию, неплохо рисовал,⁶ владел несколькими восточными языками,⁷ внимательно изучал культуру и быт народов,

³ Из текста записок Александера ясно, что он неплохо владел русским языком. В ряде случаев он приводит по-русски разного рода диалоги, передавая русские слова английскими буквами (см., например: A l e x a n d e r J. E. Travels to the Seat of War. . . , vol. 1, p. 81—83, 146).

⁴ A l e x a n d e r J. E. Travels to the Seat of War. . . , vol. 2, p. 249—50.

⁵ А. Грэнвилл, который упоминает о Пушкине двумя годами раньше (G r a n v i l l e A. V. St. Petersburg: A Journal of Travels to and from that Capital, vol. 2. London, 1828, p. 244—246), лично с Пушкиным не встречался; Т. Рэйкс, встречавший Пушкина зимой 1829/30 г., т. е. в те же месяцы, что и Александер, опубликовал свои заметки после смерти Пушкина (R a i k e s T. A. Visit to St. Petersburg in the Winter of 1829—30. London, 1838, p. 84—88, 291).

⁶ Книги Александера изобилуют поэтическими цитатами и собственными зарисовками архитектурных памятников, национальных костюмов и т. п.

⁷ Александер владел хинди, персидским и, по-видимому, основами бирманского и арабского языков. Во время пребывания в Петербурге он встречался с видным ученым-китаистом бароном П. Л. Шиллингом и ирано-ара-

с которыми ему доводилось сталкиваться, и не без занимательности описывал свои путешествия. Еще до поездки в Россию он издал записки о путешествии по Индии, Бирме и Ирану;⁸ к концу своей жизни он был автором более десяти книг — главным образом путевых заметок.⁹

Александр прибыл в Петербург в середине мая 1829 г. и благодаря ходатайству своего влиятельного соотечественника доктора Виллие¹⁰ вскоре получил разрешение посетить район боевых действий на Балканах. В Петербурге Александр провел около полутора месяцев — до начала июля, однако встретиться с Пушкиным в то время он не мог: русский поэт еще 1 мая отправился на юг — тоже с намерением лично ознакомиться с военными действиями на русско-турецком фронте — и до сентября находился на Кавказе. Встречи с Пушкиным могли произойти лишь во время пятидневной остановки Александра в Петербурге на обратном пути в Англию — с 8 января по 15 февраля 1830 г.

В этот свой приезд Александр был представлен императору Николаю I, принят великим князем Михаилом Павловичем, шефом жандармов Бенкендорфом, начальником Морского штаба кн. А. С. Меншиковым. Он побывал на костюмированном балу во дворце, на балах, маскарадах и светских раутах, на банкете в честь открытия нового здания Английского клуба (на углу Мойки и Демидова пер.), катался с ледяных гор на Неве и т. п.

Первые несколько дней своего пребывания в Петербурге Александр находился в британском посольстве в качестве гостя посла лорда Хейтсбери и его супруги. В 1829—1830 гг. Хейтсбери тесно общались с Фикельмонами, Лудольфами, поддерживали дружеские отношения с Карамзиными, Вяземскими, Лавальями; как известно, это был именно тот круг лиц, с которыми виною 1829/30 г. часто встречался Пушкин. Напомним запись в дневнике Д. Ф. Фикельмон от 13 января 1830 г.: «Вчера 12-го мы доставили себе удовольствие поехать в домино и масках по разным домам. Нас было восемь — маменька, Катрин, г-жа Мейендорф и я, Геккерн, Пушкин, Скарятин и Франц. Мы побывали у английской посольши, у Лудольфов< . . > Мы очень позаба-

бистом Х. Д. Френем, а также познакомился с коллекцией восточных рукописей в имп. Публичной библиотеке (Alexander J. E. Travels to the Seat of War. . . , vol. 2, p. 251). Александр перевел (с персидского через хинди) записки Мирзы Итисам-аль-Дина о путешествии во Францию и Англию: *I' t i s ā m a l - D i n i M i r s a . S h i g u r f N a m a h i V e l a æ t . W i t h a n E n g l i s h v e r s i o n a n d n o t e s b y J . E . A l e x a n d e r . L o n d o n , 1 8 2 7 .*

⁸ См.: Alexander J. E. Travels from India to England comprehending a visit to the Burman Empire, and a Journey through Persia, Asia Minor, European Turkey, etc. in the years 1825—26. London, 1827.

⁹ Помимо названных выше Александру принадлежат следующие работы: *Transatlantic Sketches*. London, 1833; *Sketches in Portugal during the Civil War of 1834*. London, 1935; *An Expedition of Discovery into the Interior of Africa*. . . London, 1938; *Life of Fieldmarshal the Duke of Wellington*. London, 1840; *Incidents of the Maori War, New Zealand, in 1860—61*. London, 1863.

¹⁰ Джейме Виллие (James Wylie; Яков Васильевич Виллие, 1765—1854) — шотландец, с 1792 г. обосновавшийся в России. При Александре I в его руках было сосредоточено управление всей медицинской службой империи; в конце 1820-х—1830-х годах лейб-медик, главный инспектор медицинской части по армии и гвардии, президент имп. Медико-Хирургической академии и проч.

вились, хотя маменька и Пушкин были тотчас узнаны, и вернулись ужинать к нам».¹¹

У нас нет оснований утверждать, что Александр познакомился с Пушкиным именно у Хейтсбери или у Фикельмонов (хотя само по себе это вполне вероятно), но тот факт, что, приехав в Петербург, Александр сразу же попал в круг близких Пушкину лиц, заставляет с доверием отнестись к его словам о неоднократных встречах с русским поэтом. Последнее тем более вероятно, что зимой 1829/30 г. Пушкин часто появлялся на светских балах и приемах.

О характере встреч Александра с Пушкиным ни с той, ни с другой стороны никаких свидетельств не сохранилось; не исключено, что их знакомство ограничилось чисто внешними выражениями обоюдной вежливости. Вместе с тем, если их отношения получили хоть какое-то развитие, молодой англичанин мог оказаться для Пушкина весьма любопытным собеседником: английский офицер во время своих путешествий узнал многое из того, что занимало тогда и Пушкина.

И Пушкин и Александр были недавними очевидцами русско-турецкой войны: первый побывал на Кавказском фланге русско-турецкого фронта, в то время как второй наблюдал ту же войну на Балканах. Оба готовили к печати свои путевые записки. «Военная Грузинская дорога», извлечение из путевых заметок Пушкина — будущего «Путешествия в Арзрум», была напечатана в «Литературной газете», когда Александр находился в Петербурге — 5 февраля 1830 г. Во время службы в Персии Александр тоже побывал в Арзруме и близлежащих городах.

У Пушкина и Александра были весьма неожиданные общие знакомые по Персии и Кавказу, как например капитан Джорж Виллок (Willock), брат английского поверенного в делах в Персии Генри Виллока. Пушкин познакомился с Дж. Виллоком в июне 1820 г. в Пятигорске, еще во время первой своей поездки на Кавказ с Раевскими.¹² Александр близко знал Дж. Виллока по службе в Индии и в Персии, а его брата Генри Виллока Александр сопровождал при переезде из Тегриза в Лондон (через Константинополь и Вену) в сентябре—декабре 1826 г.¹³

¹¹ См.: И з м а й л о в Н. В. Пушкин в дневнике графини Д. Ф. Фикельмонов. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. Л., 1963, с. 33. Есть и другие свидетельства знакомства Пушкина с Хейтсбери: Пушкин включил имя Хейтсбери и его супруги в список лиц, которым наметил развезти свои визитные карточки к новому, 1830 г. (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 332). Леди Хейтсбери перевела на английский стихотворение Пушкина «Талисман» и, по словам П. А. Вяземского, интересовалась русской литературой и выписывала из России книги и ноты много лет спустя после отъезда из Петербурга (В я з е м с к и й П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 256—257). Достоин сожаления, что дневники и переписка Хейтсбери (в настоящее время в Рукописном отделе Британского музея под шифрами: Add. MSS 41511—41563), представляющие несомненный интерес как источник для биографии Пушкина, никем пока с этой целью не обследованы.

¹² См.: В е й д е н б а у м Е. Виллок и А. С. Пушкин. — Русская старина, 1903, т. 115, с. 320.

¹³ A l e x a n d e r J. E. Travels from India to England. . . , p. 79—82, 125—126.

Во время своего путешествия в Арзрум Пушкин повстречал близ Ананура персидского принца Хосров-мирзу (Хозрев-Мирза — VIII, 445, 452) и его свиту, направлявшихся в Петербург, чтобы принести официальные извинения шаха по случаю гибели русского посла А. С. Грибоедова. Несколько дней спустя, 11 июня 1829 г., Пушкин против крепости Гергеры встретил арбу с телом убитого поэта. Александр тоже повстречал Хосров-мирзу, но месяцем позже, когда тот уже добрался до Москвы. Александр оставался в Москве несколько недель, почти все то время, что там был Хосров-мирза, и благодаря знанию персидского языка и дружеским связям с многими из свиты принца узнал об обстоятельствах гибели Грибоедова больше, чем содержалось в официальных персидских объяснениях.

Почти одновременно с Хосров-мирзой в Москве, по пути из Тебриза в Лондон, сделала остановку г-жа Макдональд, супруга английского посланника в Персии Джона Макдональда¹⁴ — первого из европейцев, кто узнал и сообщил в Россию о гибели Грибоедова.¹⁵ Александр, находясь в Персии, был адъютантом Макдональда, пользовался его доверием и выполнял весьма сложные и щекотливые поручения. Теперь в Москве, сопровождая г-жу Макдональд во время ее знакомства с городом, он имел возможность сопоставить ее рассказы о трагических событиях в Тегеране с тем, что он слышал от придворных персидского принца. Составленный им тогда же, летом 1829 г., подробный отчет о гибели Грибоедова Александр поместил в своей книге.¹⁶

Насколько важны были такого рода сведения для Пушкина, едва ли необходимо пояснять.

Наконец, примечательна еще одна точка соприкосновения интересов Пушкина и Александра. Выше упоминалось об увлечении английского офицера поэзией: его книги буквально пестрят цитатами из античных, европейских и восточных поэтов. Поэтические вкусы Александра складывались под влиянием его соотечественника поэта Джона Вилсона, потомка прославленного в Шотландии рода Монтрозов.¹⁷ Александр был знаком с семьей

¹⁴ Джон Макдональд (John Macdonald Kinneir, 1782—1830) много лет провел в Индии и Бирме. В 1824 г. назначен посланником Ост-Индской компании (так назывался тогда пост английского посланника) в Персии, но смог приступить к этой деятельности лишь летом 1826 г.

¹⁵ См. письмо Макдональда к И. Ф. Паскевичу от 8/20 февраля 1829 г. и протест Макдональда министру иностранных дел Абуль Хасан-хану от 9/21 февраля 1829 г.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 7. Тифлис, 1878, с. 670—673. Во время фатальной поездки Грибоедова из Тебриза в Тегеран и первое время после его гибели Нина Грибоедова, вдова поэта, оставалась на попечении Макдональдов (см.: Гришин А. Л., Михайлов А. Д. Последнее письмо Грибоедова. — Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1972, т. 31, вып. 5, с. 456). О взаимоотношениях Грибоедова с Макдональдом см.: там же, с. 454—461. Ср.: H a r d e n E. J. Griboedov and the Willock Affair. — *Slavic Review*, 1971, vol. 30, № 1, p. 74—92.

¹⁶ A l e x a n d e r J. E. Travels to the Seat of War. . . , vol. 1, p. 151—160. Отчет Александра появился почти одновременно с более детальным отчетом о тех же событиях, анонимно опубликованным в сентябре 1830 г. в журнале «Blackwood's Edinburgh magazine» (1830, vol. 28, № 171, p. 496—512), и независимо от него.

¹⁷ Джон Вилсон (John Wilson, 1785—1854) — поэт, драматург, фило-соф-эссеист. Английская литература о нем весьма обширна. На русском

Вилсона, особенно коротко с его старшей сестрой Элизаой, бывшей замужем за Мак-Нилом, врачом английской миссии в Персии, а впоследствии английским посланником при дворе шах-ин-шаха. Самого Вилсона Александр называет в своей книге «властителем дум нашего века» (the master spirits of the age).¹⁸

Пушкин до 1830 г. нигде и никогда не обнаруживал интереса или знания современных ему английских поэтов позднеромантического направления, и в частности Джона Вилсона и близкого ему по духу и поэтической манере Барри Корнуола.¹⁹ С весны же 1830 г., т. е. сразу же после знакомства с Александром, Пушкин интенсивно их изучает и переводит. В библиотеке Пушкина появляется изданная в начале 1829 г. книга «Поэтические произведения Милмана, Боулза, Вилсона и Барри Корнуола в одном томе»²⁰ — та самая, которую Пушкин брал с собою в Болдино и которая послужила источником «Пира во время чумы» и жанровой моделью для других «маленьких трагедий». ²¹

Не Александр ли обратил внимание Пушкина на творчество таких позднеромантических поэтов, как Джон Вилсон и Барри Корнуол, столь заинтересовавших русского поэта? Если это так, то нельзя не признать, что «неоднократные» встречи английского офицера с Пушкиным оказались весьма плодотворными.

Л. М. Аринштейн

К ЗАМЕТКЕ ПУШКИНА «ОБ АНДРЕ ШЕНЬЕ»

В заметке об А. Шенье Пушкин писал о французском поэте: «Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, два или три отрывка и общее сожаление об утрате всего прочего» (XI, 35). Существует возможность сопроводить эту фразу комментарием, подтверждающим, сколь пронизательна и точна была выраженная Пушкиным мысль.

Как известно, Андре Шенье успел напечатать при жизни лишь несколько стихотворений, главное же его поэтическое наследие состояло в рукописях. Современники мало знали его как поэта; его произведения были известны

языке см.: Алексеев М. П. Джон Вильсон и его «Город чумы». — В кн.: Алексеев М. П. Из истории английской литературы. М.—Л., 1960, с. 390—418.

¹⁸ Alexander J. E. Travels to the Seat of War. . . , vol. 1, p. 33.

¹⁹ Барри Корнуол (Barry Cornwall) — псевдоним поэта и драматурга Брайана Проктера (Bryan Waller Procter, 1787—1874).

²⁰ The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall. Complete in one volume. Paris, A. and W. Galignani, 1829.

²¹ См.: Яковлев Н. В. 1) Об источниках «Пира во время чумы». — В кн.: Пушкинский сборник. Памяти С. А. Венгерова. Пг., 1923, с. 137—170; 2) Последний литературный собеседник Пушкина (Бари Корнуол). — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXVIII. Пг., 1917, с. 5—28. См. также комментарии Н. В. Яковлева и Д. П. Якубовича в кн.: Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII. Драматические произведения. Л., Изд-во АН СССР, 1935.

лишь избранному кружку, с членами которого Шенье встречался у поэта Лебрена или в салоне своей матери. Участниками этого кружка являлись Фонтан, Жубер, Морле, Трюден, Полина де Бомон¹ и др. Шенье был близок к Полине де Бомон и вывел ее в ряде своих стихотворений; она же сыграла некоторую роль в биографии Шатобриана. Благодаря ей Шатобриан с большой похвалой оговорился о стихотворениях Шенье в своей известной книге «Гений христианства» («Génie du Christianisme»; см. примечания ко II части: livre III, chap. VI).² После того брат Андре Шенье, Жозеф, разбираясь в бумагах покойного брата, оставшихся в большом беспорядке, выбрал два стихотворения и напечатал их в периодических изданиях; несколько отрывков опубликовал поэт Мильвуа (в 1816 г.). Лишь в августе 1819 г. появилось полное собрание стихотворений А. Шенье, изданное Анри Латушем.³

В 1819 г. Н. Д. Иванчин-Писарев выпустил книгу «Сочинения и переводы в стихах», где помещено, в частности, стихотворение «Бедный человек». Хотя в книге нет никаких указаний на то, что это стихотворение не является оригинальным произведением Иванчина-Писарева, достаточно сопоставить «Бедного человека» и XXXV элегию Андре Шенье, чтобы убедиться, что перед нами перевод этого стихотворения.⁴ Поскольку речь идет, по-видимому, о первом переводе Шенье на русский язык, представляется уместным привести здесь его полный текст.

БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Как часто, ощутив всю горечь бытия,
Вкусив от чаши зол, что жизнью называют,
И утомясь от бурь, как странничья лады,
Зрю в гробе мирну сень, где вьюги затихают,
С восторгом смерть зову. Прощед песчану степь,
Там путник, жаждою и зноем изнуренный,
Ждет светлыя струи... Подобно утомленный,
Мною себя дерзнуть расторгнуть тяжку цепь.
Вдруг сердце хладное невольно встрепенулось,
На милых, на родных внезапно оглянулось;
Воспоминания протекших ясных дней,
Надежда воротить мечты очарованья,
И юность лет еще, и будущность, а с ней
И мыслей, чувств моих незрелы начертанья,
Все манит, льстит, влечет, велит мне ждать и жить.
Как часто слово, взор, улыбка заставляят

¹ Барт Ф., де ла. Шатобриан и поэтика мировой скорби во Франции. Киев, 1905, с. 316—317.

² Chateaubriand F.-R. Oeuvres complètes, t. IX. Paris, 1831, p. 434—438.

³ Chénier A. Oeuvres complètes. Paris, 1819. Об известности Шенье до издания Латуша см. также в статье П. Лукницкого «Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой» (Вопросы литературы, 1978, № 1, с. 207).

⁴ Элегия Шенье была опубликована впервые в сокращении (без первых четырех стихов) в приложении к «Гению христианства» Шатобриана (1802), а полностью — в сборнике, выпущенном Анри де Латушем в 1819 г. Французский текст, подстрочный русский перевод, а также отзывы об этом стихотворении французских и русских поэтов и критиков см. в тексте нашей статьи «Три элегии» (Искусство слова. Сборник статей, посвященный 80-летию Д. Д. Благого. М., 1973, с. 72—75).

Сносить всю тяжесть мук и слезы полюбить,
Мирить с печалью и с горестью свыкает!
Таится человек от самого себя!
Вотще знакомится с печальной, холодной урной;
Какое бремя зол ни пало б на тебя,
Незримой связью ты прикован к жизни бурной,
И ищешь вдалеке, скорей чем умереть,
Какой-нибудь предлог, чтоб жить и жизнь терпеть.
Страдал, страдаешь — и, надеждою ведомый,
До гроба добредешь с мучительной истомой;
Вот близок к пристани, вот странник сень нашел:
Вот смерть целебница. . . Страдальца спросите:
Спокоен ли? Ах нет! — Все муки возвратите,
Пусть стражду: смерть больней, ужаснее всех зол! ⁵

Сборник Иванчина-Писарева имеет цензурное разрешение 19 декабря 1818 г. Следовательно, «Бедный человек» был написан раньше, чем в руки русского поэта могло попасть первое отдельное издание Шенье. Источником перевода явился текст, опубликованный в «Гении христианства». Это доказывается и тем, что первые четыре стиха элегии Шенье, опущенные Шатобрианом, никак не отразились и в переводе Иванчина-Писарева: они не были ему известны. Как и многие его современники, Иванчин-Писарев не считал необходимым строго придерживаться подлинника. Он значительно увеличил объем стихотворения (30 стихов в переводе вместо 20 в оригинале), изменил систему рифмовки (элегия Шенье написана смежной рифмой), ввел ряд собственных образных и синтаксических построений. Но в целом отклонения от оригинала у Иванчина-Писарева не более значительны, чем то допускала переводческая традиция его эпохи.

Спустя десять лет ту же элегию Шенье перевел Баратынский, и в этом переводе («Под бурей судеб, унылый, часто я») она вошла в русскую литературу. Хотя Баратынский имел возможность воспользоваться изданием Латуша, он также опирался на текст, опубликованный Шатобрианом, и перевел лишь ту часть элегии Шенье, которая имеется в «Гении христианства». Известно, что Баратынский превосходно знал Шатобриана и публиковал в русских журналах свои переводы его произведений.⁶

Таким образом, Пушкин был глубоко прав, когда говорил, что «несколько слов», сказанных Шатобрианом, долго составляли «славу» Шенье. Примечание к «Гению христианства» не утратило полностью этой своей роли и после того, как творения французского поэта были отысканы и вышли в свет в 1819 г., и после появления заметки Пушкина.

Л. Г. Фрицман

⁵ Иванчин-Писарев Н. Д. Соч. и переводы в стихах. М., 1819, с. 163—165.

⁶ См. об этом: Хъетсо Гэйр. Анастасия Львовна Баратынская о своем муже. — Scando-Slavica, 1964, t. X, p. 14 и след.

О СТИХОТВОРЕНИИ ПУШКИНА «НЕТ, Я НЕ ДОРОЖУ МЯТЕЖНЫМ НАСЛАЖДЕНИЕМ»

Стихотворение Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» не публиковалось при жизни поэта. Автограф его не сохранился, оно дошло в нескольких копиях; текст в них различается мало, но имеются существенные различия в заголовках и в датах. Большинство копий имеет дату «19 января 1830 г.», но есть копии без даты; в копии В. П. Гаевского стихотворение датировано 1831 г. (III, 1203—1204).

М. А. Цявловский считал наиболее авторитетной копию, сделанную рукой С. А. Соболевского в тетради П. И. Бартевева. Под этой копией дата «1830» и приписка рукою Бартевева «19 января». Другая копия, в сборнике Лонгинова—Полторацкого, имеет заголовок «Антологическое стихотворение». За текстом следует примечание М. Н. Лонгинова: «Эта бесподобная пьеса найдена в бумагах Пушкина П. В. Анненковым. Написана 19 января 1830 г.».¹

Как известно, П. В. Анненков осенью 1850 г. перевез к себе сундук с бумагами Пушкина, переданный ему и его братьям генералом П. П. Ланским, вторым мужем Н. Н. Пушкиной, для подготовки нового издания сочинений поэта. Указание на то, что лонгиновская копия происходит из бумаг, найденных Анненковым, делает, как кажется, ее текст весьма авторитетным: вполне реальной представляется возможность, что Анненков имел в своем распоряжении несохранившийся автограф Пушкина.

Впервые стихотворение было опубликовано в 1858 г.² В собрания сочинений Пушкина его стали включать начиная с первого издания под редакцией Г. Н. Геннади (1859 г.) и до издания под редакцией П. А. Ефремова печатали с датой «1830». Ефремов первый изменил дату на «1832», снабдив свою новую датировку следующим примечанием: «Во всех трех напечатаниях³ неправильно отнесено к 1830 г., вероятно по ошибке переписчика в помете стихотворения»⁴ (в собственной копии Ефремова дата «1830» переделана на «1832» карандашом). С тех пор все издатели, включая Брюсова, а также Б. В. Томашевского (издание 1924 г.), датировали это стихотворение 1832 г. Но уже во втором издании Б. В. Томашевский печатает его под 1830 г., а за ним такую же датировку дают и последующие издания, в том числе «большое» академическое.

Можно думать, хотя П. А. Ефремов в своем примечании и не объясняет этого, что он передатировал стихотворение исходя из даты женитьбы Пуш-

¹ Бартевева П. И. Тетрадь 1850 годов. — В кн.: Летопись Гос. Литературного музея, кн. 1. М., 1936, с. 538—539. Публикация текста Бартевева и сравнение его с копией из сборника Лонгинова—Полторацкого сделаны М. А. Цявловским.

² Библиографические записки, 1858, № 7, стб. 203. Опубликовано по списку, сообщенному М. Е. Борисоглебским (список сделан с копии, ныне утерянной, и передан в «Библиографические записки» через П. А. Ефремова).

³ П. А. Ефремов имеет в виду публикации в «Библиографических записках» и в двух изданиях сочинений Пушкина под редакцией Г. Н. Геннади (1859 и 1870—1871 гг.), предшествующих его собственному изданию.

⁴ Пушкин А. С. Соч., т. III. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880, с. 442.

кина (февраль 1831 г.), так как считал его адресатом Н. Н. Пушкину. Это же предположение вызвало, очевидно, в копиях Е. И. Якушкина и П. А. Александрова заголовки «Жене» и «К жене». Однако данные копии, так же как и другие, имеют дату «1830», и этот анахронизм указывает на то, что заглавие принадлежит кому-то из переписчиков. Несомненно, не Пушкину принадлежит и название «Прелестнице» в копии Н. А. Долгорукова. Относится ли название «Антологическое стихотворение», которое мы находим в сборнике Логгинова, к этому же разряду «редакторских» названий? Кто его автор и какой смысл вкладывался в этот заголовок?

В научных изданиях Пушкина комментаторы предположительно указывают дату создания стихотворения, иногда дату его первой публикации, но не высказывают никаких соображений о самой пьесе.⁵ Нет и работ, специально посвященных этому стихотворению. Легко понять, почему оно не привлекло внимания исследователей: в тексте нет ни имен, требующих комментария, ни каких-либо непонятных реалий, темных мест или загадочных намеков. Все же можно указать на два рассуждения, посвященные интересующему нас стихотворению. Характерно, что в обоих мы видим попытку определить источник пушкинской пьесы. Так, С. Любомудров в брошюре «Античные мотивы в поэзии Пушкина» рассматривает четыре антологические пьесы Пушкина — «Дорице» (1820), «Муза» (1821), «Ты вянешь и молчишь» (1824), «Покров, упитанный язвительною кровью» (1825) — и замечает, что они являются подражаниями А. Шенье. «Как последний отзвук того же влияния Шенье, можно отнести стихотворение 1832 г. „Нет, я не дорожу...“, — пишет далее С. Любомудров.⁶ Никаких аргументов в защиту своей точки зрения автор не приводит, и, сколько можно судить, никто из последующих издателей или комментаторов Пушкина не присоединился к его мнению. Другое мнение об источнике этого же стихотворения мельком высказал В. Б. Шкловский в книге «Художественная проза. Размышления и разборы».⁷ Он приводит замечание Пушкина о Лоренсе Стерне, относящееся к главе «Паспорт. Версаль» «Сентиментального путешествия».⁸ «Стерн говорит, — пишет Пушкин, — что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! Знал бы про себя; многие того не заметили б» (XI, 52).⁹

В. Б. Шкловский полагает, что в стихотворении «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» Пушкин возвращается к мысли Стерна, «повторив

⁵ См., например: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 9-ти т., т. 2. Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. [М.], «Academia», 1935, с. 564; Пушкин А. С. Собр. соч. в 6-ти т., т. 1. Под ред. М. А. Цявловского. М.—Л., «Academia», 1936, с. 775; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 3. Под ред. Б. В. Томашевского. М., Изд-во АН СССР, 1957, с. 531.

⁶ Любомудров С. Античные мотивы в поэзии Пушкина. Изд. 2-е. СПб., 1901, с. 27.

⁷ Шкловский В. Б. Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1959, с. 287.

⁸ Стерн Лоренс. Сентиментальное путешествие. М., 1968, с. 619.

⁹ Это замечание находится в белой рукописи «Отрывки из писем, мысли и замечания», которая была опубликована без подписи в «Северных цветах на 1828 г.», но с некоторыми пропусками, среди которых и цитата из Стерна.

самое понятие „содрогание“. Но процитированные Пушкиным строки Стерна соотносятся разве только с незначительной деталью стихотворения Пушкина, а, конечно, не со всей пьесой в целом.¹⁰

Кажется, можно все же указать на литературный источник, давний толчок к созданию всего разбираемого стихотворения Пушкина.

Это перевод эпиграммы греческого поэта VI в. Павла Силенциария, сделанный К. Н. Батюшковым между маем 1817 и началом 1818 г. и напечатанный в 1820 г. в брошюре «О греческой Антологии», изданной Д. В. Дашковым в количестве всего 70 экземпляров (продавалось же только 40). В брошюре помещена статья С. С. Уварова о Палатинской антологий и в качестве иллюстраций к этой статье приведены 13 стихотворных переводов греческих эпиграмм, сделанных Батюшковым. И статья, и переводы, видимо, готовились для несостоявшегося журнала литературного общества «Арзамас», членами которого были Батюшков и Уваров. В «арзамасском» духе написано и предисловие Д. В. Дашкова к брошюре. Автор предисловия уверяет читателей, что статья и стихи получены от трактирщика из города Арзамаса, написаны и подписаны неизвестными никому провинциалами СТ. . . и А. . . (т. е. «Старушка» — арзамасское прозвище Уварова и «Ахилл» — прозвище Батюшкова). В послесловии, продолжая мистификацию, издатель добавляет: «Сверх сего нашли мы еще на обверточном листе издаваемой нами рукописи следующую надгробную надпись, с греческого переведенную:

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна.
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Верьйся челноку! плыви!¹¹

В действительности эта эпиграмма, автор которой в отличие от авторов 12 предыдущих эпиграмм (они находятся прямо в тексте статьи Уварова) не назван, также переведена из Палатинской антологии. Ее автор — Феодорид.¹²

Батюшков не знал греческого языка и переводил эпиграммы, пользуясь стихотворными переводами на французский язык, которые были сделаны С. С. Уваровым и помещены в этой же брошюре в качестве приложения. Эпиграмма IX (это и есть перевод эпиграммы Павла Силенциария, о котором

¹⁰ Кроме упомянутых выше замечаний С. Любомудрова и В. Шкловского несколько слов об интересующем нас стихотворении и его месте в пушкинском творчестве содержится в статье А. Кущнера «Два Пушкина» (Вопросы литературы, 1976, № 6, с. 130).

¹¹ О греческой Антологии. СПб., 1820, с. 44.

¹² *Antologia Palatina*, VII, 282. Д. В. Дашков позднее заново перевел эту эпиграмму размером подлинника и напечатал в «Северных цветах на 1825 г.», на этот раз указав автора:

В бурных волнах я погиб, но ты плыви без боязни.
Море, меня поглотив, в пристань других принесло.

(Северные цветы на 1825 г. СПб., 1825, с. 305).

упоминалось выше) обращена к стареющей красавице¹³ и содержит начиная с пятого стиха следующие строки:

Твой друг не дорожит неопытной красой,
Незрелой в тайнствах любовного искусства.
Без жизни взор ее стыдливый и немой
И робкий подалуй без чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;
И в осень дней твоих не погасает пламень,
Текущий с жизнью в крови.¹⁴

Первая строка пушкинского «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» явно соотносится со строкой Батюшкова «Твой друг не дорожит неопытной красой», написанной тем же александрийским стихом, обычным размером анологических произведений.¹⁵ Но дело не только в этом сходстве. Гораздо важнее то, что Пушкин своим стихотворением прямо возражает Батюшкову: он говорит, что не дорожит любовью опытной красавицы, воспеваемой Батюшковым, но счастлив любовью своей «смирненницы». Сравним тексты:

Б а т ю ш к о в

Твой друг не дорожит неопытной
красой,
Незрелой в тайнствах любовного
искусства.
Без жизни взор ее *стыдливый*
и немой
И робкий подалуй *без чувства.*

П у ш к и н

О как милее ты, смирненница моя,
О как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна *без*
упоенья
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь
ничему. . . (III, 213)

Стихотворение Пушкина потому и начинается с решительного «Нет», что все оно целиком — ответ на эпиграмму, переведенную Батюшковым.¹⁶

¹³ В издании Л. Н. Майкова (Б а т ю ш к о в К. Н. Соч. в 3-х т. 1885—1887) это стихотворение озаглавлено «К престарелой красавице». В брошюре переводы эпиграмм не имеют названий, но, предваряя стихи Павла Силенциария, Уваров пишет: «Поэт обращается к постарелой красавице». Отсюда, очевидно, и идет ошибочное название в издании Л. Н. Майкова.

¹⁴ Б а т ю ш к о в К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977 (сер. «Лит. памятники»), с. 347.

¹⁵ М. Гершензон отмечает, приводя убедительные примеры, что «часто заимствования у Пушкина сопровождались тождеством стихотворного размера» (Гершензон М. Плагии у Пушкина. — В кн.: Гершензон М. Статьи о Пушкине. М., 1926, с. 119).

¹⁶ Замечательно, что в этом стихотворении Пушкин спорит не только с мыслью эпиграммы Батюшкова, но и со своими собственными ранними стихами:

Лаиса, я люблю твой смелый [вольный] взор,
Неутомимый жар открытого желанья
И непрерывные лобзанья
И страсти полный разговор.
Люблю горящих уст я вызовы немые,
Восторги быстрые, живые.

(II, 75)

Если мы разберем стихи Пушкина, начинающиеся с «Нет» (а таких всего пять), то увидим, что пушкинское «Нет» в первой строке всегда диалогично. Хорошую аналогию нашему стихотворению дает, например, «Ответ Ф. Т.» («Нет, не черкешенка она. . .» — III, 41). Это ответ на стихотворение Ф. Туманского, которое начинается словами:

Она черкешенка собою,
Горит агат в глазах у ней.¹⁷

Обе строфы ответного стихотворения Пушкина начинаются с «Нет»: «Нет не черкешенка она. . .»; «Нет, не агат в глазах у ней». То же видим и в стихотворении «Друзьям» («Нет, я не лстец, когда царю. . .» — III, 89) — ответ на упреки друзей А. И. Тургенева и П. А. Вяземского, вызванные публикацией «Стансов» («В надежде славы и добра. . .» — III, 40; ср. 21-й стих: «Я лстец! Нет, братья, лстец лукав. . .»). Такое же «нет» в раннем наброске «Нет, нет напрасны ваши пени» (II, 92) и в начале чернового варианта стихотворения «Мое завещание» («Друзьям») («Нет, полно, полно мне терпеть. . .» — I, 363).¹⁸

Несколько особняком стоит только стихотворение 1832 г. «К***» («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу Волнениям любви безумно предаваться»), в котором поэт обращается к себе. Но и здесь мы видим что-то похожее на диалог с самим собой:

Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется? Ужель не можно мне. . .

(III, 288)

Есть ли у нас какие-нибудь свидетельства того, что Пушкин знал переводы Батюшкова «Из греческой Антологии»?¹⁹ В этом трудно сомневаться, если учесть, что переводы сделаны Батюшковым после мая 1817 г., т. е. как раз в то время, к которому относится близкое личное знакомство Пушкина и Батюшкова. Они встречаются в литературном обществе «Арзамас», на суб-

Приведенные стихи сохраняют строй эпикурейских стихов Батюшкова, которому Пушкин в те годы подражал. Лаиса, условное имя в эротической поэзии, имеет здесь тот же смысл, что и «вакханка» в «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» (ср., например, «Любимец ветреных Лаис» в стихотворении Пушкина «Юрьеву» (II, 139) или батюшковское «В Лаисе нравится улыбка на устах» («Из греческой Антологии», VII)).

¹⁷ Т ю н ь к и н К. И. «Нет, не черкешенка она. . .» — Прометей, т. 10. М., 1974, с. 176—181.

¹⁸ «Мое завещание», возможно, также написано под влиянием стихотворения Батюшкова («Отрывок из Элегии»). См. комментарий к изданию: П у ш к и н А. С. Полн. собр. соч. в 9-ти т., т. 1. Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. [М.], «Academia», 1935, с. 414.

¹⁹ Кроме издания 1820 г. брошюра «О греческой Антологии» была включена в собрание сочинений Батюшкова 1834 г., но это собрание вышло уже после создания Пушкиным стихотворения «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем».

бетах Жуковского, у Олениных и у общих петербургских знакомых. 4 сентября 1817 г. Пушкин, Батюшков и другие сочинили в Царском Селе экс-прогмы «Писать я не умею» и «Вяземскому»; 4 октября 1817 г. Пушкин и Батюшков провожали Жуковского в Москву; 19 ноября 1818 г. Пушкин ездил в Царское Село провожать Батюшкова в Италию.²⁰

В. К. Кюхельбекер, с которым Пушкин по окончании Лицея часто виделся, напечатал в 1820 г. в журнале Греча «Сын отечества» статью «Критика. О греческой Антологии».²¹ В этой статье Кюхельбекер восторженно оценивает брошюру «О греческой Антологии»; среди прочего он цитирует и IX эпиграмму, так отзываясь о ней: «Исполинская сила выражения, особенно в последних двух стихах <...> Не знаем, кто из наших поэтов скрыл свое имя в сих переводах под скромным названием беспечного провинциала <...> мы колеблемся, кого из них (т. е. Батюшкова или молодого певца Руслана) благодарить за подарок, сделанный Русской словесности».

Скорее всего Пушкин читал статью Кюхельбекера и разбираемые в ней стихи «Из греческой Антологии», хотя бы после того, как его чуть не сочли их автором.²²

Однако самым веским свидетельством того, что Пушкин знал переводы Батюшкова, служит сравнение его стихотворения «Дориде» (рядом с ним автор, обращаясь к издателю, написал «подражание древним или как хотите») с VIII эпиграммой Батюшкова «В Лаисе нравится улыбка на устах»:

Б а т ю ш к о в

*В Лаисе нравится улыбка на устах,
Ее пленительны для сердца разговоры,
Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.
Я в сумерки вчера, одушевленный
страстью,
У ног ее любви все клятвы повторял
И с поцалудом к сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекал
Я таял.*

П у ш к и н

*В Дориде нравятся и локоны] златые
И бледное лицо, и очи голубые...
Вчера, друзей моих оставя пир
ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами
сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова
разгорались;
Я таял.*

На сходство первых строк этих стихотворений указал П. О. Морозов.²³ Действительно, текстуальные совпадения (и не только в первом стихе) очевидны, но важно, кроме того, что оба стихотворения имеют по сути дела одну и ту же тему: внезапное появление диссонирующей ноты посреди восторгов

²⁰ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., 1951, с. 133, 138, 165.

²¹ Сын отечества, 1820, ч. 62, № XXIII, с. 145—151.

²² Некоторые дополнительные аргументы в пользу того, что Пушкин был знаком с брошюрой «О греческой Антологии», содержатся в статье В. Б. Сандомирской «Из истории пушкинского цикла „Подражания древним“ (Пушкин и Батюшков)», опубликованной в предыдущем выпуске «Временника Пушкинской комиссии. 1975» (Л., 1979, с. 15—31).

²³ Пушкин. Соч. и письма, т. I. Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903, с. 567.

любовного свидания, В стихотворении Батюшкова — это сомнения Лансы в верности ее возлюбленного:

Но вдруг уныла, побледнела
И — слезы градом из очей!
Смущенный, я прижал ее к груди моей:
«Что сделалось, скажи, что сделалось с тобою?»
— «Спокойся, ничего, бессмертными клянусь!»
Я мыслю была встревожена одною:
Вы все обманчивы, и я, . . . тебя страшусь».

У Пушкина та же тема развивается как бы «для мужского голоса» — в объятиях Дориды поэт вспоминает другую:

. . . среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

То, что Пушкин иногда сознательно, а иногда невольно включал в свои произведения строки или образы Батюшкова, замечено очень давно. Указано много примеров таких заимствований.²⁴ Батюшковские выражения и целые стихи встречаются не только в ранних вещах Пушкина, написанных до 1817 г., в поэме «Руслан и Людмила», где влияние Батюшкова очень явно, но также и во многих произведениях 20-х годов. Для нас, однако, более важно то, что батюшковские реминисценции мы достаточно часто видим в стихах 30-х годов. Назовем некоторые из них,

Оставь меня, я не поэт, Я не ученый, не профессор, Меня в календаре в числе счастливицев нет,	Не офицер я, не ассессор, Я по кресту не дворянин, Не академик, не профессор; Я просте русский мешанин.
--	--

Я — отставной ассессор.

(Батюшков. Из письма к В. Л. Пушкину)

(Пушкин. «Моя родословная»,
1830 — III, 261)

²⁴ Приводим только ту литературу, в которой содержатся указания на впервые замеченные соответствия текстов Пушкина и Батюшкова: Г а е в с к и й В. П. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. — Современник, 1863, № 7, с. 9—12; № 8, с. 350—382; В л а д и м и р о в П. В. Пушкин и его предшественники в русской литературе. — В кн.: Памяти Пушкина. Научно-литературный сборник. Киев, 1899, с. 26 и след.; М а й к о в Л. Н. Пушкин о Батюшкове. — В кн.: М а й к о в Л. Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899; М о р о з о в Л. О. Пушкин о Батюшкове. — В кн.: П у ш к и н. [Соч.]. Под ред. С. А. Венгера. Т. I. СПб., 1907, с. 144—154; Э л и а ш Н. М. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIX—XX. Пг., 1914, с. 1—39; Г е р ш е н з о н М. 1) Пушкин и Батюшков. — Атеней. Историко-литературный вестник, кн. 1—2. Л.—М., 1924, с. 26—35; 2) Плагиаты Пушкина. — В кн.: Г е р ш е н з о н М. Статьи о Пушкине. М., 1926, с. 115; К о м а р о в и ч В. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова. — Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 885—904; Р о з о в а З. Отголоски песни Гаральда Смелого в поэзии А. С. Пушкина. — В кн.: Юбилейный сборник Русского археологического общества в Югославии. Белград, 1936, с. 339—349; Ф р и д м а н Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971, с. 315—358; С а н д о м и р с к а я В. Б. К вопросу о датировке поэм Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974, с. 24—27; Г е р о х о в а Р. М. Пушкин, Батюшков, Тассо. — В кн.: Сравнительное научное литератур. Л., 1976, с. 248—252.

Напрасно Клит с женой ему кричали
вслед
С домашнего порога:
Брав милый, воротись, мы просим
ради бога.²⁵
(Батюшков. «Странствователь и домосед»)

Побе мой произвел в семье моей
тревогу,
И дети, и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее.
(Пушкин. «Свранник», 1835 — III, 393)

На утлом корабле скитаться здесь
и там.
(Батюшков. «Элегия из Тибуллы»)

По прихоти своей скитаться здесь
и там.
(Пушкин. «Из Пиндемонтия», 1836 — III, 420)

Из батюшковской «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» Пушкин заимствовал выражение «суровый Дант»: «Суровый Дант не презирал сонета» («Сонет», 1830 — III, 214).

М. П. Алексеев высказал предположение, что стихотворение 1833 г. «Не дай мне бог сойти с ума» навеяно посещением Пушкиным в апреле 1830 г. больного Батюшкова в Москве.²⁶ Это предположение представляется очень вероятным, тем более что строки 25 и 26 стихотворения Пушкина («А ночью слышать буду я Не голос яркий соловья. . .» — III, 323) — парафраз строчки Батюшкова из элегии «Последняя весна»: «И яркий голос Филомелы Угрюмый бор очаровал» (Филомела — героиня греческого мифа, превратившаяся в соловья). Сравни также слова «Нет, лучше труд и глад» в этом стихотворении Пушкина и строки из элегии Батюшкова «Надежда»: «Кто, кто мне силу дал сносить Труды и глад и непогоду».

Самый поразительный пример обращения к творчеству Батюшкова в 30-х годах — повестический пересказ начала статьи Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» во вступлении к поэме «Медный всадник» и в заключительной части этой поэмы.²⁷ Соответствие прозаической статьи Батюшкова и строк в поэме «Медный всадник» ясно доказывает, что Пушкин перечитывал Батюшкова в 30-е годы. Если стихотворные строчки могли остаться в памяти Пушкина с юности, поры увлечения творчеством старшего друга, то такое точное текстуальное соответствие с прозаическим произведением, какое мы видим в «Медном всаднике», может быть только результатом недавнего чтения.

Таким образом, если наше предположение верно и стихотворение Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» действительно представляет собой своего рода «ответ» на переведенную Батюшковым греческую эпиграмму, то оно становится в довольно длинный ряд произведений, свидетельствующих о том, что зрелый Пушкин находил в творчестве Батюшкова образы

²⁵ Рядом с этими строками Батюшкова Пушкин написал на полях своего экземпляра книги: «Конец прекрасен».

²⁶ Алексеев М. П. Несколько новых данных о Пушкине и Батюшкове. — Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка, 1949, т. 8, вып. 4, с. 369—372.

²⁷ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе, с. 73—74. На зависимость вступления к «Медному всаднику» от статьи Батюшкова указал еще П. В. Владимиров в 1899 г. (Влади́миров П. В. Пушкин и его предшественники в русской литературе, с. 26). Подробнее об этом см.: Фри́дман А. Н. В. Проза Батюшкова. М., 1965, с. 159—163.

и выражения, настолько для него привлекательные, что повторял их в своих стихах.

Можно высказать и такое предположение: поскольку стихотворение Батюшкова, давшее толчок к пушкинскому «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением», — перевод эпиграммы из «Греческой Антологии», то вполне возможно, что название «Антологическое стихотворение» в копии Лонгинова — Полторацкого принадлежит самому Пушкину. Даже в том случае, если стихотворение Пушкина обращено к конкретному лицу, поэт мог дать своему произведению название, отсылающее к источнику и как бы «отводящее», имея, может быть, в виду затушевывать его слишком автобиографический характер, как он это сделал, например, поместив стихотворение «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый, и томный» — II, 289) в отдел «Подражаний древним».²⁸

В заключение приведем текст эпиграммы Павла Силенциария, положившей начало тому длинному ряду стихотворений, который завершается стихотворением Пушкина:

Πρόκριτός εἶσι, Φιλίνα, τῇ ῥυτίς, ἡ ὄψος ἦβης
Πάσης· ἱμαίρω δ' ἀμφὶς ἔχειν παλάμαις
Μᾶλλον ἐγὼ σέο μῆλα καρρηβαρέοντα κορύμβοις.
Ἦ μαζὸν νεαρῆς ὄρθιον ἤλικίης.
Σὸν γὰρ ἔτι φθινόπωρον ὑπέρτερον εἶαρος ἄλλης.
Χεῖμα σὸν ἀλλοτρίου θερμότερον θέρος.²⁹

Французский перевод, сделанный С. С. Уваровым, по его собственным словам, «смягчает и, может быть, ослабляет некоторые выражения»³⁰ подлинника:

Pourrais-tu regretter l'inconstante jeunesse?
Tes traits n'ont rien perdu de leur vive beauté.
Crois-moi, mon aimable maîtresse,
Le temps, qui détruit tout, a pourtant respecté
Et tes appas et notre ivresse;
Une beauté novice est moins faite aux amours,
Son ardeur incertaine use de cent détours
Dont ne se sert jamais la nôtre;
Mais habile à jouir, savant en volupté,
Ton automne vaut mieux que le printemps d'une autre,
Ton hiver a des feux que n'a pas son été.³¹

²⁸ Я к у б о в и ч Д. П. Античность в творчестве Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, вып. 6. Л., 1941, с. 137.

²⁹ Antologia Palatina, V, 258. См. русский перевод М. Блуменау:

Краше, Филинна, морщины твои, чем цветущая свежесть
Девичьих лиц, и сильнее будят желание во мне,
Руки к себе привлекая, повисшие яблоки персей,
Нежели дев молодых прямо стоящая грудь.
Ибо милей, чем иная весна, десих мор твоя осень,
Винное время твое лета иного теплей.

(Греческая эпиграмма. М., 1960, с. 295).

³⁰ О греческой Антологии, с. 82.

³¹ Там же, с. 42.

Перевод Батюшкова еще дальше от оригинала, чем эпиграмма Павла Силенциария в переводе С. С. Уварова.

Возможно, та же эпиграмма Павла Силенциария, появившаяся в России в переводах Уварова и Батюшкова, отсылала к жизни и стихотворению Е. Баратынского:

Всегда и в пурпуре и в злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не выдыхаешь об утрате
Какой-то младости твоей.
И юных Граций ты прелестней!
И твой закат пышней, чем день!
Ты сладострастней, ты гелесней
Живых, блистательная тень!²²

Н. М. Ботвинник

²² Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 177. За указанную параллель приношу благодарность В. Ф. Вацуро.

IV. ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА в 1976 г.

25 мая 1976 г. за большую работу по изучению и пропаганде жизни и творчества Пушкина Всесоюзному музею А. С. Пушкина в торжественной обстановке была вручена высокая правительственная награда — орден Трудового Красного Знамени.

В 1976 г. сотрудники музея провели 17 293 экскурсии; посещаемость музея составила 604 734 человека.

В связи с исполнившимся в декабре 1975 г. 150-летием восстания на Сенатской площади в Лицее была открыта выставка «Первенцы свободы», действовавшая несколько месяцев. Для школ страны была подготовлена юбилейная фотовыставка «Декабристы и Пушкин». Сотрудниками музея был разработан специальный цикл лекций, посвященный декабристам. С большим успехом в лектории Музея-Лицея были прочитаны лекции на темы: «Вильгельм Кюхельбекер», «Братья Бестужевы», «Михаил Лунин», «Подвиг жен декабристов», «Личные вещи и портреты декабристов и их жен в собрании музея», «Декабристы в Сибири» и др.

Всего научные сотрудники музея прочитали за год 223 лекции, а студия художественного слова дала 19 концертов, посвященных Пушкину, декабристам, советской поэзии.

Интересной была встреча на выставке «Первенцы свободы» с научными сотрудниками Центрального государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива Военно-Морского Флота СССР, рассказавшими о декабристских материалах, находящихся в этих иранилищах.

Декабристам были посвящены литературные вечера в Музее-квартире А. С. Пушкина — «Люди 14 декабря» в исполнении заслуженного артиста РСФСР А. Я. Кутелова и «Записки княгини Волконской», прочитанные артисткой Москонцерта А. Ардаш иковой.

Как и в предыдущие годы, большое внимание уделялось организации выставок. На втором этаже Лицея была открыта выставка «Пушкин и его эпоха в искусстве XIX—XX веков», основанная на материалах фондов музея.

В Иванове, Кирове, Костроме работала передвижная выставка «Пушкинский Петербург», а в городах Ленинградской области экспонировалась выставка «Пушкинские места России в работах советских художников». Всего на передвижных выставках музея побывало свыше 40 тысяч человек.

Ответственной работой была для музея подготовка выставки «Александр Пушкин», которая с января 1977 г. экспонировалась в Музее чешской письменности в Праге.

Фонды музея пополнились в 1976 г. ценными материалами. Прежде всего это экспонаты, демонстрировавшиеся на выставке «Первенцы свободы»: берестяная шкатулка, сделанная И. Д. Якушкиным, альбом рисунков образцов сибирской флоры П. И. Борисова, купленный С. Г. Волконской в Иркутске в 1854 г. Большим событием было приобретение вещей, хранившихся в семье потомков П. В. Нащокина, среди которых интересные портреты его брата В. В. Нащокина, его жены А. Н. Нащокиной, их предка А. Л. Ордына-Нащокина. Редкие предметы быта конца XVIII—первой четверти XIX в., принадлежавшие этой семье, дополнили коллекцию музея.

Для рукописного отдела музея приобретен архив семейства Раллей, кипишевских знакомых Пушкина, состоящий из 242 писем за период 1808—1831 гг. В письмах упоминается широкий круг известных лиц (Пушкин, А. С. Грибоедов, А. П. Брюллов и др.), они дают обширный материал о быте, интересах, настроениях людей пушкинского круга.

Для отдела советской пушкинианы приобретены ксилографии В. Фаворского, линогравюра Р. М. Яхнина, офорты Э. Насибулина и др.

Как всегда, в музее и его филиалах отмечались памятные пушкинские даты, проводились литературные вечера. 10 февраля в Музее-квартире А. С. Пушкина на торжественно-памятном собрании в день 139-й годовщины со дня гибели поэта выступили и. о. директора Института русской литературы АН СССР доктор филологических наук Ф. Я. Прийма, первый секретарь Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Н. Чепуров, профессор Д. Викери (США), поэт Д. С. Самойлов, заслуженные артисты РСФСР А. А. Консовский и Я. М. Смоленский. Традиционным было участие в собрании хора мальчиков при Ленинградской гос. академической Капелле под руководством Ф. М. Козлова и квартета Гос. академического Малого театра оперы и балета.

В феврале в Музее-квартире А. С. Пушкина состоялся литературный вечер «Пушкин и современность» с участием С. В. Шервинского и Я. М. Смоленского. В мае посетители встретились с заслуженным артистом РСФСР А. Я. Кутеповым, прочитавшим роман «Арап Петра Великого». В декабре состоялся вечер «Пушкин и музыка Моцарта», проведенный преподавателем Московской консерватории им. П. И. Чайковского Е. Г. Сорокиной и лауреатом международного конкурса пианистов А. Г. Бахчиевым.

177-я годовщина со дня рождения А. С. Пушкина была отмечена в Лицее встречей с ленинградскими поэтами А. С. Кушнером, И. О. Фоянковым, Н. Карповой, Л. В. Мочаловым, О. А. Тарутиным, Т. К. Галушко.

19 октября, в день 165-й лицейской годовщины, в большом лицейском зале заслуженный артист РСФСР А. Я. Кутепов исполнил композицию по романам Ю. Н. Тынянова «Пушкин» и «Кюхля». Были проведены также вечера «150 лет стихотворению „Я помню чудное мгновенье“» и «150 лет со дня смерти Н. М. Карамзина».

Сотрудники отдела фондов составили 891 научный паспорт на фондовые материалы и подготовили научные сообщения: «Портреты Зинаиды Волконской» (Г. И. Назарова), «Январские анонимные пьесы Пушкину — киф или

действительность?» (С. Л. Абрамович), «Материалы Царскосельского лицея в архиве ИРЛИ» (С. В. Павлова), «Материалы хозяйственного правления Лицея как характеристика быта лицейстов (по архиву ГИАЛЮ)» (Е. Н. Иванова), «И. В. Неелов в Царском Селе» (Е. Н. Иванова), «Методы организации рассказа в зависимости от экспозиционного решения темы» (Э. С. Лебедева), «О рисунке В. А. Жуковского, хранящемся в фондах музея» (М. И. Френкель).

В издательство «Книга» был сдан «Каталог выставки „Первенцы свободы“», который объединил материалы, находящиеся в различных музеях, архивах, библиотеках Ленинграда и Москвы, а также в частных коллекциях. Это помогло зафиксировать редкие или еще не учтенные вещи, такие как, например, семейные портреты Муравьевых-Апостолов работы Ж.-Л. Монье, портрет М. Н. Волконской работы К. Маэра, Елены Раевской работы А. Лагрене и др. Большой интерес представляют книги с автографами декабристов и рукописные сборники вольнолюбивых произведений Пушкина, Рыльева, Грибоедова, Мицкевича.

Очень ценным для музея было участие в выставке потомков декабристов, что позволило отразить в каталоге сохранившиеся до нашего времени реликвии. Каталог построен по принципу последовательного раскрытия содержания каждого зала. В иллюстрациях в основном подобраны материалы, не публиковавшиеся прежде.

В издательстве «Аврора» вышел альбом Н. И. Голлер «Музей-квартира А. С. Пушкина» на пяти языках.

А. И. Минина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА) в 1976 г.

В продолжение последних лет основной темой научных исследований музея остается углубленное изучение круга проблем, связанных с пребыванием Пушкина в Москве в 1826—1836 гг.

Завершается составление летописи жизни и творчества Пушкина с декабря 1830 по май 1831 г.; закончены разработка летописи культурной и общественной жизни Москвы этого периода, составление библиографической картотеки по темам «Московские публикации сочинений Пушкина и критики о Пушкине» и «Книжные издания в Москве» в указанный период. Все эти и многие другие изыскания легли в основу большого тематико-экспозиционного плана «Квартира Пушкина на Арбате».

Одновременно продолжается художественное проектирование будущего музея. 10 февраля в двух выставочных залах открылась выставка «Генерального художественного решения музея-квартиры Пушкина на Арбате». На ней были представлены макеты, созданные участниками семинара Центральной учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР (руководитель Е. А. Розенблюм), а также архитектурные чертежи, разработанные мастерской № 10 института «Моспроект-2» (руководитель А. В. Гурков).

В минувшем году старшим научным сотрудником Н. М. Волович разрабатывались научно-экспозиционные темы «Пушкин и Мицкевич. Московские встречи» (для создания экспозиции в здании бывшей гостиницы «Север», где весной 1829 г. встречались два поэта) и «Пушкин и Нащокин» (для экспозиции в доме, где в 1831 г. Пушкин оставался у Нащокина). Научный сотрудник Н. И. Михайлова занималась изучением темы «Пушкин-прозаик и русская проза XIX в.»; результатом этой работы явились два доклада, прочитанные на Болдинских чтениях и на научном заседании в Государственном музее А. С. Пушкина. На основании детального исследования портрета Пушкина работы В. А. Тропинина сделан доклад на научной конференции в НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР.

Продолжалось сотрудничество музея с Музеем литературы им. А. Мицкевича в Польше. Специально созданная выставка гравюр «Их знал Пушкин» демонстрировалась в Варшаве. Она состояла из следующих разделов: портреты Пушкина; портреты крупнейших писателей эпохи, декабристов, художников и др. Особый раздел выставки — женские портреты (актрисы, писательницы, светские знакомые Пушкина). Для сборника Музея литературы им. А. Мицкевича написаны две статьи: «Рисунки Пушкина» Е. В. Музы, «Московский Пушкинский музей» Н. С. Нечаевой; с докладами перед сотрудниками Варшавского музея выступили А. З. Крейн («Замысел мемориального музея Пушкина на Арбате») и Е. В. Муза («О декабристской теме и некоторых декабристских материалах в экспозиции Московского музея Пушкина»).

Среди нескольких сотен полученных в дар и приобретенных в 1976 г. экспонатов наиболее интересны: миниатюрный портрет А. С. Пушкина (слоновая кость, гуашь) работы Н. И. Уткина (?), 1829 г. (дар известного коллекционера Г. П. Белякова; портрет изучен ст. научным сотрудником Гос. Третьяковской галереи Л. И. Певзнер); 17 листов панорамы Невского проспекта, литографированных по оригиналам Б. С. Садовникова (дар И. Л. Андроникова), 1830-е годы; портрет М. О. Судженки, акварель Нечаева; портрет Н. К. Загряжской (литография с оригинала П. Ф. Соколова с авторской раскраской), 1830-е годы (получен при любезном содействии И. С. Зильберштейна); портрет М. И. Кутузова на коне (очень редкая гравюра С. Корделли с оригинала А. Орловского, 1812 г.); альбом «Виды Кремля» (24 литографии К. Басоли, 1830-е годы). Советская Пушкиниана пополнилась произведениями Т. А. Мавриной, А. Г. Тышлера, М. Н. Ромадина, А. Д. Бороздина и др. В числе книжных приобретений «Борис Годунов» (1831), «Братья разбойники» (1827), номера «Современника» (№ 3, 4 за 1836 г.) и несколько десятков других журналов и альманахов первой половины XIX в.

В 1976 г. в Музее состоялось 10 открытых научных заседаний, на которых были прослушаны доклады: В. И. Безъязычного «Кавказ эпохи Пушкина и Лермонтова глазами декабриста» (по неопубликованным запискам Владимира Толстого); С. М. Громбаха «Московская осень 1830-го года»; С. Н. Кайдаш «Исповедь Н. Д. Фонвизиной»; Р. В. Иезуитовой «Пушкин в дневнике В. А. Жуковского 1834 года»; Н. И. Михайловой «Сенковский как пародист-подражатель Пушкина».

В 1976 г. музей посетило свыше 71 тысячи человек; проведено около 1500 экскурсий, 47 вечеров. По-прежнему большое внимание уделялось разнообразным формам художественной пропаганды: продолжались традиционные Пушкинские чтения, музыкальные и поэтические вечера, в том числе «Времена года» (литературно-музыкальная композиция В. Непомнящего), выступления Д. Н. Журавлева, Я. М. Смоленского, А. Я. Кутепова, С. Кочаряна, вечер из цикла «Пушкин в кругу польских друзей», вечера советской поэзии (К. Кулиев, К. М. Симонов, Д. С. Самойлов) и др. Были устроены вечера-приемы для Всесоюзного музея А. С. Пушкина и Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина (Михайловское).

Результаты научных исследований, статьи о новых экспонатах и выставках публиковались в сборниках «Болдинские чтения», «Труд, замысел, вдохновение» (сборник, издаваемый МГУ), журналах «Отчизна», «Дошкольное воспитание», «Искусство», «Творчество», «Москва», в «Литературной газете», «Вечерней Москве» и др. Всего в газетах и журналах было 28 публикаций о музее; телевидение провело две передачи из музея.

Н. Г. Винокур, Г. Барбтарло

**МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА
в С. БОЛЬШОЕ БОЛДИНО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
в 1975—1976 гг.**

Как обычно, в Болдинском музее-заповеднике широко отмечались пушкинские памятные даты.

31 мая 1975 г. торжественным вечером в районном Доме культуры открылся девятый Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии в Болдине. Приветственное слово сказал Валерий Дементьев, председатель правления Союза писателей РСФСР; затем выступили П. Антокольский, В. Белов, Л. Либединская и др.

1 июня в заповедной роще «Лучинник» состоялись выступления поэтов, писателей, артистов из многих городов и республик страны. Затем был дан концерт силами художественной самодеятельности Борского культпросветучилища, Сормовского Дворца культуры г. Горького и Чернореческого химкомбината г. Дзержинска. (См.: *Либединская Л. Болдино. — Литературная газета, 1975, 4 июня; Соколова Е. Болдино встречает гостей. — Горьковская правда, 1975, 1 июня; Антокольский П. Со страниц хрестоматий вставая. . . — Ленинская смена, 1975, 31 мая; Пушкинский праздник в пути. — Там же; Пушкинский праздник поэзии. — Горьковский рабочий, 1975, 3 июня; Селиверстова Г. Всегда с нами. — Там же; Плотников А. На болдинской земле. — Арзамасская правда, 1975, 4 июня).*

5—6 июня 1976 г. отмечалась 177-я годовщина со дня рождения Пушкина. На десятый Всесоюзный Пушкинский праздник в Болдино приехала делегация поэтов и писателей во главе с секретарем правления Союза писателей

РСФСР Н. Е. Шундиком и председателем правления Горьковской писательской организации И. И. Бережным. На торжественном вечере с докладом «Пушкин и наше время» выступила научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина (Москва) Ю. Ю. Гречихова, которая рассказывала о работе по созданию нового пушкинского музея на Арбате. Свои стихи читали поэты-москвичи Е. Долматовский, Я. Шведов, А. Марков, поэт из Казани О. Харисов, литовский поэт Я. Сирмбардис. В концерте приняли участие артисты Горьковской государственной филармонии. В исполнении артиста филармонии А. Д. Познанского прозвучала одна из «маленьких трагедий» Пушкина — «Моцарт и Сальери». 6 июня гости ознакомились с музеем, встретились с участниками народного хора села Болдино, исполнившими старинные русские песни. В 12 часов на празднике в роще «Лучинник» выступили поэты из Москвы И. Бауков, Г. Мельников, ленинградский писатель И. Смольников, поэты и писатели республик и областей Поволжья: А. Тяпаев (Саранск), П. Голосов (Ярославль), В. Догадаев (Иваново), П. Маракулин (Киров), поэты — горьковчане и арзамасцы: Ф. Сухов, В. Половинкин, Л. Лопухова, В. Шампурич, Ю. Уваров, А. Плотников, Н. Рачков. В завершение праздника состоялся концерт коллектива художественной самодеятельности Горьковского автозавода. На народном гулянье в роще «Лучинник» присутствовало около 5000 человек. (См.: Ш т а т н о в Ю. Праздник в Болдино. — Сельская жизнь, 1976, 8 июня; Д о л м а т о в с к и й Е. Болдинское чудо Пушкина. — Горьковская правда, 1976, 5 июня; И стихи свободно потекут. — Там же; К о с о л а п о в Г. В «Лучиннике» поэзия царит. — Там же, 8 июня; Н е зарастет народная тропа. — Горьковский рабочий, 1976, 3 июня; В гости к Пушкину. — Там же, 8 июня; Ш у н д и к Н., Д о л м а т о в с к и й Е., Ш в е д о в Я. Народная тропа к Пушкину. — Ленинская смена, 1976, 6 июня; В е р ш и н и н В. Пушкин всегда с нами. — Там же, 8 июня, и др.).

14 сентября 1975 г. отмечалось 145-летие со дня первого приезда поэта в Болдино. Праздник «Болдинская осень» открылся торжественным вечером в районном Доме культуры. С докладом «Пушкин и декабристы» выступила В. А. Теплова (Горький). Вечер завершился большим концертом артистов Горьковской филармонии. В дни праздника Горьковский театр кукол привез в Болдино спектакль «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»; экспонировалась выставка филателистов-горьковчан. (См.: А л е к с а н д р о в а Д. А. Здравствуй, «Болдинская осень!» — Вечерняя Москва, 1975, 13 сентября).

В эти дни в Музее-заповеднике А. С. Пушкина состоялась пятая научная конференция «Болдинские чтения». С обзором новых материалов о Пушкине за последние годы познакомила собравшихся Я. Л. Левкович (Ленинград). Г. В. Краснов (Горький), напомнив слушателям о высказываниях Пушкина по поводу «Записок» Видока, Нащокина, А. Н. Муравьева, Н. А. Дуровой, Теннера и др., отметил в своем докладе «Жанр „Записок“ в литературно-критических суждениях Пушкина» усиленный интерес Пушкина к этому жанру в 1830-е годы и влияние его на некоторые особенности художественной прозы тех лет (на материале «Путешествия в Арарум» и других произведений). В. Н. Турбин (Москва) в докладе «А. С. Пушкин и русская журналистика 20-х годов XIX в. (к вопросу о генезисе повестей «Станционный смотритель» и «Метель»)», сравнивая повести Пушкина с рядом современных

ему журнальных прозаических произведений («Станционный смотритель» В. Карлгофа, «Иван Выжигин» Ф. В. Булгарина, анонимная повесть «Кто бы это предвидел?»), пришел к выводу о постоянных творческих контактах Пушкина с современной ему даже второстепенной журнальной прозой. Этой же теме литературных взаимоотношений писателей-современников посвятила свое сообщение «Пушкин и А. И. Одоевский» Н. Деревнина (Москва). Ряд исследований касался «Евгения Онегина», например доклад Ю. Н. Чумакова (Новгород), посвященный характеристике некоторых особенностей жанра стихотворного романа. Об интересах Пушкина к восточной, мусульманской культуре говорил в своем выступлении «Ориентальные мотивы в черновиках „Евгения Онегина“» Д. И. Белкин (Горький). В. А. Грехнев (Горький) в докладе «Слово и „образ общения“ в лирике Пушкина» охарактеризовал новые поэтические возможности пушкинской лирики 1830-х годов. В докладе «О лирических параллелях к „Медному всаднику“» Э. И. Художина (Новгород) отметила, что сопоставление поэмы с лирикой соответствующего периода позволяет выявить ее скрытый лиризм, а анализ лирических параллелей проясняет смысл целого ряда эпизодов поэмы (вне этого комментария кажущихся «странными» и даже «лишними»), А. Е. Тархов (Москва) в докладе «О пушкинском „Памятнике“», рассмотрев это стихотворение в историко-литературном контексте, выдвинул гипотезу о Пушкине как завершителе целой эпохи русской литературы XVIII в.

Ряд работ был посвящен изучению связей Пушкина с нижегородским краем. Н. И. Куприянова (Горький) на основе документов о предках Пушкина Ржевских, живших в Нижнем Новгороде в петровскую эпоху, доказала, что Пушкин пользовался семейными преданиями, известными ему от бабушки М. А. Ганнибал, урожденной Ржевской, в произведении «Арап Петра Великого». О пребывании Пушкина в Арзамасе и о местных преданиях о поэте, о памятных пушкинских местах рассказал в своем сообщении «Пушкин в Арзамасе» П. В. Еремеев (Арзамас).

Истории некоторых построек болдинского имения Пушкиных посвятили свои выступления научный сотрудник Музея-заповедника А. С. Пушкина Л. М. Малышкина (Болдино) и научный сотрудник Горьковского историко-архитектурного музея В. Ф. Черников. На основании описей имения, планов усадьбы, документов болдинского вотчинского архива начала—первой половины XIX в., а также воспоминаний старожилов Л. М. Малышкина в сообщении «Об усадебном комплексе болдинского имения Пушкиных» сделала попытку выяснить судьбы зданий хозяйственного назначения (кошюшня, баня, людская). В. Ф. Черников рассказал о новых археологических раскопках на территории барской усадьбы в Болдине, в частности о здании кухни. С докладом «Русские народные песни в записи Пушкина и проблемы фольклорной текстологии» выступила Т. И. Белоус (Горький). Старший редактор краеведческого отдела Волго-Вятского книжного издательства И. В. Сидорова (Горький) сообщила собравшимся о новых книгах пушкинской тематики, выпущенных издательством за последние годы.

С сообщениями чисто музейного характера на конференции выступили сотрудники Весесоюзного музея А. С. Пушкина (Ленинград). С рядом новых экспонатов, пополнивших коллекцию фондов музея, с историей их приобретения познакомил присутствовавших главный хранитель музея Г. П. Ба-

лог. Л. П. Февчук рассказала о рисунках декабристов из собрания музея.

Всего на конференции было прочитано 17 докладов и сообщений. (См.: Кабахов В. Болдинские чтения. — Горьковская правда, 1975, 16 сентября; Гуменная Г. Пятое болдинское. . . — Там же, 30 сентября; «Болдинская осень». — Горьковский рабочий, 1975, 15 сентября).

В дни празднования «Болдинской осени» в 1976 г., 15—16 сентября, в Музее-заповеднике А. С. Пушкина проходила седьмая научная конференция «Болдинские чтения». Как и предыдущие, она проводилась совместно с Горьковским гос. университетом им. Н. И. Лобачевского и была посвящена вопросам биографии и творчества Пушкина болдинского периода. Было заслушано 13 докладов и сообщений. В «чтениях» приняли участие литературоведы и сотрудники пушкинских музеев Москвы, Ленинграда, Горького, Коломны, Новгорода, Иркутска преподаватели и интеллигенция района и области, студенты вузов. Всего на конференции присутствовало более 80 человек.

Открывая «чтения», директор музея Ю. И. Левина подвела итоги работы музея за последние десятилетия, рассказала о создании экспозиций, о фондовой, собирательской и издательской деятельности, о перспективах развития музея. Указав на традиционный характер конференции, она отметила актуальность поднимаемых на ней вопросов. Р. В. Иезуитова (Ленинград) в докладе «Пушкин в „Дневнике“ В. А. Жуковского 1834 года» прокомментировала неопубликованные отрывки из «Дневника», в которых неоднократно упоминается имя Пушкина. Записи Жуковского при сопоставлении их с дневником самого Пушкина дают возможность точно датировать некоторые события последних лет его жизни, в частности дело о несостоявшейся отставке Пушкина в 1834 г. Особое внимание было уделено проблемам изучения поэмы «Медный всадник» и романа в стихах «Евгений Онегин». Доклад Г. В. Краснова (Коломна) был посвящен роли «Медного всадника» в развитии русской поэзии, вопросам его художественного осмысления в творчестве русских и советских поэтов (Огарева, Некрасова, Брюсова, Пастернака, Мандельштама, Антокольского). А. Е. Тархов (Москва) в докладе «Девять строк из „Медного всадника“», говоря о творческой истории поэмы, указал на ее взаимосвязь с нереализованным замыслом Пушкина — переводом ветхозаветной «Книги Иова», что позволило ему по-новому истолковать некоторые смысловые грани поэмы. На диалогическую соотнесенность поэмы с журналистской 20-х годов прошлого века — от книг поэтов — современников Пушкина до газетных заметок и дневниковых записей тех лет — обратила внимание Н. А. Рябинина (Москва). О мотиве безумия в поэме «Медный всадник» и стихотворении 1833 г. «Не дай мне бог сойти с ума» говорила в своем выступлении Э. И. Худошина (Новгород). Выступая с докладом о жанровом своеобразии «Евгения Онегина» как романа в стихах, Ю. Н. Чумаков (Новгород) проанализировал преломления этого жанра в поэзии XX в. (на материале поэм Блока, Пастернака, Ахматовой) и, выявив границы между жанрами поэмы и романа в стихах, наметил ряд типологических особенностей последнего. На одной из жанровых особенностей «Евгения Онегина» — диалоге автора с читателем в романе — подробно остановился В. А. Грехнев (Горький). О функциях авторской прозы в «Евгении Онегине» шла речь в сообще-

нии Г. Л. Гуменной (Горький). Н. И. Клейман (Москва) на основании текстологического изучения рукописи стихотворного отрывка «Когда порой вспоминаю. . .» высказал предположение о том, что данный фрагмент относится к восьмой главе «Евгения Онегина». Г. Ф. Богач (Иркутск) выступил с докладом «Молдавские реминисценции в творчестве Пушкина болдинского периода» (на материале повестей «Выстрел» и «Метель»). Н. И. Михайлова (Москва) проанализировала пародии Сенковского на «Повести Белкина» Пушкина — «Турецкая цыганка», «Потерянная для света повесть», «Джулио». Литературной судьбе болдинского стихотворения Пушкина «Бесы» (1830) уделили внимание в своем сообщении Н. В. Живоцулова и В. А. Викторovich (Горький). В прениях участники конференции отметили ее деловой характер и высказали пожелание продолжить традицию «Болдинских чтений». (См.: Пушкинские чтения. — Советская Россия, 1976, 16 сентября; Михайлова Н. Шестые Болдинские чтения. — Вопросы литературы, 1977, № 4, с. 311—313; Чеснова В. И снова «Болдинская осень». — Горьковская правда, 1976, 11 сентября; Ионов В. В Болдине — гости. — Там же, 16 сентября; Гуменная Г. Л. Шестые Болдинские чтения. — Горьковский рабочий, 1976, 4 октября).

Фонды музея в 1975—1976 гг. пополнились рядом новых экспонатов. За 1975 г. поступило 445 единиц хранения. Среди них медный пандал начала XIX в., коллекция тканей ручной работы из села Илларионово, железные весы начала XIX в. и др., а также целый ряд произведений советской изобразительной пушкинианы. В числе редких книг были приобретены журнал «Вестник Европы» за 1802 и 1805 гг., «Новейший самый полный письмовник» Курганова 1812 г. и др.

За 1976 г. поступило 386 единиц хранения (из них 233 экспоната основного фонда). Наиболее значительно пополнилась коллекция графики — на 101 единицу. Среди них работы по теме «Пушкинские места России» московских художников В. С. Берендгофа и А. И. Мищенко, иллюстрации к пушкинским произведениям, экспонировавшиеся на Первой выставке книжной графики РСФСР: серия офортов к «Сказке о золотом петушке» художника Е. И. Конькова (Новосибирск), литографии к «маленьким трагедиям» московского художника В. Н. Горяева, серия гравюр к «Пиковой даме» С. П. Новгородовой (Краснодар). Среди наиболее интересных экспонатов фотокопии документов по истории Болдина за 1830 г. Книжный фонд музея пополнился на 341 единицу.

В связи с продолжением изучения истории болдинской усадьбы Пушкиных была проведена работа по систематизации и описанию планов с. Болдина XIX—начала XX в., имеющихся в фондах музея в подлинниках и фотокопиях.

Одна из основных работ в музее — научно-просветительская. Музеем регулярно проводились тематические вечера, лекции, занятия университета культуры, утренники для школьников, литературные радиопередачи. Был организован ряд передвижных фотовыставок для сел района. В течение 1975—1976 гг. в Доме-музее, крепостной конторе и заповедном парке побывало 78 899 человек и было проведено 3859 экскурсий. Работа музея освещалась в местной печати и по радио.

В 1976 г. в Волго-Вятском книжном издательстве (Горький) вышел первый научный сборник по итогам конференции в Болдине — «Болдинские чтения». В том же издательстве издан сувенирный альбом «Болдинские рисунки Пушкина», составленный Ю. И. Левиной.

Н. А. Берисова

ПУШКИНСКИЕ МУЗЕИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ в 1976 г.

Большим событием в культурной жизни Калининской области явилось открытие нового музея А. С. Пушкина в селе Бернове в мемориальном здании — бывшем доме Вульфов.

Большой двухэтажный каменный особняк с анфиладой комнат на втором этаже и мезонином после реставрации в 1976 г. полностью передан музею. На втором этаже, где сохранена планировка старого дома, девять экспозиционных залов. На первом этаже — просторный вестибюль с раздевалкой, большой лекционный зал, три экспозиционных зала, хозяйственные помещения. Вход в здание, как и в пушкинские времена, с северной стороны, где раньше был главный подъезд.

Пушкин бывал в Бернове в октябре—декабре 1828 г., январе и октябре 1829 г. и, возможно, в августе 1833 г. Поэт хорошо знал многочисленную родню П. А. Осиповой — старицких помещиков Вульфов. Знал он и всех обитателей берновского особняка, о чем свидетельствует письмо Алексею Вульфу из Малинников от 16 октября 1829 г. Живя в Малинниках или Павловском, Пушкин, судя по воспоминаниям потомков Вульфа, часто приезжал в Берново, оставаясь здесь на день-два, много работал.

Первоначально музей А. С. Пушкина в Бернове был открыт в 1971 г. в приспособленном для музея помещении. Экспозиция нового музея в мемориальном здании воспроизводит обстановку дворянского усадебного дома первой половины XIX в. Она размещена в шести залах второго этажа. Экспонаты знакомят посетителей с И. П. Вульфом, при котором в самом начале XIX в. был построен дом в Бернове, с И. И. Вульфом, хозяином Бернова во время приездов Пушкина, с А. Н. Вульфом и А. П. Керн, внучкой И. П. Вульфа, жившей у дедушки в Бернове в 1808—1812 гг., воспоминания которой о Бернове использованы в экспозиции. Среди экспонатов обращает внимание акварель М. Костроминой 1889 г. «Дом помещиков Юргеневых в Подсосенье», соседей Вульфов по имению, которых Пушкин хорошо знал.

Тему экспозиции «Вульфы — старицкие помещики» в первом зале помогают раскрыть акварель неизвестного художника первой половины XIX в. «Обмер помещичьих владений», подлинные документы крепостной эпохи — «Отпускная в замужество, данная Е. И. Полторацкой (рожденной Вульф) крепостной Мавре Ивановой из деревни Сенчуково Старицкого уезда» 1817 г., письмо Н. И. Панафидина (родственника Вульфов) 1817 г., доверяющее приказчику совершить «перезалог 30 душ крепостных крестьян из сельца Козлева в деревню Нестерово Старицкого уезда», а также копии с материа-

лов Государственного архива Калининской области о бунте крепостных крестьян в селе Бернове летом 1827 г.: «Жалоба крестьян села Бернова предводителю Тверского дворянства на своего помещика И. И. Вульф» и «Приговор по делу о волнении крепостных в имении Вульфов в Бернове. 29 июня 1827 г.». В «Романе в письмах», на котором Пушкин работал в Берновской волости, есть горькие выводы по поводу хозяйствования помещиков, которые сделал герой произведения, «живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян».

Экспозиция следующих двух залов музея воссоздает интерьеры гостиной, столовой и комнаты Пушкина в доме Вульфов. По легендам, живущим в Бернове, по воспоминаниям потомков Вульфов, Пушкину отводилась комната на втором этаже с южной стороны с выходом на балкон. В экспозиции мемориальные вещи, в прошлом находившиеся в берновском доме: диван с мягкой спинкой, по преданию стоявший в комнате Пушкина; стулья и овальный стол, сохранившиеся в Бернове; ломберный столик, подаренный профессором Д. А. Вульфом; кроме того, вещи из имения Вульфов Малинники, переданные Т. М. Панафидиной и ее дочерью М. М. Андреевой: ломберный столик, дорожная шкатулка Евпраксии Николаевны Вульф, паяльцы, костяной игольник и костяные ножи для разрезания бумаги, фруктов нож, вилка с вензелем «А. В.», две чайные ложки, найденные в доме Вульфов при реставрации. Экспозицию дополняют книги, предметы дворянского быта, картины и портреты той поры.

В трех последних залах музея размещены выставка «Пушкин в советском изобразительном искусстве» (из фондов Московского государственного музея А. С. Пушкина) и выставка работ художника Ю. Л. Керцелли.

Над экспозицией музея работали заведующая литературным отделом Калининского областного краеведческого музея Л. А. Казарская, старшие научные сотрудники музея И. Н. Яковлева, О. А. Кузьмина. Художественный проект и оформление музея осуществили художники и реставраторы Областного художественного фонда: А. И. Бобров, Г. Н. Ореляков, И. С. Суриков, О. М. Михайлов, Л. Н. Сытин, Г. П. Нилов.

Пушкинские музеи Калининской области в 1976 г. посетило 46 240 человек, проведено 1367 экскурсий. Сотрудники музея Пушкина в Бернове по установившейся традиции в феврале провели литературный вечер, посвященный памяти поэта, в клубе совхоза Берново и средней школе им. А. С. Пушкина.

На пушкинских чтениях в Старице в мае этого года заведующая музеем А. С. Пушкина в Бернове С. П. Орлова выступила с сообщением «Пушкин в Старице».

Для участия в пушкинском празднике на калининской земле, который проходил 4—6 июня, в Калинин прибыла делегация Союза писателей СССР: секретарь правления Союза писателей СССР поэт О. Н. Шестинский (руководитель делегации), литературовед М. В. Урсов, поэты В. А. Костров, А. Ф. Филатов, М. В. Хонинов, Р. Бородулин, Л. В. Решетников, А. Д. Деметьев. Гости возложили цветы к памятнику Пушкина на набережной реки Волги, приняли участие в литературно-художественном вечере, посвященном 177-летию со дня рождения поэта, который состоялся в зале областной филармонии.

5 июня пушкинский праздник продолжался в г. Торжке, где на площади Пушкина были возложены цветы к памятнику великого поэта. Гости посетили музей А. С. Пушкина, познакомились с городом; состоялись встречи поэтов с читателями. 6 июня в Бернове с кратким вступительным словом к участникам праздника обратилась первый секретарь Старицкого райкома КПСС З. И. Михайлова. Тысячи людей слушали выступление ответственного секретаря Калининской писательской организации А. Ф. Гевелинга, секретаря партийной организации колхоза им. А. С. Пушкина В. Н. Барановой, поэтов, выступивших с чтением своих стихов. В этот день в торжественной обстановке был открыт новый музей А. С. Пушкина в мемориальном здании.

Праздник в Бернове по традиции завершился большим концертом самодеятельных артистов.

Л. А. Казарская

XXIV ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2—3 июня 1976 г. в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР состоялась XXIV Пушкинская конференция, посвященная теме «Пушкин и литературно-общественное движение первой трети XIX в.».

На конференции были заслушаны доклады: «Пушкин и Белинский» (Ф. Я. Прийма), «Основные этапы развития художественной прозы Пушкина» (Л. С. Сидяков), «Вопросы историзма в литературных спорах Пушкина» (З. В. Кирилюк), «„Евгений Онегин“: поэзия и история» (И. М. Тойбин), «Пушкин и русская романтическая повесть 1820—1830-х годов» (Н. Н. Петрунина), «Пушкин в полемике о сатире» (Л. А. Степанов), «Пушкин и поэты кружка Веневитинова» (Е. А. Маймин), «Пушкин и Чаадаев» (Ю. Н. Чумаков), «Жуковский и Пушкин. (Из истории личных и творческих отношений)» (Р. В. Исауитова), «Из истории пушкинского „Современника“» (М. И. Гиллельсон), «Пушкин и литература Сибири первой трети XIX в.» (Г. С. Постнов), «Кишиневские „конституционные друзья“ из числа иностранцев и зарубежные связи южных декабристов» (Г. Ф. Богач), «Новое о лицейском товарище Пушкина В. Д. Вольховском» (В. С. Шадури), «Пушкин и Тегнер» (Д. М. Шарыпкин), «К интерпретации поэмы „Медный всадник“» (А. Е. Тархов). С сообщениями выступили М. И. Яшин («К истории создания элегии „Простишь ли мне ревнивые мечты“») и В. Э. Рецеттер («О пушкинском спектакле»). См.: Русская литература, 1976, № 1, с. 256—264; Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1977, т. XXXVI, № 4, с. 376—378.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПУШКИНУ

В 1976 г. в связи с празднованием 177-летней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина в нашей стране появилось несколько новых памятников великому поэту. Так, в мае 1976 г. на одной из центральных улиц древнего города Смоленска в сквере «Уголок А. С. Пушкина» был установлен бюст поэта работы известного советского скульптора Е. Ф. Белашовой (см.: Правда, 1976, 31 мая; Рабочий путь, 1976, 2 и 13 июня).

В этом же году в город Трубчевск Брянской области был доставлен памятник поэту, отлитый на ленинградском заводе «Монументскульптура». Памятник отлит по модели скульптора А. Кобилицкого на средства, собран-

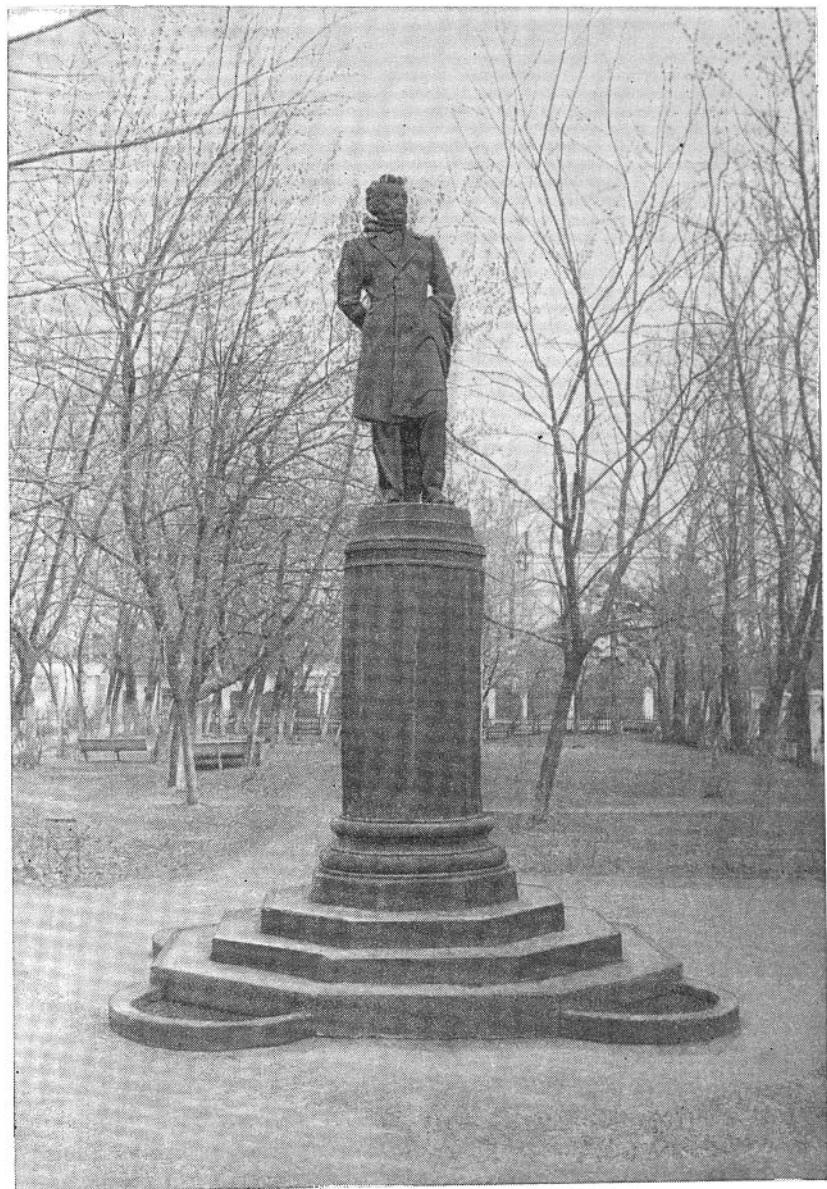

Памятник Пушкину в г. Смоленске. Скульптор Е. Ф. Белашова.

ные учащимися школы им. А. С. Пушкина старинного города Трубчевска, недавно отмечавшего свое тысячелетие. Памятник установлен у здания школы, в которой имеется особый «Пушкинский зал». В этом зале — школьном музее — представлены различные издания произведений Пушкина, материалы, связанные с его жизнью и творчеством. Трубчевские школьники на первом Всероссийском слете юных пушкинистов были награждены грамотой и дипломом (Правда, 1976, 5 декабря; Вечерний Ленинград, 1976, 29 октября).]

**Памятник Пушкину в г. Трубчевске Брянской области.
Скульптор А. Кобилинский.**

Памятник Пушкину в г. Брянске. Скульптор И. Д. Бродский.

В настоящем сборнике «Временника» публикуется фотография еще одного памятника Пушкину, который был установлен ранее, в 1959 г., в областном городе Брянске. Его автор — скульптор И. Д. Бродский.

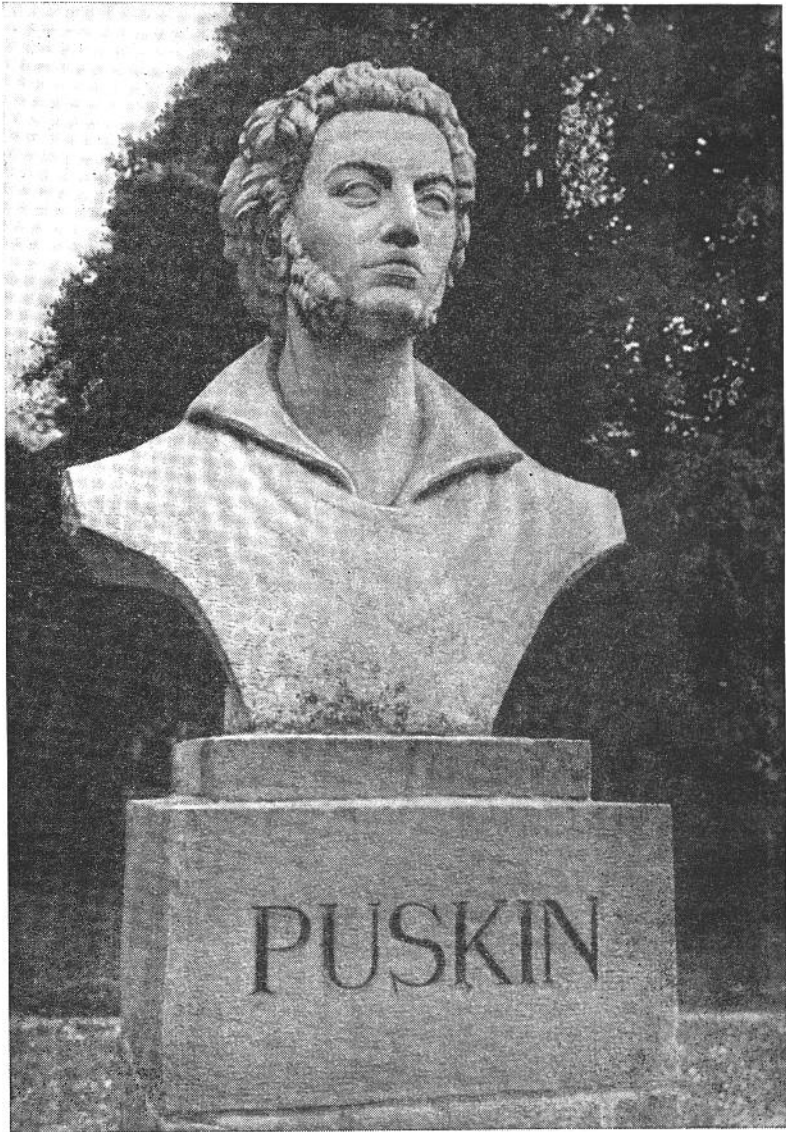
О. П.

ПАМЯТНИКИ ПУШКИНУ ЗА РУБЕЖОМ

Памятники Пушкину, установленные за рубежом, ярко свидетельствуют о все возрастающей всемирной славе поэта. Между тем круг литературных источников по этому вопросу очень ограничен. Единственная обзорная статья об этих памятниках — «Скульптурные памятники Пушкину за рубежом» Г. В. Степановой и Б. В. Шапошникова — опубликована в 1953 г. (Пушкин. Исследования и материалы. Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. М., 1953, с. 287—305), но в ней описаны не все установленные к тому времени зарубежные монументы поэта. Так, в этой публикации не приведены сведения о памятнике в г. Джексоне (бывший Кассвилл, штат Нью-Джерси, США), установленном в 1941 г. (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.—Л., 1966, с. 123—124; автор публикации Е. М. Двойченко-Маркова), и о памятнике в г. Сомбатхей (Венгрия), 1950 г., краткое описание которого дается ниже (в обзоре «Новые памятники Пушкину», помещенном во «Временнике Пушкинской комиссии. 1962» (М.—Л., 1963, с. 97), ссылка на названную публикацию 1953 г. дана с ошибкой — памятник Пушкину в Бургасе (Болгария) открыт не в 1949 г., а в 1952 г.). В последующие годы появилось еще несколько таких памятников (см., например: Памятник Пушкину в городе Монро (США). — Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972, с. 132) в США. Ниже приводятся краткие сведения о памятниках Пушкину в Венгрии и Польше.

Празднование 150-летия со дня рождения Пушкина в Венгрии, проведением которого руководил специальный юбилейный комитет, приняло очень широкие масштабы (см.: Правда, 1949, 13 мая, 6 июня, 2 сентября; Известия, 1949, 7 июня; Веч. Ленинград, 1949, 5 и 9 июня; Огонек, 1949, № 22, и др.). Наряду с изданием переводов произведений поэта в 1949 г. было опубликовано множество статей о его жизни и творчестве, проводились выставки, юбилейные спектакли, вечера, радиопередачи и т. д. Одна из центральных улиц венгерской столицы Будапешта стала называться Пушкинской (бывшая ул. Эстерхази), и, проходя сегодня по ней, можно увидеть установленную на одном из домов мраморную мемориальную доску с текстом и барельефным изображением Пушкина.

В потоке печатной информации о подготовке и проведении пушкинского юбилея в Венгрии нам не приходилось встречать упоминаний о закладке памятника Пушкину. Но он был заложен именно в те дни. Вот что удалось нам узнать благодаря любезному сообщению театрального критика Ласло Далоса (Laszla Dalos), большого почитателя таланта Пушкина и переводчика произведений К. Г. Паустовского на венгерский язык: «Среди других работ мастеров искусств на пушкинской выставке в городе Сомбатхей обратил на себя внимание бюст поэта работы местного скульптора Яноша Фар-

Памятник Пушкину в г. Сомбатхей (Венгрия).
Скульптор Янош Фаркаш. 1950 г.

каша (Ianos Farkas). Эту скульптуру городской совет решил установить в виде памятника. Его торжественное открытие состоялось в 1950 году. По имеющимся фотографиям можно судить о том, что памятник установлен в парке или сквере. На каменном постаменте выбито PUSKIN».

О памятнике Пушкину в Поляницах (Польша) пока известно мало (упомянут нами в заметке «Зарубежная Пушкиниана», см.: Литературная Россия, 1976, 4 июня, с. 24). О его существовании нам довелось услышать от одного московского коллекционера в середине 60-х годов. Однако поиски печатных сообщений о закладке и об открытии, а также его изображений положительных результатов не дали.

Сообщив об этом факте, нуждавшемся в проверке, энтузиастам из одесской школы № 29, создавшим под руководством своего преподавателя литературы школьный Пушкинский музей, мы получили дополнительные сведения. Польские друзья прислали в Одессу фотографию памятника, установленного в 1954 г. (работа скульптора Гольдберга, ученика Генрика Куни), изображающего Пушкина рядом с Адамом Мицкевичем. Как стало известно, памятник был сооружен из временного материала и до настоящего времени не сохранился.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем сведениями о семи зарубежных памятниках Пушкину: в США (два), ГДР, Венгрии, Болгарии, Польше и Китае (последний был разрушен в 1966 г. хунвейбинами, см.: Правда, 1966, 18 сентября).

А. Д. Гдалин

МЕДАЛЬ В ЧЕСТЬ ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ

Во Франции при Монетном дворе издавна существует так называемый «Клуб французской медали», целью которого является распространение медалей, выпускаемых французским Монетным двором на самые разнообразные темы. Еще во время путешествия Петра Великого по Западной Европе он 28 мая 1717 г. посетил в Париже Монетный двор, и тогда же при нем была отчеканена золотая медаль с его изображением.

Медаль в честь великого русского поэта А. С. Пушкина была выполнена по бронзовой модели советского художника Марка Салмана, участника конкурса на приз «Возрождение медали» в 1974 г.; этот приз — начинание учреждения для развития искусства медали, основанного Народным банком Восточного парижского округа.

На конкурсе 1974 г. приглашались художники всего мира не старше 44 лет; им предоставлялась полная свобода творчества, без стеснения заданной темой. Из 99 участников конкурса 29 были художниками из Советского Союза. Кроме трех призов и трех почетных дипломов, присуждавшихся жюри, особый приз был присужден Союзу художников СССР за разнообразие и качество произведений, представленных советскими участниками конкурса.

Медаль, выпущенная во Франции в честь Пушкина. Лицевая и оборотная стороны. 1974 г.

Всего было выпущено 50 экземпляров медали в честь Пушкина, отлитых из бронзы; все они пронумерованы. Диаметр медали 150 мм. Недавно по поручению директора Монетного двора в Париже г-на Пьера Дея консульство Франции в Ленинграде передало экземпляр медали в честь Пушкина председателю Пушкинской комиссии АН СССР академику М. П. Алексееву. В настоящее время эта медаль передана Музею ИРЛИ.

Г. Воронцов-Вельяминов

«КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ИМ. А. С. ПУШКИНА» В ЛЮКСЕМБУРГЕ

15 ноября 1974 г. в Люксембурге при обществе дружбы «Люксембург—СССР» был открыт «Культурный центр имени А. С. Пушкина» (Centre culturel A. S. Pouchkine Luxembourg, 10, rue de l'abbé Le Mire). В 1977 г. Пушкинская комиссия (Ленинград) получила в дар от председательницы административного совета «Пушкинского центра» в Люксембурге Розмари Киффер (Rosemarie Kieffer) разнообразные печатные и рукописные материалы, дающие полное представление о широкой культурно-просветительной деятельности этого «Центра» за первые годы его существования.

«Центр» поставил своей задачей не только популяризацию наследия Пушкина, но проведение также многих других мероприятий культурно-просветительного характера для улучшения взаимопонимания и установления дружбы между люксембуржцами и народами Советского Союза. В отчете указанного «Центра» за 1974—1977 гг. пояснено, почему ему присвоено имя Пушкина: «Прежде всего потому, что жители Люксембурга ценят поэтические достоинства великого русского поэта, а также и потому, что они знают ту роль, которую его творческое наследие играло в русской литературе и продолжает играть в литературе советской». К этому отчет прибавляет еще одно соображение, представляющее для нас известный интерес: речь идет о родственных отношениях, в которых находились внуки Пушкина и правящая династия великих герцогов люксембургских. Упомянем об этом потому, что сообщаемые данные, насколько мы знаем, учтены не полностью в существующих у нас родословиях Пушкина и его потомков, а они не только позволяют уточнить родословную зарубежных потомков Пушкина, в которой до сих пор остаются противоречия и неясности, но и служат подспорьем для дальнейших поисков следов ныне утраченных автографов поэта.

Среди материалов, присланных в Ленинград из Люксембурга, оказалась ксерокопия статьи Жана Мальмейстера (Jean Malmeister) «Lorsque le petit-fils de Pouchkine élevait des prétentions sur le trône grand-ducal. . .». Эта статья была напечатана в каком-то сравнительно недавнем (около 1972 г.), к сожалению не указанном на отгиске, люксембургском периодическом издании. В связи с крайней редкостью этой статьи приводим из нее несколько данных, которые стоило бы сопоставить с данными, обычно сообщаемыми в биографиях Пушкина и его многочисленных потомков. Речь идет о внуках и правну-

ках Наталии Александровны Пушкиной — младшей дочери поэта (1836—1913), той самой, которая — вопреки своим братьям — предоставила И. С. Тургеневу для первой публикации письма отца к матери. Н. В. Измайлов, рассказывая историю этой известной публикации в статье «Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной» (Тургеневский сборник, т. V. Л., 1969, с. 399—416), попутно привел кое-какие данные о зарубежных потомках Наталии Александровны (с. 400, 403—404), однако они не во всем совпадают с фактами, сообщаемыми в вышеуказанной статье Мальмейстера. Известно, что она была замужем за М. Л. Дубельтом, но развелась с ним, а второй раз состояла в морганатическом браке с принцем Николаем Нассауским (р. 1832), сыном Вильгельма Нассау-Вейльбурга и братом Адольфа Нассауского, ставшего впоследствии великим герцогом Люксембургским. Так как Н. А. Пушкина, выйдя замуж за принца Нассауского, не имела права носить его титул, ей был присвоен (29 июля 1867 г.) наследственный титул графини Меренберг.

От Николая Нассауского у Наталии Александровны было трое детей — Софья, Александра и Георг, являвшихся прямыми внуками Пушкина по матери и носивших титул и фамилию Меренберг. Старшая дочь Наталии Александровны, Софья Николаевна Меренберг (1868—1927), в 1891 г. вышла замуж за русского великого князя Михаила Михайловича Романова. Это был также морганатический брак, обескураживший юристами целой Европы. Александр III, разгневанный этим брачным союзом, телеграфировал герцогу Люксембургскому и принцу Нассаускому, что он не будет признавать этот брак действительным (см.: Русаков В. М. Потомки А. С. Пушкина. Л., 1978, с. 129—130); герцог же Люксембургский, со своей стороны, признавая родственные связи графов Меренберг и принцев Нассауских, присвоил Софье Николаевне титул люксембургской графини Торби. Когда старший в роде по мужской линии принцев Нассауских — Вильгельм III, король Нидерландов и великий герцог Люксембургский, умер в 1890 г., не имея мужского потомства, Адольф Нассауский — родной брат Николая-Вильгельма (мужа Наталии Александровны) — был провозглашен великим герцогом Люксембургским. Добавим к этому, что сын Софьи Николаевны, Георг-Никола (или Георгий Николаевич) Меренберг (1871—1948), был женат на княжне Ольге Юрьевской — побочной дочери Александра II и имел от нее двух детей — сына Георга (р. 1897) и дочь Ольгу (р. 1893). Гнев Александра III, признавшего недействительным брак Софьи Николаевны, внучки Пушкина, с внуком Николая I, заставил супругов навсегда остаться за границей. Так как сын Адольфа, великого герцога Люксембургского (и брата Николая Нассауского), Вильгельм, также не имел мужского потомства, то после его смерти возник вопрос о престолонаследии. В 1907 г. Георг Меренберг заявил о своих правах на люксембургский трон, но голосование за его избрание в парламенте в конечном счете оказалось для него неудовлетворительным (7 депутатов подали свои голоса за его приглашение, 41 — против). Отметим, кстати, что дополнительные известия об этом были даны в анонимной записке по этому поводу, составленной по иностранным газетам, — «Люксембургское наследство и потомок Пушкина» (Московские ведомости, 1912, № 40, 18 февраля, с. 4). Сын Георга Меренберга (также Георг) — граф Меренберг 2-й, правнук Пушкина по дочери, живет ныне в Висбадене (ФРГ). В 1928 г. он женился

на Полетте де Кевер, с которой развелся в 1928 г.; второй раз он вступил в брак с Елизабет Мюллер-Ури и имеет от нее дочь Елизавету (р. 1941). Эти сведения в имеющихся у нас родословных отсутствовали; однако Ж. Мальмейстер в названной выше статье не отметил, что граф Меренберг 2-й, по имеющимся у нас сведениям, умер в 1965 г. и что имя его дочери было Клотильда фон Ринтелен, как указывает Н. В. Измайлов (Тургеневский сборник, т. V, с. 404). Все это требует дальнейшей проверки и уточнения. Следует, однако, отметить, что графы Меренберги уже во втором поколении утратили связь с русской родиной своей матери, младшей дочери Пушкина, и не умели читать и писать по-русски

Люксембургский «Центр» имеет в виду дальнейшую популяризацию в Люксембурге творческого наследия великого русского поэта, имя которого он носит. В первом же отчете «Центра» с удовлетворением отмечено, что именно люксембургская художница Жер Маас (Ger-Germaine Maas) еще до создания «Центра» выполнила широко известные иллюстрации к изданию «Пиковой дамы» Пушкина. В том же отчете с огорчением указывается, что даже в соседней Франции постоянно можно встретить полное непонимание Пушкина и настоящее неведение о нем; в качестве примера дается ссылка на мемуары французской писательницы Симоны де Бовуар (р. 1908) — *Mémoires d'une jeune fille rangée* (1958), где она утверждает, что на ее родине Пушкин «известен очень мало» и что совершенное ею путешествие на Псковщину, в Михайловское и Тригорское не произвели на нее никакого впечатления.

Тем не менее «Культурный центр имени А. С. Пушкина» открыт при обществе «Люксембург—СССР» и ставит перед собой многообразные культурно-просветительные задачи; он поддерживает связи с другими зарубежными обществами, существующими в соседних странах, например в Бельгии, Голландии, находится в постоянном контакте с участниками движения Сопротивления и борьбы с фашизмом («Resistance contre le fascisme»), поддерживает связь с советским посольством в Люксембурге, с Московским обществом дружбы «СССР — Люксембург». Административный совет «Центра» состоит из видных общественных деятелей Люксембурга, представителей его артистического мира — музыкантов, художников, артистов и т. д. «Центр» периодически устраивает фотовыставки о культурной жизни советских республик, вечера и концерты, посвященные тем или иным событиям общественно-политической жизни в СССР и юбилейным датам, отмечаемым в Советском Союзе. В первое трехлетие своего существования «Пушкинский центр» собрал ценную библиотеку книг на русском языке и на языках народов СССР (например, на украинском, белорусском, грузинском, эстонском). Получая советские книги, «Центр» устраивает их тематические выставки и широко распространяет их по другим библиотекам и ассоциациям. «Центр» организовал также постоянно действующие курсы по изучению русского языка, имеющие филиалы и в других городах и местностях Люксембургского герцогства. По инициативе «Центра» в Люксембург приглашались ученые, писатели, музыканты из Советского Союза, а люксембуржцы получили возможность совершить путешествия по Советскому Союзу. «Центр» устраивал фестивали советских кинофильмов, налажил связи с люксембургскими

школами, устраивая для них выставки детских книг, и т. д. В 1975—1976 гг. «Центр» организовал торжественные фестивали, посвященные А. П. Чехову и А. М. Горькому; особые вечера были посвящены К. А. Федину и Вс. Иванову.

Пушкинская комиссия в Ленинграде и редакция настоящего «Временника» благодарят «Культурный центр им. А. С. Пушкина» за присланные материалы (переданы на хранение в Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР в Ленинграде) и надеются в недалеком будущем получить сведения о том, как в Люксембурге было отмечено 180-летие со дня рождения А. С. Пушкина.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. А. С. Пушкин. Гравюра Е. Гейтмана. 1822 г. (С. 16).
2. А. С. Пушкин. Рисунок, приписываемый К. Н. Батюшкову. 1820-е годы. (Всесоюзный музей А. С. Пушкина). (С. 17).
3. Фрагмент черновика из общей тетради А. С. Пушкина. (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 835, л. 54 об.). (С. 99).
4. Титульный лист журнала «Всеобщая библиотека романов» (1776) из библиотеки Пушкина. (С. 101).
5. Страница журнала «Всеобщая библиотека романов» (1776) из библиотеки Пушкина. (С. 103).
6. Строка из белого автографа «Путешествия в Арарум» Пушкина. (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1031, л. 6). (С. 137).
7. Памятник Пушкину в г. Смоленске. Скульптор Е. Ф. Белашова. (С. 169).
8. Памятник Пушкину в г. Трубчевске Брянской области. Скульптор А. Кобилинский. (С. 170).
9. Памятник Пушкину в г. Брянске. Скульптор И. Д. Бродский. (С. 171).
10. Памятник Пушкину в г. Сомбатхей (Венгрия). Скульптор Янош Фаркаш. 1950 г. (С. 173).
11. Медаль, выгнущенная во Франции в честь Пушкина. Лицевая и оборотная стороны. 1974 г. (С. 175).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
А. М. Эфрос. Портрет Пушкина, рисованный К. Н. Батюшковым	5
Н. Н. Петрунина. К творческой истории романа «Дубровский»	15
Р. М. Горохова. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс»	24
В. Э. Вацуро. Из неизданных откликов на смерть Пушкина	46
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1976 года	65
М. П. Алёкеев. Заметки на полях. 4. К «Сцене из Фауста» Пушкина. 5. Пушкин и французская народная книга о Фаусте	80
III. МЯГКИЕ ЗАМЕТКИ	
Ю. М. Лотман. «Смесь обезьяны с тигром»	110
К. А. Бойко. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина	113
Д. И. Белкин. К истолкованию образа Шамаханской царицы	120
Л. А. Черейский. К датировке одного письма Пушкина	125
С. А. Рейсер. Пушкин и мемуары Казановы	125
А. А. Формовов. Заметки о Пушкине (комментарий археолога) 1. О гробнице Овидия. 2. К спору Пушкина с Рылевым о щите Олега. 3. «Археолог» в послании П. А. Катенина «А. С. Пушкину»	131
Л. В. Чкадзе. К источникам «Путешествия в Арзрум»	134
Л. М. Ариштейн. Английский путешественник о встрече с Пушкиным	139
Л. Г. Фришман. К заметке Пушкина «Об Андре Шенье»	144
Н. М. Боввинник. О стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»	147
IV. ХРОНИКА	
Восемьдесятый музей А. С. Пушкина в 1976 г.	157
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1976 г.	159

Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьков- ской области в 1975—1976 гг.	
Пушкинские музеи Калининской области в 1976 г.	
XXIV Пушкинская конференция	
Новые памятники Пушкину	
Памятники Пушкину за рубежом	
Медаль в честь Пушкина во Франции	
«Культурный центр им. А. С. Пушкина» в Люксембурге	
Список иллюстраций	

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
1976

Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. А. Храмцова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Н. Ф. Виноградова
Корректоры С. В. Добрянская,
Ф. Я. Петрова и К. С. Фридлянд

ИБ № 8675

Сдано в набор 07.08.79. Подписано в печати 25.12.79.
М-06323. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 11^{1/2} +
+ 1 вкл. (1/8 печ. л.) = 11.62 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 13.98.
Тираж 25050, Изд. № 7339, Тип. зак. 586.
Цена 95 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117192 Москва В-192, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;
- 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин
«Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»:
- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга—почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск (Донецкой обл.), ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга—почтой»);
192104 Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199034 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142292 Пущино (Московской обл.), «Академкнига»;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310003 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).